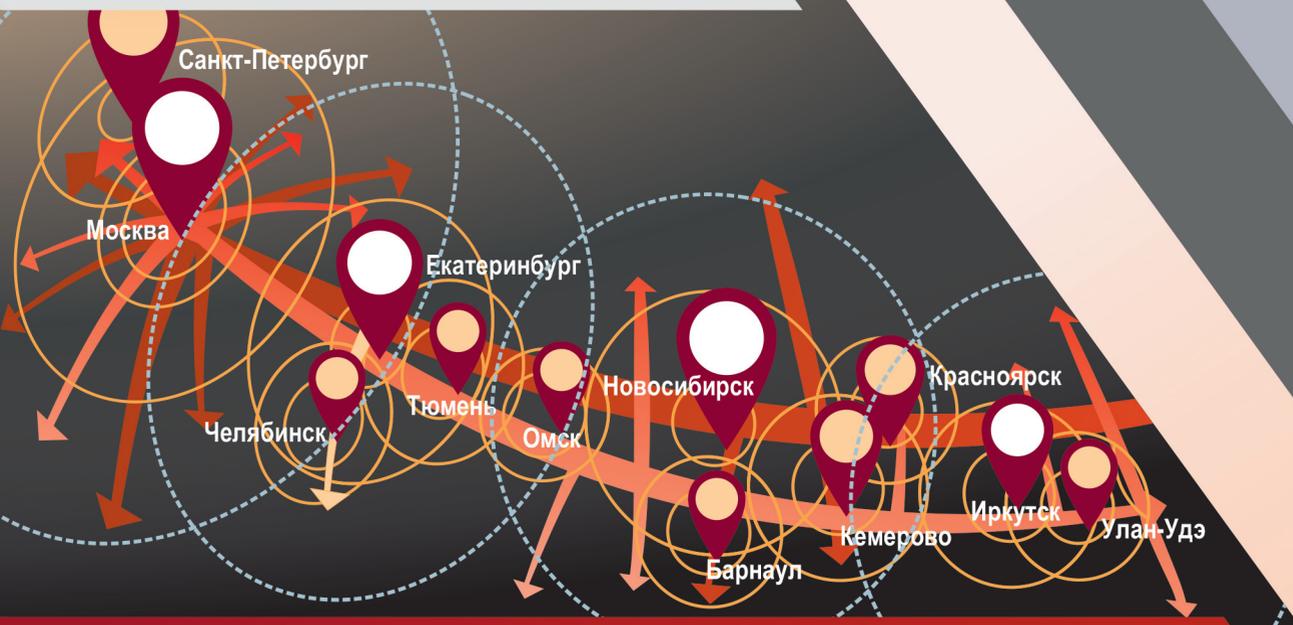

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

2 (36)
2024

TERRITORY DEVELOPMENT

Quarterly
scientific-practical journal

FOUNDED IN 2015

2024. № 2 (36)

EDITORIAL BOARD

Vladimir V. Glinskiy, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Leonid K. Bobrov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay I. Krasnyakov, Doctor of Law, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir F. Minakov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Lyudmila K. Serga, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

Link to the journal "Territory Development" is mandatory when materials are used.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPА

Founder
Federal State-funded Educational Institution
of Higher Education
"Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration"

"Territory Development" journal —
media partner of division
of the Russian Historical Society
(Novosibirsk)

Editor in chief
Leonid V. Savinov, Doctor of Political Science

Assistant Editor
Sergey M. Koba

Editorial office address:
Nizhegorodskaya street, 6,
Novosibirsk, 630102

Phone: +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Editors:
V. V. Popova
N. V. Ivanova

Technical Editor *O. A. Gladunova*

SibAGS Publishing House.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Release date 26.06.2024.
OCE print. Format 60x84 1/8.
Conventional printed sheet 9,77.
Publisher's signature 9,83.
Edition of 500 copies. Order 13.

The mass media registration certificate
III № ФС77-81592
dated August 6, 2021,
issued by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
(Roskomnadzor).

Printed
on the printing facility
of the Siberian Institute of Management —
branch of RANEPА.
Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.
Subscription price 180.

РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ

Ежеквартальный
научно-практический журнал

ОСНОВАН В 2015 Г.

2024. № 2 (36)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глинский Владимир Васильевич, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Бобров Леонид Куприянович, доктор технических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

Красняков Николай Иванович, доктор юридических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Минаков Владимир Федорович, доктор технических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Серга Людмила Константиновна, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Развитие территорий» ссылка на журнал обязательна.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Учредитель
ФГБОУ ВО
«Российская академия
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Журнал «Развитие территорий» —
информационный партнер отделения
Российского исторического общества
в г. Новосибирске

Главный редактор
Леонид Вячеславович Савинов
доктор политических наук

Ответственный секретарь
Сергей Михайлович Коба

Адрес редакции:
630102, г. Новосибирск,
ул. Нижегородская, 6.

Тел. +7 (383) 373-12-18
rasv_ter@siu.ranepa.ru

Редакторы:
В. В. Попова
Н. В. Иванова

Технический редактор *О. А. Гладунова*

Издательство СибАГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Дата выхода в свет 26.06.2024.
Печать ОСЕ. Формат 60x84 1/8.
Усл. п. л. 9,77. Уч.-изд. л. 9,83.
Тираж 500 экз. Заказ 13.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-81592
от 6 августа 2021 г.,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Отпечатано
на полиграфической базе
Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Цена по подписке 180 руб.

EDITORIAL COUNCIL

Yuri I. Shokin, Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Valery A. Kryukov, Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey M. Drobyshvsky, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Ruben O. Agavelyan, Doctor of Psychology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Biryukov, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Vladimir N. Borisov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Roman N. Borovskikh, Doctor of Law (Russian Federation, Tomsk)

Vladimir A. Volokh, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Anna I. Guseva, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Paul Desendorf, PhD, University of West Carolina (USA, Kallouhy)

Vladimir Yu. Zorin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Andrey S. Zuev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Nikolay E. Kalenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Dmitry V. Kim, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Omsk)

Irina V. Knyazeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Sergey V. Kodan, Doctor of Law, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Kremer Raimund, PhD (Germany, Potsdam)

Chimiza K.-O. Lamazhaa, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Moscow)

Arbaban K. Magomedov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Ulyanovsk)

Izabella P. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor (Russian Federation, Yekaterinburg)

Lyudmila A. Mokretsova, Doctor of Pedagogy (Russian Federation, Professor, Biysk)

Alexander V. Novokreschenov, Doctor of Sociology, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Roza A. Nurtazina, Doctor of Political Sciences, Professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Tatyana V. Poplavskaya, Doctor of Philology, Professor (Belarus, Minsk)

Mikhail L. Pyatov, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, St. Petersburg)

Olga V. Simagina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Galina V. Timofeeva, Doctor of Economics, Professor (Russian Federation, Moscow)

Baktykan M. Torogeldieva, Doctor of Political Science, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Irbulat T. Utepbergenov, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kazakhstan, Almaty)

Tatyana E. Fassenko, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

Alexey V. Fedyakin, Doctor of Political Sciences, Professor (Russian Federation, Moscow)

Larisa L. Khoperskaya, Doctor of Political Sciences, Professor (Kyrgyzstan, Bishkek)

Sergey N. Chirun, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Russian Federation, Kemerovo)

Cheng Runyu, PhD (China, Shanghai)

Vladimir I. Shishkin, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russian Federation, Novosibirsk)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шокин Юрий Иванович**, доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Крюков Валерий Анатольевич**, доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Молодин Вячеслав Иванович**, доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук (Россия, Новосибирск)
- Дробышевский Сергей Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Агавелян Рубен Оганесович**, доктор психологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Бирюков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Борисов Владимир Николаевич**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Боровских Роман Николаевич**, доктор юридических наук (Россия, Томск)
- Волох Владимир Александрович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Гусева Анна Ивановна**, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)
- Зорин Владимир Юрьевич**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Зув Андрей Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Каленов Николай Евгеньевич**, доктор технических наук, профессор (Россия, Москва)
- Ким Дмитрий Владимирович**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
- Князева Ирина Владимировна**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Кодан Сергей Владимирович**, доктор юридических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Кремер Раймунд**, PhD (Германия, Потсдам)
- Ламажаа Чимиза Кудер-Ооловна**, доктор философских наук, профессор (Россия, Москва)
- Магомедов Арбахан Курбанович**, доктор политических наук, доцент (Россия, Ульяновск)
- Малинова Изабелла Павловна**, доктор философских наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
- Мокрецова Людмила Алексеевна**, доктор педагогических наук, профессор (Россия, Бийск)
- Новокрещёнов Александр Васильевич**, доктор социологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
- Нуртазина Роза Ауталиповна**, доктор политических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
- Поплавская Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор (Беларусь, Минск)
- Пятов Михаил Львович**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
- Симагина Ольга Владимировна**, доктор экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)
- Тимофеева Галина Владимировна**, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва)
- Торогельдиева Бактыкан Макишевна**, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
- Утепбергенов Ирбулат Туремуратович**, доктор технических наук, профессор (Казахстан, Алматы)
- Фасенко Татьяна Евгеньевна**, кандидат экономических наук, доцент (Россия, Новосибирск)
- Федякин Алексей Владимирович**, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)
- Хопёрская Лариса Львовна**, доктор политических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
- Чирун Сергей Николаевич**, доктор политических наук, доцент (Россия, Кемерово)
- Ченг Жунью**, PhD (Китай, Шанхай)
- Шишкин Владимир Иванович**, доктор исторических наук, профессор (Россия, Новосибирск)

CONTENTS

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS.....	8
Semchenkov A.S., Fedyakin A.V. TERRITORIAL INTEGRITY OF THE STATE: ASSESSING THE PRESENCE OF PREREQUISITES FOR DISINTEGRATION IN MODERN RUSSIA.....	8
Cuong Nguyen Duc REFORMING THE VIETNAMESE POLITICAL SYSTEM: PRACTICES AND PROBLEMS.....	16
ECONOMIC RESEARCH.....	24
Slepneva L.R., Khaltaeva S.R., Naydanova E.B., Hantueva I.O. ECONOMIC GROWTH IN THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT: TRENDS AND FACTORS.....	24
INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES.....	33
Kislyakov A.N. MINIMUM SPANNING TREE ALGORITHM FOR EVALUATING GROWTH POINTS IN TERRITORIES STRATEGIC PLANNING SYSTEM.....	33
Tyukavkin N.M., Anisimova V.Yu., Stepanov E.V. METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING INNOVATION AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL USED TO ADVANCE IMPORT INDUSTRIAL ENTERPRISES.....	41
Sharnopolskaya O.N., Russiyan S.A., Logacheva O.M. ALGORITHM FOR DETERMINING PRIORITIES OF TARGETED INVESTMENT IN PLANNING THE STRATEGY OF ANTI-CRISIS DEVELOPMENT OF THE TERRITORIAL-INDUSTRIAL COMPLEX.....	47
PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND MANAGEMENT.....	56
Vyzhitovich A.M., Martynova A.A., Netisova I.E. PRACTICAL ASPECTS OF EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL OF CONCESSION AGREEMENTS.....	56
Nazarov A.V., Volkova M.D. PARAMETRIC MODEL OF THE FUNCTIONS OF THE CAREER CENTER OF AN EDUCATION ORGANISATION.....	69
AUTHOR AFFILIATIONS.....	77
INFORMATION FOR AUTHORS.....	79

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА.....	8
Семченков А. С., Федакин А. В. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ОЦЕНКА НАЛИЧИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	8
Кьонг Нгуен Дык РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЬЕТНАМА: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ (НА АНГЛ.).....	16
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	24
Слепнева Л. Р., Халтаева С. Р., Найданова Э. Б., Хантуева И. О. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ	24
ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ	33
Кисляков А. Н. АЛГОРИТМ МИНИМАЛЬНОГО СВЯЗУЮЩЕГО ДЕРЕВА ДЛЯ ОЦЕНКИ ТОЧЕК РОСТА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ.....	33
Тюкавкин Н. М., Анисимова В. Ю., Степанов Е. В. МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО ДЛЯ ИМПОРТООПЕРЕЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	41
Шарнопольская О. Н., Руссиян С. А., Логачёва О. М. АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ ЦЕЛЕВОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ АНТИКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА	47
ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ.....	56
Выжитович А. М., Мартынова А. А., Нетисова И. Э. ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ.....	56
Назаров А. В., Волкова М. Д. ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНАЛА ЦЕНТРА КАРЬЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	69
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	77
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	79

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

STATE AND CIVIL SOCIETY, IDEOLOGY AND POLITICS

Развитие территорий. 2024. № 2. С. 08—15.
Territory Development. 2024;(2):08—15.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья
УДК 321.01
DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-08-15

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: ОЦЕНКА НАЛИЧИЯ ПРЕДПОСЫЛОК ДЕЗИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Андрей Сергеевич Семченков¹, Алексей Владимирович Федякин²

^{1,2} Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Андрей Сергеевич Семченков, andsem4@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к определению причин распада государства, в том числе уточняются предпосылки дезинтеграции Российской империи и Советского Союза как исторических предшественников Российской Федерации. Выявлены постоянно воспроизводившиеся в прошлом предпосылки распада российского государства. Анализ политической и социально-экономической обстановки в стране, сформировавшейся в условиях специальной военной операции, позволил авторам прийти к заключению о том, что к настоящему времени предпосылки распада Российской Федерации отсутствуют.

Ключевые слова: внутриэлитный конфликт, геополитическое напряжение, деколонизация, национальные движения, неустойчивость экономики, распад государства

Для цитирования: Семченков А. С., Федякин А. В. Территориальная целостность государства: оценка наличия предпосылок дезинтеграции в современной России // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 08—15. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-08-15.

State and civil society, ideology and politics

Original article

TERRITORIAL INTEGRITY OF THE STATE: ASSESSING THE PRESENCE OF PREREQUISITES FOR DISINTEGRATION IN MODERN RUSSIA

Andrey S. Semchenkov¹, Alexey V. Fedyakin²

^{1,2} Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation

Corresponding author: Andrey S. Semchenkov, andsem4@yandex.ru

Abstract. The article considers the main approaches to determining the causes of state disintegration, including clarification of the prerequisites of disintegration of the Russian Empire and the Soviet Union as historical predecessors of the Russian Federation. The prerequisites for the disintegration of the Russian state, which were constantly reproduced in the past, are revealed. The analysis of the political and socio-economic situation in the country, formed in the conditions of the special military operation, allowed the authors to come to the conclusion that by now there are no preconditions for the disintegration of the Russian Federation.

Keywords: intra-elite conflict, geopolitical tension, decolonization, national movements, instability of the economy, disintegration of a state

For citation: Semchenkov A.S., Fedyakin A.V. Territorial Integrity of the State: Assessing the Presence of Prerequisites for Disintegration in Modern Russia. *Territory Development*. 2024;(2):08—15. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-08-15.

После начала специальной военной операции (СВО) Вооруженных сил Российской Федерации по демилитаризации и денацификации Украины

в массмедиа стран Запада, на собраниях представителей несистемной оппозиции, националистических и сепаратистских организаций (так называемых форумах свободных народов России / ПостРоссии), проходивших за рубежом, а также в пропаганде

«киевского режима» начал обосновываться и широко распространяться тезис о необходимости «деколонизации» России. Под «деколонизацией» ими понимается идея отторжения от страны территорий, населенных русскими субэтническими и региональными общностями, а также иными народами. По существу, речь идет о расчленении российской территории на десятки квазигосударственных образований, начиная от полной суверенизации Карелии, Коми, Кубани, Калмыкии, Ингушетии, Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Марий Эл, Чувашии, Удмуртии, Алтая, Бурятии, Тывы, Саха и заканчивая такими проектами, как Балтийская Республика, Ингерманландия, Поморье, Московская Республика, Черноземье, Республика Дон, Черкесия, Ичкерия, Поволжье, Эрзянь Мастор, Урал, Тюменская Югра, Сибирь, Хакасия, Тихоокеанская Федерация.

Современные сепаратистские организации вполне осознают, что им сложно добиться своих целей поодиночке, поэтому они ставят задачу консолидации и координации действий, направленных на распад Российской Федерации. Подходящим условием для воплощения в жизнь планов по «дезинтеграции» Российской Федерации сепаратисты считают значительное ослабление федерального центра, которое может быть вызвано ухудшением экономической ситуации в стране, ростом социальной напряженности и утратой органами и силами обеспечения национальной безопасности способности действовать в соответствии со своим предназначением. Активисты «деколонизации» призывают народы и население соответствующих регионов к борьбе против представляемого «имперским» федерального центра, мирному сопротивлению (различным формам протеста и саботажа), развертыванию партизанских движений и национальных легионов, созданию действующих подпольно или за рубежом национальных переходных правительств/администраций и т. п. [1]

Попытки дестабилизации социально-политической обстановки в стране, не прекращающиеся десятилетиями, еще больше усилились с началом санкционного давления недружественных стран и вооруженного столкновения Российской Федерации с Украиной. Данные обстоятельства оказывают негативное влияние и на сохранение государственно-территориальной целостности России, актуализируя решение этой задачи системой обеспечения национальной безопасности.

Противодействие процессам государственного распада наиболее эффективно в форме его предотвращения, т. е. еще в стадии созревания предпосылок утраты страной политического единства. В этой связи востребованы работы по исследованию причин распада государств, выявлению постоянно воспроизводившихся в прошлом предпосылок «дезинтеграции» России, а также оценке их наличия применительно к стране в настоящее время.

Распад государств исследуется в рамках политической истории и конфликтологии, теории

национальной безопасности и других направлений обществоведения. При этом он стал предметом специального рассмотрения в исторической макросоциологии и социосинергетике (в нелинейной социальной динамике). Так, историческая макросоциология выдвинула получившую широкое научное признание концепцию распада государства, потенциал которой подтвержден сбывшимся прогнозом коллапса СССР. В отличие от первого направления, оперирующего при объяснении возникновения государственного распада классическим понятием причины и причинными цепями, нелинейная социальная динамика обращает внимание на роль сложно взаимодействующих малозначимых причин, а также условий, создаваемых волновым развитием страны как самоорганизующейся системы.

В соответствии с положениями исторической макросоциологии (концепции Т. Скочпол, Дж. Голдстоуна, Р. Коллинза) распад государства тождествен коллапсу государственного центра той или иной страны и является итогом сочетания нескольких факторов. В частности, по мнению Т. Скочпол и Дж. Голдстоуна, к ним относятся государственное фискальное напряжение, внутриэлитный конфликт, приводящий к параличу управления страной, а также народное восстание. При этом Т. Скочпол подчеркивает роль геополитического напряжения в качестве ключевой предпосылки фискального кризиса и кризиса государственного управления. Дж. Голдстоун вводит в качестве первопричины демографическое давление (рост населения страны), следствием которого оказываются повышение цен и внутриэлитный конфликт. Инфляция же может инициировать фискальное напряжение государства, обострение внутриэлитного конфликта и массовое восстание, которые и становятся непосредственными причинами распада государства. Превращение военных затрат и военного долга в значительную часть расходов бюджета страны в условиях геополитического напряжения нередко способствует массовому антиправительственному выступлению и распаду государства. Кроме того, в экстремальных случаях в периоды войн распад государства может предваряться дезорганизацией системы военного управления. Частыми следствиями распада государства выступают революция (как смена власти) и восстановление государства или его территориальная дезинтеграция [2, с. 94—96; 3, с. 30—35].

С точки зрения концепций нелинейной социальной динамики развитие страны как сложной системы носит волновой характер: государство неоднократно проходит цикл из фаз зарождения, нарастания и распада. Так, в историческом развитии нашей страны прослеживаются 36-летние циклы, состоящие из трех 12-летних фаз. В свою очередь, четыре 36-летних волны составляют 144-летний период завершающей модернизации России, пришедшийся на 1881—2025 гг. [4, с. 324]. В фазе распада в связи с ростом высокоэнтропийных ресурсов (ошибки, рассогласованности в

управлении, дисфункции, девиации и т. п.) страна начинает переходить в неустойчивое состояние. Причины подобного перехода зачастую весьма многочисленны, и каждая из них может быть по-своему значимой, поэтому важной становится фиксация признаков и индикаторов выхода системы за порог устойчивости. Вначале происходит ее переход в квазиравновесный режим, при котором не просматривается каких-либо явных признаков нестабильности. Но мнимое равновесие сменяется режимом обострения, характеризующимся взрывным ростом неустойчивости и чрезвычайно быстрыми негативными для государства изменениями, нарастанием амплитуды отклонений. Если в стране не происходит активизация механизма ограничения нарастания возмущения (системы национальной безопасности), то в дальнейшем государство попадает в турбулентное состояние и шаг за шагом входит в область полифуркации, неуправляемого процесса выбора траектории дальнейшего развития. На выходе из полифуркации страна может покинуть зону турбулентности с минимальным ущербом либо оказаться в революционном режиме с появлением конкурирующих аттракторов. Усиливающим внутреннюю турбулентность обстоятельством может стать и мировая турбулентность, нашедшая выражение в кризисе той миросистемы, участником которой является попавшая в режим неустойчивости страна. Распад государства является возможным финалом процессов турбулентности, охватывающих страну как систему, находящуюся в конце фазы распада и в начале фазы зарождения волны своего автохтонного развития. Как считает Ю. М. Батулин, распад страны при этом выступает одной из негативных альтернатив, возникающих при выходе из точки полифуркации и отсутствии победившего аттрактора, который смог бы стать привлекательным центром, способным генерировать низкоэнтропийный ресурс, в свою очередь, позволяющий сформировать в социальной турбулентности новую государственную структуру [5, с. 22—31].

Очевидно, что обосновываемые в представленных подходах положения о причинах распада государства, определенных с разных ракурсов, не вступают в противоречия между собой и дополняют друг друга. Поэтому в исследовании мы будем опираться на синтез положений линейно-каузальных и нелинейно-социодинамических трактовок причин распада государства. Использование данных положений для определения предпосылок распада Российской империи позволяет прийти к заключению о том, что этот процесс был вызван сочетанием целого ряда предпосылок. Среди них, на наш взгляд, можно выделить несколько важных:

— во-первых, накопление энтропии в фазе распада цикла автохтонного развития государства вследствие несвоевременного решения ряда так называемых вопросов — давно перезревших проблем жизни российского общества, что в 1916 г. привело к росту турбулентности в стране. Не-

устойчивое равновесие империи как сложной системы фиксировалось и ранее: об этом свидетельствовала революция 1905—1907 гг. и предшествовавшая ей Русско-японская война;

— во-вторых, острый внутриэлитный конфликт между, с одной стороны, Николаем II и его окружением, готовым остановить коллапс государственного центра, и, с другой стороны, объединившей большую часть отечественного политического спектра оппозицией, пришедшей к власти после Февральского переворота 1917 г.;

— в-третьих, на распад государства серьезно повлияли решения новых органов власти, которые привели к дезорганизации вооруженных сил и разрушению существовавшей прежде имперской вертикали управления. Речь идет о приказе № 1 Петроградского совета о демократизации армии и решении Временного правительства об отстранении от должностей всех губернаторов и их заместителей с заменой данных лиц на председателей губернских земских управ, которые действовали далеко не на всей территории страны. В таких регионах создавался вакуум власти и наступал паралич государственного управления;

— в-четвертых, важную, хотя и не ведущую роль в возникновении территориальной дезинтеграции сыграли национальные и автономистские движения на окраинах страны, многие из которых лишь после Октябрьской революции и непризнания ими власти большевиков провозгласили создание собственной национальной государственности и объявили о независимости охваченных ими территорий. В период революций 1917 г., ослабления государственного центра и экономической разрухи национальные движения превратились в аттракторы казавшихся островами стабильности новых групповых идентичностей, на которые распалось российское общество. Руководство этими движениями осуществляли круги крупной буржуазии, лично заинтересованные в сохранении своего доступа к ресурсам и обширному рынку страны. Поэтому до ноября 1917 г., как отмечает К. А. Тарасов, данные круги выступали за сотрудничество с Временным правительством и создание в перспективе федерации с демократической Российской республикой [6, с. 164—165, 167]. Что же касается демографического давления как возможного фактора распада России, то проблему относительного аграрного перенаселения, по мнению Б. Н. Миронова, во многом удалось снять с началом проведения реформ П. А. Столыпина [7, с. 111—115].

Геополитическое напряжение, способствовавшее распаду империи, было вызвано ее вовлечением в глобальную турбулентность за счет участия в Первой мировой войне и наличием противоречий с союзниками по Антанте, фактически выступившими на стороне оппозиционных царю сил. Участие в затянувшейся мировой войне привело к перенапряжению экономики империи: масштабному спаду производства вследствие военной мобилизации, росту в центральных губерниях числа беженцев и вынужденных переселен-

цев из прифронтовой полосы; периодическим проблемам с поставками продовольствия в города; нагрузке на недостаточно развитую транспортную систему; усталости рядового состава армии от ведения боевых действий и др.

Таким образом, страна, которую едва ли можно с уверенностью назвать стабильной сложной системой, была выведена из равновесия внутриэлитным конфликтом, приведшим к государственному перевороту, а также перенапряжением экономики от неудачного участия в войне. Сама же территориальная дезинтеграция Российской республики в 1917—1918 гг. оказалась прямым следствием ослабления и коллапса государственного центра, без чего отделение окраин и дробление страны на слабые политические образования во время Гражданской войны вряд ли стали бы возможными. Распад государства, предпосылки которого просматривались еще в финальной фазе волны исторического развития России 1881—1916 гг., начался в 1917 г. уже в фазе зарождения нового цикла.

Анализ причин распада СССР, также осуществляемый посредством использования синтеза подходов линейной и нелинейной социальной динамики, приводит к выводу о наличии у данного случая некоторых признаков, отличающих его от дезинтеграции России в начале XX в. Так, в 1978—1988 гг. Советский Союз находился в фазе распада 36-летней волны своего исторического развития. При этом накопленная к началу перестройки энтропия (снижение производительности труда, высокие расходы на программы военно-промышленного комплекса, наметившаяся зависимость доходов бюджета от сырьевого экспорта, дефицит товаров широкого потребления, межэтнические конфликты, кризис коммунистической идеологии, противоречия внутри партийной номенклатуры, диспропорции в развитии между союзными республиками и внутри РСФСР и др.) еще не перешагнула через тот критический порог, за которым открывалась перспектива приближения турбулентности.

Внутриэлитный конфликт в руководстве СССР во многом, как отмечает А. В. Шубин, был латентным, причем инициативой в нем долгое время владел Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев. До 1990 г. ему удавалось заблаговременно устранять с политической арены потенциальных противников преобразований, планировавшихся им в Политбюро, Центральном комитете, высшем командном составе Вооруженных сил страны, партийных организациях в регионах и др. Серьезную оппозицию ему составили лишь Б. Н. Ельцин и поддерживавшие его демократические силы и региональные элиты РСФСР. Утрата Горбачевым власти вслед за событиями августа 1991 г. стала возможной в результате инициированных им же действий по ослаблению государственного центра страны: развала плановой экономики; разбалансирования финансовой системы и системы централизованного отраслевого управления народным хозяйством; разруше-

ния КПСС как цементирующей силы государства и неспособности генсека создать ей альтернативу в виде сильной президентской власти, опирающейся на советские органы; подрыва генсеком собственного авторитета в партии, армии, органах государственной безопасности; передачи в течение периода перестройки значительных полномочий по управлению собственностью и народным хозяйством союзным республикам (номенклатурным кланам этого уровня), что явилось базисом их будущего суверенитета. В результате проводимых Горбачевым и его командой реформ союзный центр стал восприниматься республиканскими номенклатурными кланами как источник растущего социально-экономического неблагополучия и нестабильности. Поэтому в качестве защиты от них руководители союзных республик избрали путь получения независимости от не сумевшего справиться с кризисом центра [8, с. 29—31].

Еще до перестройки, по мнению исследователя, наметилась тенденция роста бытовых столкновений в национальных республиках, вызвавшая отток из них русского населения. Так, в 1959—1969 гг. его численность составила 31 %, в 1970—1978 гг. — только 12 %. Рост самосознания народов обусловил формирование национальных движений, активом которых стали маргинальные элементы и интеллигенция. По инициативе окружения генсека (А. Н. Яковлева) были организованы народные фронты, ставшие основой массовых национальных движений и выступавшие за провозглашение суверенитета советских социалистических республик. Давление демократических и национальных движений на номенклатурные элиты побудило часть из них перейти на сторону первых. Между лидерами движений и республиканской бюрократией были заключены альянсы, а затем националистические и демократические силы попали под контроль номенклатурных кланов. В условиях ослабления союзного центра, под лозунгом суверенитета, перехваченным у национальных движений, республиканские элиты повели борьбу с союзным центром и успешно осуществили перераспределение власти и собственности в свою пользу. Осознание республиканскими элитами выгод от независимости обусловило распад экономических связей в СССР. Начиная с осени 1990 г. советские социалистические республики прекратили перечислять налоги в союзный бюджет, что вызвало фискальный кризис, а после августа 1991 г. переподчинили себе части вооруженных сил и органы госбезопасности на своей территории [8, с. 26, 31—32].

В качестве факторов геополитического напряжения СССР могут рассматриваться обострение его конфронтации с НАТО (новый виток гонки вооружений в виде программы СОИ, размещение американских ракет средней дальности в Европе, искусственное снижение мировых цен на нефть, которого в конце 1980-х гг. временно добились власти США), боевые действия в Афганистане и непростые отношения с Китаем. Однако эти факторы побудили последнего советского лидера

пойти на ряд уступок геополитическим противникам, вывести ограниченный контингент войск из Афганистана, а затем фактически демонтировать Организацию Варшавского договора и Совет экономической взаимопомощи. Данные решения хотя и нанесли ущерб позициям СССР как мировой сверхдержавы, тем не менее привели к серьезному облегчению бремени его военных расходов. Поэтому рассматривать геополитическое напряжение как значимую причину распада СССР нет достаточных оснований.

В целом ключевыми предпосылками распада Советского Союза и Беловежских соглашений стали и коллапс союзного центра, во многом вызванный и ускоренный действиями Президента СССР и его окружения, и сепаратизм номенклатурных кланов советских социалистических республик. Этот процесс также был ускорен переводом ряда общесоюзных органов власти под российское управление в конце августа 1991 г. При этом распад СССР, как ранее и распад Российской империи и Российской республики, состоялся не в год окончания 36-летней исторической волны (1988 г.), а в самом начале следующего аналогичного по продолжительности цикла развития страны, завершение которого ожидается в 2025 г.

Анализ динамики государственного коллапса империи и социалистической сверхдержавы показал, что, как правило, распад единого российского политического пространства в прошлом являлся результатом сочетания следующих предпосылок-констант:

1) конфликта элит внутри самого государственного центра и по линии «центр — регионы», в котором играющая деструктивную для безопасности страны роль сторона (стороны) одерживает победу;

2) острого кризиса национальной экономики (в результате внешней турбулентности или действий правительства), который сопровождается в том числе распадом хозяйственных связей между ее территориальными составляющими;

3) разрушения (дезорганизации, паралича) вертикали власти (систем политического, государственного и военного управления), включая проведение такой децентрализации, при которой власти регионов получают полномочия, де-факто обеспечивающие их экономическую самостоятельность;

4) появления, роста активности и популярности в регионах организаций и движений националистического и сепаратистского толка;

5) геополитического напряжения (т. е., как определяют ученые, вовлечение государства в крупномасштабный военный конфликт или изматывающие и истощающие страну невоенные формы противоборства — холодные, гибридные войны [9, с. 494—506]);

6) восстания в административно-территориальных центрах страны (как итога действия первой, второй, третьей и четвертой предпосылок).

Вторая и пятая предпосылки в tandem могут служить причинами фискального (бюджетного) кризиса. Основными акторами распада государственного единства в отечественной истории являлись, во-первых, часть элиты центра, осуществлявшая разрушительные для политической и экономической систем реформы, во-вторых, элиты в регионах, располагавшие реальным контролем над националистическими и сепаратистскими движениями. В целом же вероятность возникновения подобного сочетания предпосылок наиболее высока во время перехода из финальной фазы (фазы распада волны, когда накапливается социальная энтропия) в начальную фазу цикла исторического развития страны (фазу зарождения волны).

Приступая к оценке возможности государственного распада России в современных условиях, вновь отметим, что в настоящее время наша страна находится в переходном периоде между финальной фазой завершающейся волны 1989—2025 гг. и начальной фазой нового 36-летнего цикла своего исторического развития. Это время накопления высокоэнтропийных ресурсов (среди них просчеты в реформировании экономики, систем пенсионного обеспечения, образования, науки, здравоохранения, наличие нерешенных миграционных и коррупционных проблем и т. п.). Данное обстоятельство наряду с условиями СВО лишний раз подчеркивает актуальность предпринимаемого нами анализа степени зрелости предпосылок коллапса отечественной государственности.

Характеризуя первую постоянно воспроизводящуюся в отечественной истории предпосылку распада (а именно конфликт элит), отметим, что сегодня в политической системе страны не просматривается каких-либо индикаторов конфликта элит в федеральном центре и по линии «центр — регионы». Российское руководство проявляет политическую волю, решительность и твердость в отстаивании национальных интересов, а несистемные оппозиционные силы не в состоянии нанести своими действиями серьезного ущерба безопасности Российской Федерации. Лидеры политических партий системной оппозиции, представленные в федеральном парламенте, зачастую демонстрируют поддержку ряда инициатив главы государства и Правительства Российской Федерации.

Несмотря на дряхлеющее уже более десяти лет санкционное давление недружественных государств, экономика и финансовая система России в контексте СВО сохраняют свою устойчивость и продолжают развиваться. В определенной степени показателем состояния российской экономики и финансовой сферы может служить величина дефицита федерального бюджета. В 2022 г. она соответствовала уровню 2,1 % (3,3 трлн руб.), а в 2023 г. — 1,9 % (3,2 трлн руб.) российского ВВП. При этом дефицит был профинансирован за счет средств из Фонда национального благосостояния. Пополнение федерального бюджета в 2023 г. в значительной мере осуществлялось

благодаря поступлению не нефтегазовых доходов (20,3 трлн руб.), в то время как нефтегазовые доходы составили 8,82 трлн руб. [10 ; 11] Дефицит консолидированного бюджета Российской Федерации в 2022 г. составил 2,1 трлн руб., в 2023 г. — 3,9 трлн руб. [12] Вместе с тем ВВП России в 2023 г. вырос на 3,6 %, что привело к изменению ситуации в сторону роста национальной экономики (в 2022 г. падение ВВП оценивалось в 1,2 %) [13]. Анализ цифр позволил сделать вывод об отсутствии признаков бюджетного (фискального) кризиса. В стране сохраняются межрегиональные хозяйственные связи как внутри федеральных округов, так и между ними.

В Российской Федерации устойчиво функционирует вертикаль власти (системы политического, административно-государственного и военного управления). В области административно-государственного управления продолжается реализация национальных приоритетов и проектов. Дисциплина и устойчивое управление войсками поддерживается как в зоне СВО, так и в целом на территории страны, что не характерно для дезорганизации этого центрального института государства. В настоящее время сложившиеся отношения Федерации и ее субъектов соответствуют моделям доминирования центра над регионами или его преобладающего влияния на них. Кроме того, в исследуемый период не происходило передачи существенных объемов полномочий по управлению экономикой от центра субъектам Федерации. Степень централизации власти можно оценить по доле расходов государственного центра в общих расходах бюджета страны. В 2023 г. расходы консолидированного бюджета России составили 62 трлн 983,8 млрд руб., а расходы федерального бюджета — 32 трлн 353,7 млрд руб., т. е. 51 % от всех бюджетных расходов страны [12]. Контроль федерального центра над более чем половиной всех бюджетных расходов свидетельствует о высокой степени централизации власти в России на современном этапе ее развития.

Как считает В. Овчинский, националистические и сепаратистские организации, координационные центры которых находятся за рубежом или в подполье (на Кавказе, Северо-Западе, в Поволжье, Сибири), не пользуются популярностью среди населения субъектов Федерации, что препятствует формированию массовых движений за отделение народов и территорий от России. Не находят широкого отклика у населения российских регионов и лозунги о деколонизации страны. Об этом свидетельствуют результаты комплексного анализа сепаратистских настроений в регионах: граждане Российской Федерации демонстрируют крайне низкую заинтересованность в знакомстве с идеями сепаратизма в массмедиа. Говоря об их влиянии в региональном измерении, исследователи отмечают, что в зоне риска роста сепаратистских настроений в 2022—2023 гг. находились Татарстан, Дагестан, Чечня, а также Свердловская, Челябинская и Тюменская области. При

поддержке внешних акторов из стран Евросоюза предпринимаются попытки германизации Калининградского региона. Молодежь, часть которой, как правило, составляет массовую базу экстремистских организаций и движений, слабо вовлечена в сепаратистский дискурс в подавляющем большинстве регионов (иная ситуация складывается лишь в Дагестане). За исключением ряда регионов Урала власти субъектов Российской Федерации осуществляют активное противодействие сепаратизму и иным проявлениям экстремизма [1]. Дальнейшее социально-экономическое развитие России, безусловно, определяется перспективами пребывания в ее составе Сибири. По оценкам экспертов, ее население, состоящее на 85 % из русских, по-прежнему желает жить и работать в своих регионах как части Российской Федерации и не охвачено какими-либо значимыми сепаратистскими настроениями [14, с. 53].

После воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией и особенно в связи с началом СВО существенно выросло геополитическое напряжение в России, против которой странами Запада и их союзниками ведется комплексная борьба с применением военных и невоенных форм. Однако своевременное налаживание работы промышленности, сельского хозяйства, внешней торговли и транспорта страны в новых условиях, приближенных к военному времени, дало возможность избежать печальных последствий в виде экономического и военного истощения государства.

Так, по итогам 2023 г. намечился рост производства промышленных товаров, а также увеличился выпуск продукции в обрабатывающей отрасли, химическом и металлургическом комплексах, машиностроении, выпуске компьютерной техники, электронных и оптических средств, электрооборудования, мебели и др. [15] В сельском хозяйстве в 2022 г. и 2023 г. были получены рекордные урожаи зерновых, продолжился рост производства овощей и корнеплодов, однако возник острый дефицит мяса птицы и яиц, который в итоге был смягчен за счет импорта. Умеренными темпами развиваются иные сегменты животноводства и молочная отрасль [16]. В сфере внешней торговли произошла переориентация экспорта российских товаров со стран Европы на страны Азии. За счет параллельного импорта и импортозамещения удалось удовлетворить потребности отечественной экономики в продукции, ранее поставлявшейся из недружественных стран [17 ; 18]. Транспортный комплекс страны по-прежнему способен обеспечить грузовые и пассажирские перевозки в интересах национальной экономики, несмотря на ввод с 2022 г. новых пакетов санкций, которые привели к нарушениям в сфере логистики, потере доступа к рынкам комплектующих, современным технологиям производства транспортных средств, запрету захода в морские порты и воздушное пространство недружественных государств и т. п. Тем самым российская экономика показала адап-

тивность и резистентность к санкционному давлению коллективного Запада.

Несмотря на наличие определенных рисков дестабилизации социально-политической обстановки в столице и крупных городах Российской Федерации (что показали инциденты 2023—2024 гг., связанные с выступлением части сил ЧВК «Вагнер», попытками провокаций столкновений органов правопорядка и верующих-мусульман в Москве и Санкт-Петербурге, погромом в аэропорту Махачкалы, а также терактом в Красногорске), ситуация в административно-территориальных центрах государства находится под общим контролем органов и сил обеспечения национальной безопасности. В мегаполисах не возникает каких-либо проблем со снабжением населения продовольствием и другими товарами, обеспечивается безопасность и устойчивое функционирование инфраструктуры жизнедеятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени предпосылки распада российского государства, которые уже не раз воспроизводились в его прошлом, отсутствуют. Признаки внутриэлитного раскола на федераль-

ном уровне, а также показатели неустойчивости национальной экономики, финансовой системы и нарушения хозяйственных связей между регионами не выявлены. Как хорошо отлаженный механизм, действуют системы политического, административно-государственного и военного управления. Можно констатировать, что несмотря на попытки распространить в стране дискурс «деколонизации», в регионах не сформирована массовая база националистических и сепаратистских движений. Однако в противоправные акции, как показали события 2023—2024 гг., могут вовлекаться группы молодежи отдельных российских республик, мигрантов и их соотечественников, получивших гражданство Российской Федерации. В целом органами и силами обеспечения национальной безопасности поддерживается стабильная обстановка в столице и крупных российских городах. Вместе с тем в условиях незавершенной СВО, возможности продолжения Западом крупных поставок оружия Украине сохраняется опасность роста геополитического напряжения для России, чреватого социально-экономической и политической нестабильностью.

Список источников

1. *Овчинский В.* Декolonизация России 2.0 // Изборский клуб. 2022. 25 сентября. URL: <https://izborsk-club.ru/23369> (дата обращения: 21.03.2024).
2. *Коллинз Р.* Макрoистория: Очерки социологии большой длительности : пер. с англ. / послесл. Н. С. Розова. М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
3. *Голдстоун Дж. А.* Революции. Очень краткое введение / пер. с англ. А. Яковлева. М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. 192 с.
4. *Пантин В. И., Лапкин В. В.* Историческое прогнозирование в XXI веке: Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития. Дубна : Феникс+, 2014. 456 с.
5. *Батурин Ю. М.* Распад государства: нелинейная история. М. : РАН, 2019. 58 с.
6. *Тарасов К. А.* Распад Российской империи в ракурсе концепций Б. Андерсона и М. Хроха // Петербургский исторический журнал. 2016. № 4. С. 160—180.
7. *Мионов Б. Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 640 с.
8. *Шубин А. В.* Распад СССР: объективные причины и субъективные факторы // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 23—48.
9. *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. 3-е изд., испр. М. : Кучково поле, 2018. 832 с.
10. *Вислогузov В.* Бюджет переходного периода // Коммерсант. 2024. № 4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6444931> (дата обращения: 21.03.2024).
11. *Дефицит бюджета второй год превысил Р3 трлн* // РБК. 2024. 11 января. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/01/2024/659fcb249a794776968fe8a8> (дата обращения: 21.03.2024).
12. *Дефицит консолидированного бюджета РФ в 2023 году увеличился до 3,9 трлн рублей* // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/946301> (дата обращения: 24.03.2024).
13. *Росстат оценил рост ВВП в 2023 году в 3,6 % после снижения на 1,2 % в 2022 году* // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/945024> (дата обращения: 24.03.2024).
14. *Новиков С. В.* Русская Сибирь на фоне изменений государственности // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6, № 1. С. 49—55.
15. *Мишустин сообщил о росте ВВП на 5 % в сентябре и на 2,8 % за девять месяцев* // РБК. 2023. 31 октября. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/10/2023/654124a49a794724e41e1023> (дата обращения: 24.03.2024).
16. *На оперштабе Минсельхоза России подвели итоги работы АПК в 2023 году и обсудили подготовку к весенней посевной* // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. 2024. 24 января. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/na-opershtabe-minselkhoza-rossii-podveli-itogi-raboty-apk-v-2023-godu-i-obsudili-podgotovku-v-vesenn/> (дата обращения: 24.03.2024).
17. *Ушколова Д. И.* Внешняя торговля России: предварительные итоги второго года противостояния санкционному давлению // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 6. С. 43—60.
18. *Вислогузov В.* Доля Азии в экспорте РФ превысила 70 % // Коммерсант. 2024. 13 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6508829> (дата обращения: 24.03.2024).

References

1. Ovchinskiy V. Dekolonizatsiya Rossii 2.0 [Decolonization of Russia 2.0], *Izborskiy klub* [*Izborsky Klub*], 2022, 25 September. Available at: <https://izborsk-club.ru/23369> (accessed: 21.03.2024).

2. Kollinz R. *Makroistoriya: Ocherki sotsiologii bol'shoy dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays on the Sociology of Long Duration]. Moscow : URSS : LENAND, 2015, 504 p. (in Russ.)
3. Goldstoun Dzh. A. *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions. A very brief introduction]. Moscow : Izd-vo Institut Gaydara, 2015. 192 p. (in Russ.)
4. Pantin V.I., Lapkin V.V. *Istoricheskoe prognozirovanie v XXI veke: Tsikly Kondrat'eva, evolyutsionnye tsikly i perspektivy mirovogo razvitiya* [Historical forecasting in the XXI century: Kondratiev cycles, evolutionary cycles and prospects of world development]. Dubna : Feniks+Publ., 2014, 456 p.
5. Baturin Yu.M. *Raspad gosudarstva: nelineynaya istoriya* [The collapse of the state: nonlinear history]. Moscow : RAN Publ., 2019, 58 p.
6. Tarasov K.A. *Raspad Rossiyskoy imperii v rakurse kontseptsiy B. Andersona i M. Khrokh* [The collapse of the Russian Empire in the perspective of the concepts of B. Anderson and M. Hroch], *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [St. Petersburg Historical Journal], 2016, no. 4, pp. 160—180.
7. Mironov B. N. *Upravlenie etnicheskimi mnogoobraziami Rossiyskoy imperii* [Management of ethnic diversity of the Russian Empire]. St. Petersburg : DMITRIY BULANIN Publ., 2017, 640 p.
8. Shubin A.V. *Raspad SSSR: ob'ektivnye prichiny i sub'ektivnye faktory* [The collapse of the USSR: objective reasons and subjective factors], *Rossiya i ATR*. [Russia and the APR], 2016, no. 3, pp. 23—48.
9. Popov I.M., Khamzatov M.M. *Voyna budushchego: Kontseptual'nye osnovy i prakticheskie vyvody. Ocherki strategicheskoy mysli* [War of the Future: Conceptual foundations and practical conclusions. Essays on Strategic Thought], ed. 3, Moscow : Kuchkovo pole Publ., 2018, 832 p.
10. Visloguzov V. *Byudzheth perekhodnogo perioda* [Budget of the transition period], *Kommersant* [Kommersant], 2024, no. 4. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6444931> (accessed: 21.03.2024).
11. *Defitsit byudzheta vtoroy god prevysil P3 trln* [The budget deficit exceeded P3 trillion for the second year], *RBC*. [RBC], 2024, 11 January. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/11/01/2024/659fcb249a794776968fe8a8> (accessed: 21.03.2024).
12. *Defitsit konsolidirovannogo byudzheta RF v 2023 godu uvelichilsya do 3,9 trln rubley* [The deficit of the consolidated budget of the Russian Federation in 2023 increased to 3.9 trillion rubles], *Interfaks* [Interfax]. Available at: <https://www.interfax.ru/business/946301> (accessed: 24.03.2024).
13. *Rosstat otsenil rost VVP v 2023 godu v 3,6 % posle snizheniya na 1,2 % v 2022 godu* [Rosstat estimated GDP growth in 2023 at 3.6% after a 1.2% decline in 2022], *Interfaks* [Interfax]. Available at: <https://www.interfax.ru/business/945024> (accessed: 24.03.2024).
14. *Novikov S.V. Russkaya Sibir' na fone izmeneniy gosudarstvennosti* [Russian Siberia on the background of changes in statehood], *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: "Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'"* [Omsk scientific bulletin. Series: "Society. History. Modernity"], 2021, vol. 6, no. 1, pp. 49—55.
15. *Mishustin soobshchil o roste VVP na 5 % v sentyabre i na 2,8 % za devyat' mesyatsev* [Mishustin reported GDP growth of 5% in September and 2.8% for nine months], *RBC* [RBC], 2023, 31 October. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/31/10/2023/654124a49a794724e41e1023> (accessed: 24.03.2024).
16. *Na opershtabe Minsel'khoza Rossii podveli itogi raboty APK v 2023 godu i obsudili podgotovku k vesenney posevnoy* [At the operational headquarters of the Ministry of Agriculture of Russia summarized the results of the agro-industrial complex in 2023 and discussed the preparation for the spring sowing season], *Ministerstvo sel'skogo khozyaystva Rossiyskoy Federatsii* [Ministry of Agriculture of the Russian Federation], 2024, 24 January. Available at: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/na-opershtabe-minselkhoza-rossii-podveli-itogi-raboty-apk-v-2023-godu-i-obsudili-podgotovku-v-vesenn/> (accessed: 24.03.2024).
17. *Ushkalova D.I. Vneshnyaya trgovlya Rossii: predvaritel'nye itogi vtorogo goda protivostoyaniya sanktsionnomu davleniyu* [Foreign trade of Russia: preliminary results of the second year of resistance to sanctions pressure], *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 2023, no. 6, pp. 43—60.
18. *Visloguzov V. Dolya Azii v eksporte RF prevysila 70 %* [The share of Asia in the Russian export exceeded 70%], *Kommersant* [Kommersant], 2024, 13 February. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6508829> (accessed: 24.03.2024).

Информация об авторах

Семченков Андрей Сергеевич — доктор политических наук, доцент, профессор, кафедра истории, Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация. E-mail: andsem4@yandex.ru

Федякин Алексей Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация. E-mail: avf2010@yandex.ru

Information about the authors

Andrey S. Semchenkov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of History, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation. E-mail: andsem4@yandex.ru

Alexey V. Fedyakin — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of History, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation. E-mail: avf2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 20.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.

REFORMING THE VIETNAMESE POLITICAL SYSTEM: PRACTICES AND PROBLEMS

Nguyen Duc Cuong

State University of Management, Moscow, Russian Federation, Academy of Regional Policy, Ho Chi Minh City, VietNam,
ngdcuong.vn@gmail.com

Abstract. In the quest for socio-political resonance with its dynamic socio-economic landscape, Vietnam presents a unique case study of political innovation within a one-party system. This article delineates three critical dimensions of Vietnam's political evolution: the historical underpinnings, contemporary reform practices, and the challenges encountered in modernization efforts. The first section, "Overview of the historical context of political reform in Vietnam", traces the trajectory of political structures from the colonial era through to the socialist governance and economic pivot initiated by the Doi Moi reforms. The second section, "Current Practices in Vietnamese Political Reform," provides an empirical scrutiny of the recent initiatives undertaken to improve governance. It dissects the incremental nature of these reforms, ranging from anti-corruption crusades to efforts in enhancing administrative efficiency and increasing government transparency. The third key section, "Challenges Faced in Modernizing Vietnam's Political Structure," critically examines the spectrum of obstacles impeding political modernization. This includes the friction between maintaining party control and adapting governance models to suit a burgeoning market economy and a more informed citizenry. It also highlights the intricate balance Vietnam seeks to achieve between reform and stability in a rapidly evolving global context. Together, these dimensions paint a comprehensive picture of the complexities inherent in innovating Vietnam's political system. The article synthesizes insights on practices and problematics, outlining both the strides made and the formidable journey ahead in Vietnam's ongoing pursuit of political modernization.

Keywords: political reforms, Vietnamese governance, Doi Moi policy, Political innovation, One-party system, Administrative modernization, Political stability, Socio-economic development

For citation: Cuong Nguyen Duc. Reforming the Vietnamese Political System: Practices and Problems. *Territory Development*. 2024;(2):16—23. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-16-23.

Государство и гражданское общество, идеология и политика

Научная статья

РЕФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ВЬЕТНАМА: ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ

Нгуен Дык Кьонг

Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация, Академия региональной политики, Хошимин, Вьетнам, ngdcuong.vn@gmail.com

Аннотация. В поисках социально-политического резонанса со своим динамичным социально-экономическим ландшафтом Вьетнам представляет собой уникальный пример политических инноваций в рамках однопартийной системы. В данной статье представляются три важнейших аспекта политической эволюции Вьетнама: исторические предпосылки, современная практика реформ, а также проблемы, возникающие в ходе модернизации. В первом разделе — «Обзор исторического контекста политических реформ во Вьетнаме» — прослеживается траектория развития политических структур от колониальной эпохи до социалистического правления и экономического поворота, инициированного реформами Дой Мой. Во втором разделе — «Современная практика политических реформ во Вьетнаме» — дается эмпирический анализ последних инициатив, направленных на улучшение управления, рассматривается постепенный характер этих реформ, начиная с борьбы с коррупцией и заканчивая усилиями по повышению административной эффективности и прозрачности работы правительства. В третьем, ключевом, разделе — «Проблемы, стоящие на пути модернизации политической структуры Вьетнама» — рассматривается спектр препятствий, мешающих политической модернизации (противоречия между сохранением партийного контроля и адаптацией моделей управления в соответствии с развивающейся рыночной экономикой и более информированными гражданами), подчеркивается сложный баланс, которого Вьетнам пытается достичь между реформами и стабильностью в быстро меняющемся глобальном контексте. В совокупности эти аспекты дают полное представление о сложностях, присутствующих инновациям в политической системе Вьетнама.

Ключевые слова: политические реформы, управление Вьетнамом, политика Дой Мой, политические инновации, однопартийная система, административная модернизация, политическая стабильность, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Нгуен Дык Кьонг. Реформирование политической системы Вьетнама: практика и проблемы // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 16—23. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-16-23.

Introduction

Political systems worldwide are perpetually evolving entities, reflective of societal needs, global influences, and internal power dynamics [1]. In the context of Vietnam, a nation with a distinct historical trajectory and socio-political landscape, reform in the political system is of particular interest given the country's rapid and continued development. This scientific article seeks to explore the current practices and entrenched challenges that characterize efforts to innovate Vietnam's political structures. The term 'political system reform' can be interpreted in various dimensions; for this article, it refers to the development and implementation of new policies, processes, and institutions that aim to enhance governance, democratic participation, accountability, and the rule of law within the political framework of Vietnam. Such innovations extend beyond mere technological advancements and encompass the full spectrum of political reform — from administrative adjustments to deeper constitutional changes.

Understanding the Vietnamese political system's progression requires a multifaceted approach that considers historical events, current reforms, and future prospects within the domestic and international context. This article will delineate the practices and challenges of innovating in an environment that has traditionally been defined by its one-party system while assessing the impact such changes have on Vietnamese society. By evaluating the successes and setbacks of these political innovations, we aim to glean insights that could shape the future trajectory of Vietnam's political evolution.

Overview of the historical context of political reform in Vietnam

The historical context of political system reform in Vietnam is deeply entwined with its struggle for autonomy, colonial legacy, wars of the 20th century, and shifts in governance post-reunification.

The foundations of Vietnam's current political system were laid during its revolutionary struggle against French colonial rule, culminating in the revolutionary victory in August 1945 [2]. Following the Geneva Accords in 1954, Vietnam was temporarily divided, with disparate political systems developing in the North and South until reunification in 1975 [3]. The North established a Marxist-Leninist government, which later extended to the entire country after the Vietnam War, solidifying a one-party system under the Communist Party of Vietnam.

Political system reform during the early years of the socialist republic focused on centralizing governance, collectivizing agriculture, and nationalizing industries. However, this approach led to economic hardships, which necessitated a move towards significant reform [4]. The Doi Moi policy, introduced in the mid-1980s, marked a monumental shift from a planned economy to a “socialist-oriented market economy”. While this transition primarily impacted economic structures, it also initiated gradual political reforms, including administrative decentralization and enhanced local governance.

Despite the economic liberalization, political system reform in the formal sense has remained relatively cautious, with the CPV maintaining a firm grip on the political apparatus. However, internal debates within the party and amongst the populace have illustrated a tension between maintaining stability and adapting to a rapidly changing society [5]. More recently, Vietnam has witnessed modest political innovation, such as efforts to upgrade legal frameworks, combat corruption. The entry into the World Trade Organization in 2007 and participation in other international agreements have encouraged the government to implement regulatory reforms to comply with global standards.

To understand the intricacies of reforming within the Vietnamese political system, must appreciate its historical resistance to external domination, the ideological foundations laid by Ho Chi Minh and the Communist Party, and the pragmatic shifts that have occurred as a result of economic pressures and the desire for international integration. This historical backdrop sets the stage for a nuanced exploration of contemporary political reforms and the enduring challenges that lie ahead.

The practice of reforming the political system in modern Vietnam

In recent years, Vietnam has embarked on a number of initiatives aimed at political innovation and reform. These initiatives range from anti-corruption measures to strides in electoral practices and efforts towards administrative decentralization.

Anti-Corruption Measures. Vietnam has taken notable steps to bolster its fight against corruption, a move seen as a critical component of its broader political reforms. The cornerstone of these efforts lies in the legal framework established to curb corrupt practices. This includes the passage of stringent laws that both define corruption explicitly and set out serious penalties for those implicated in such acts [6]. The improvement of the legal system has partly shown the determination of the Vietnamese government to push corruption out of the political system. Positive results have been seen in practice. In the period from 2016 to 2021, Vietnam has disciplined 2,209 officials and party members involved in corruption. This included 113 central-level officials, both incumbent and retired. Notably among them were 3 Politburo members and 1 former Politburo member; 7 Central Committee members and 16 former Central Committee members; 1 minister and 4 former ministers; 22 deputy ministers and former deputy ministers; 12 party secretaries and former party secretaries of provincial Party Committees; 15 chairpersons and former chairpersons of provincial and city People's Committees; and 26 general-rank officers in the military and police forces [7].

Vietnam has pursued institutional reforms aimed at strengthening the mechanisms used to detect and prosecute corruption. The establishment of specialized anti-corruption agencies, with dedicated resources and personnel to investigate corruption cases, has underscored the government's commitment to

uprooting corrupt practices. These bodies are often endowed with significant investigative powers, signaling a significant step in the direction of holding individuals, regardless of their position or status, accountable for corrupt actions [8]. Since the 13th Party Congress of the Communist Party of Vietnam, with the demonstration of strong determination in the anti-corruption campaign, the activities of these specialized agencies have increasingly attracted the attention of public opinion, both domestic and international. High-profile campaigns have been launched to target corruption throughout different levels of government, demonstrating the government's readiness to confront corruption head-on. Notably, these campaigns have not shied away from implicating high-ranking officials, and several have resulted in the prosecution and subsequent conviction of individuals who would have once been considered untouchable. In the anti-corruption campaign, the "Viet A mega-corruption case" was exposed at the end of 2021, serving as a typical example of systemic corruption in Vietnam. Officials were alleged to have accepted bribes from Viet A, a company supplying COVID-19 test kits, to inflate the product prices in the market. This caused public outrage when anti-corruption agencies discovered several high-ranking officials within the state apparatus involved, including the Minister of Health and the former Minister of Science and Technology. Through the investigation process, more implicated officials were identified, including department heads, deputies, and leaders from 24 provinces and cities nationwide. This case resulted in damages of over 400 billion Vietnamese dong to the state budget [9]. Faced with these incidents, in January 2023, the President Nguyen Xuan Phuc decided to resign, taking political responsibility for the misconduct of several officials under his leadership [10].

Preventive measures have also been a focal point of Vietnam's anti-corruption strategy. The introduction of systems such as mandatory asset declarations for public officials, strict rules to prevent conflicts of interest, and more transparent public procurement processes are all designed to reduce opportunities for corruption to take root [11]. Simultaneously, acknowledging the importance of international standards in the fight against corruption, Vietnam has actively engaged with international bodies and has sought to align its domestic anti-corruption strategies with global best practices [12]. By being a participant in international anti-corruption conventions, Vietnam has committed to a level of transparency and accountability that stands to benefit both its internal governance and international relations.

Public engagement is critical to the success of anti-corruption measures. Vietnam has seen significant involvement from the media and civil society organizations in monitoring and actively reporting on corruption. The case of Pham Nhat Vu is a typical example of the power of this participation. In 2019, Pham Nhat Vu admitted to bribing officials with millions of dollars to secure a deal in which his company, AVG, was acquired by the state-owned telecom giant Mobifone [13]. The media played a crucial role

in bringing this case to light, with investigative journalists reporting on the irregularities and potential losses to the state budget, which sparked public outrage and led to wider investigations. This reporting led to the arrest and prosecution of several high-ranking officials, including a former minister and his deputy, showcasing the impact of media involvement in unveiling corruption in Vietnam [14]. Efforts to educate the public about corruption, along with mechanisms to enable citizens to participate in reporting corruption, underscore an inclusive approach that recognizes the role of societal vigilance in deterring corruption.

Electoral Reforms. The trajectory of political innovation in Vietnam can also be traced through recent initiatives in electoral reforms. While the Vietnamese political structure has traditionally been centralized, there have been discussions and moves towards modifying electoral processes to enhance transparency and to improve representation. These reforms aim not only to optimize the administrative functioning of elections but also to foster a sense of inclusion and participation among the populace.

One of the key aspects of these reforms has been the focus on the election law and on the mechanics of the voting process itself. Efforts have been made to streamline candidate nomination procedures and to safeguard the voting process, with the goal of creating a more level playing field for all political contenders [15 ; 16]. The government has shown an interest in reevaluating how candidates are vetted and presented, with an eye towards ensuring that elections are competitive and fair, reflective of public will.

Moreover, considerable discourse around the electoral reform has revolved around the idea of increasing voter participation and representation. Initiatives to encourage voter turnout, such as public education campaigns about the significance of voting and improved accessibility of polling stations, are fundamental components of these reforms [16]. The intent is to ensure all segments of society have equal opportunity to exercise their voting rights, thereby enhancing the democratic legitimacy of elected officials.

Another facet of the electoral reform discussion in Vietnam includes exploring methods to prevent electoral fraud and to maintain the integrity of the election process. There has been increased awareness of the importance of having robust mechanisms to deter and address incidents of voter manipulation or vote-counting irregularities [17]. The government's willingness to engage with these concerns is indicative of a broader commitment to reinforcing public confidence in the electoral system.

Despite the complexity of these reforms and the challenges therein, the consensus is that electoral reform is a necessary step towards the sustainability of Vietnam's political system [16]. The progress in this area, albeit gradual, points towards a conscious effort to align with international practices and respond to the aspirations of the Vietnamese people for greater representation and accountability in the political process.

Electoral reforms are still in the developmental stage within the Vietnamese context, and so the full impact of these changes remains to be seen. Nonetheless, these reforms represent a recognition on the part of Vietnamese leadership that evolving the electoral system is integral to the nation's political, social, and economic development. The proposed changes not only stand to benefit the democratic process but are also expected to strengthen the governance and the rule of law within the country.

Decentralization Efforts. Decentralization efforts in Vietnam have become a pivotal aspect of the nation's political reforms as the government seeks to distribute authority more evenly across various levels of administration. The push towards decentralization is driven by a recognition that a centralization of power can lead to inefficiencies and a lack of responsiveness to local needs. By devolving powers to local governments, the intention is to empower regional and communal entities to make decisions that are more attuned to the distinct characteristics and requirements of their constituents.

The initiatives to decentralize are multifaceted, encompassing various sectors including governance, economic planning, and public service delivery. The reformation of local governance structures has been a major part of the decentralization strategy, involving the redistribution of administrative responsibilities and fiscal resources [18]. This structural shift aims to provide local governments with increased autonomy to manage their affairs, particularly in areas such as education, healthcare, and infrastructure development. It allows for a tailored approach to policy-making and service provision that accounts for local diversity and complexity.

Moreover, the decentralization process in Vietnam is not solely about administrative restructuring, but it also encompasses measures to enhance local capacities and governance. Training programs for local officials, institutional development initiatives, and improved public financial management are part of the efforts to build a competent and accountable local governance system [19]. The objective is not just to transfer power, but also to ensure that local institutions have the requisite skills, knowledge, and resources to discharge their expanded duties effectively.

Economic decentralization initiatives have also been launched, allowing local governments to retain a greater share of revenues and to have more say in economic development strategies [20]. This is believed to stimulate local economic growth by enabling more context-specific economic policies and investment decisions. The heightened financial independence is anticipated to encourage innovation and competitiveness among provinces, thus driving national economic development.

These decentralization endeavors are, however, not without their challenges. Ensuring consistency in the quality of governance across different regions, balancing regional autonomy with national unity, and managing the transition of responsibilities to prevent gaps in public service are ongoing concerns. Vietnam's commitment to decentralization reflects a

strategic approach to governance that prioritizes local empowerment alongside the maintenance of overall national cohesion.

The progress of decentralization is an assuring sign of Vietnam's strides towards enhancing democratic governance and societal development. With a gradual yet determined rollout, the government is undertaking a delicate balance between granting local autonomy and retaining the necessary central oversight to maintain the nation's unity and direction. The success of these efforts would be indicative of a maturing political system capable of embracing complexity and diversity in decision-making.

The impetus behind the sweeping political reforms in Vietnam is multi-dimensional, with several internal and external factors playing a crucial role. At the helm of these reforms is the Vietnamese leadership, which has taken a proactive stance in initiating changes to address both domestic challenges and international expectations. Vietnamese leadership has increasingly acknowledged that the integrity and sustainability of the political system hinge on the government's ability to mitigate corruption, ensure fair electoral processes, and implement effective decentralization [19]. The leadership's approach is largely characterized by a recognition of the need for a modern, responsive governance system that can support robust economic growth and maintain social stability. This awareness has catalyzed an array of political reforms, aiming to transform Vietnam into a more transparent, accountable, and democratic society.

Civil society in Vietnam is another vital force driving political reform. Though operating within a constrained space, civil society organizations, activists, and the media have become more vocal and influential in demanding accountability, transparency, and inclusive governance [21]. By drawing attention to issues such as corruption, electoral fairness, and the distribution of power, these groups are putting consistent pressure on the government to enact meaningful reform. Additionally, the rising middle class and a younger, more connected population are increasingly engaged in public dialogue, using digital platforms to mobilize support for political change.

International pressures also exert a significant influence on Vietnam's political reform efforts. Globalization and the deepening of international trade relationships necessitate adherence to a set of standards that demand greater political openness and regulatory compliance. Foreign investment and economic partnerships are often contingent upon a country's political climate, pushing Vietnam to reform its political practices to attract and maintain international business ties. Moreover, commitments made through participation in international agreements and organizations further obligate Vietnam to pursue political reforms that align with global norms.

Vietnam stands at a crossroads where its leadership's vision, civil society's advocacy, and the pressures of international relations converge to shape its political landscape. These forces combine to create a dynamic environment for the enactment of reforms. The interplay between these drivers illuminates the

complexity of Vietnam's political evolution and underscores the multifaceted approach required to implement lasting change. As these reforms are propelled forward, they reveal the country's ambition to redefine its governance and position itself as a progressive player on both the regional and world stage.

Challenges faced in modernizing Vietnam's political structure

In modernizing Vietnam's political structure, a range of challenges and barriers are encountered that affect the pace and extent of political innovation. Key challenge is the influence of entrenched interests within the political ecosystem. Individuals or factions that have benefited from the current system may resist reforms that threaten their power or economic benefits. This resistance can manifest in various forms, including bureaucratic inertia, where the slow-moving administrative mechanisms become obstacles to the swift enactment of reforms. Bureaucratic red tape and resistance from within the government can delay, dilute, or outright prevent meaningful political changes. Institutional inertia is reinforced by a bureaucracy that is sometimes resistant to reform, especially when it affects longstanding practices and power dynamics [22]. The cumulative effect of institutional inertia means that while there might be an understanding of the need for reform, the pace of change is often slow, and the implementation can be half-hearted or symbolic without effectively addressing the underlying problems.

Furthermore, Vietnam's political culture and the norms of its one-party system can pose significant impediments to political innovation. Vietnam's political culture is deeply intertwined with the norms established by its long-standing one-party system under the Communist Party of Vietnam. The dominance of a single party has been a feature of Vietnam's governance, shaping not only the mechanisms of government and policy-making but also the expectations and behaviors of its citizens regarding politics [23]. *Firstly*, the one-party system's foundation rests on ideological homogeneity and a centralized approach to decision-making. This often leads to a top-down enforcement of policies and a consequent lack of encouragement for bottom-up, grassroots political innovation. The centralized mindset can discourage local initiative, reduce incentives for creative problem-solving, and maintain a status quo that resists reform. *Secondly*, within the one-party system, the CPV is intrinsically linked to the state apparatus, blurring the lines between party and government functions. This overlap creates challenges in establishing clear accountability mechanisms. *Furthermore*, political culture in a one-party system is often characterized by a lack of open political contestation. Without electoral competition, there is less pressure on the ruling party to innovate and improve governance to meet the changing needs and demands of the populace [23]. In systems with robust political competition, parties are driven to innovate and reform to gain electoral support; such incentives are inherently limited in a one-party context. *Finally*, the one-party

system can lead to a conflation of national and party interests, with the ruling party viewing its policies as synonymous with the country's well-being [24]. This conflation can obstruct reforms that may benefit the nation but could potentially reduce the ruling party's control. When a political party identifies itself so closely with the nation's identity and success, it might resist any changes that could be seen as a weakening of its own position, preferring instead to maintain a firm grip on power.

Vietnam's efforts to innovate politically are further complicated by a general wariness of rapid changes which could potentially destabilize the existing social order or cause unrest. This wariness is not unfounded, as rapid changes can unsettle established norms, traditions, and expectations that have long guided the behavior of individuals and institutions. However, this emphasis on stability can foster a risk-averse mentality among both leaders and citizens, making the prospect of implementing untested political reforms less appealing. Incrementalism, which characterizes Vietnam's approach to reform, reflects a desire to avoid the upheaval that dramatic political changes could bring [25]. By making gradual adjustments, Vietnamese leadership aims to maintain control over the pace and direction of change, thereby reducing the risk of unintended consequences, such as social unrest or challenges to the party's authority [26]. While this methodical strategy allows for the testing and refinement of reforms, it also means that transformative changes may be slowed. This incremental approach can struggle to keep up with the rapidly evolving demands of Vietnamese society, which is becoming increasingly complex economically, socially, and technologically. As Vietnam opens up more to the global market and its citizens gain more access to information, expectations for effective governance rise, placing additional pressure on the political system to adapt and reform at a pace that matches these new societal dynamics. The preference for slow change is further compounded by the challenge of addressing systemic issues without disrupting the mechanisms of governance that hold the one-party state together. The leadership must balance the need to preserve the core elements of the party's rule with the necessity for modernization and responsiveness to public demands. This balance is delicate, it requires a steady hand to ensure that the underpinnings of the existing system are not weakened to the point of creating a vacuum that could lead to instability.

The interplay between economic reforms and political change is a delicate balancing act. The Vietnamese government must navigate between maintaining economic growth — which has been a significant source of legitimacy — and implementing political changes, which could unsettle the economic environment if not handled carefully. Economic growth has been a pivotal source of legitimacy for the Vietnamese government. Decades of robust economic expansion have raised living standards, reduced poverty rates, and enhanced Vietnam's standing in the international community [27]. Success in the eco-

conomic realm often acts as a validating factor for the government's policies and can shore up support even in the absence of more pluralistic political reforms. However, sustaining this economic growth often necessitates continued reforms that can push against the boundaries of the existing political framework. For instance, as Vietnam integrates further into the global economy, it may encounter pressure to adopt international standards of governance and transparency, to protect property rights more stringently, and to allow for a more open market environment where both domestic and foreign enterprises can compete fairly. Such economic reforms may in turn demand a rethinking of certain political controls that could be seen as inhibiting economic dynamism. The introduction of market forces and private enterprise can also create new social dynamics and interest groups that might eventually seek political representation or influence. As these economic stakeholders become more prominent, their interests could clash with the traditional state-led model, potentially fuelling calls for political liberalization.

Furthermore, economic reforms, especially those that dismantle protectionist policies or disrupt traditional industries, can have short-term destabilizing effects on certain segments of the population. Workers who are displaced by market liberalization or whose skills become obsolete may experience economic hardship, leading to social dissatisfaction and the amplification of calls for political change. This can place the government in a difficult position of managing the immediate social fallout from economic restructuring while planning for long-term prosperity. The government must therefore tread carefully to ensure that political changes do not introduce unpredictability or undermine investor confidence, which could detract from the economic achievements that have bolstered the state's legitimacy. Investor sentiment is particularly sensitive to signals of political instability or drastic policy shifts, so even well-intentioned political changes must be communicated and implemented in a manner that reassures both domestic and international economic actors [28]. In avoiding the destabilization of the economic environment, the Vietnamese government tends to favor incremental political reforms that are aligned with its economic objectives. To a certain extent, this strategy allows the government to test the waters of political reform without committing to sweeping changes that might prove to be economically disadvantageous. The challenge, however, is in ensuring that political reforms are not so superficial or delayed that they fail to keep pace with the evolving economic landscape. As given this interplay, the Vietnamese government's strategy has typically involved introducing economic reforms that enhance efficiency and growth while making calibrated adjustments to the political domain that do not significantly alter the overall power structure. The tightrope that the government walks involves enacting reforms sufficient to stimulate eco-

conomic advancement and respond to societal pressures, yet limited enough to maintain the stability of the political order that underpins its authority.

In summary, the challenges faced by Vietnam in modernizing its political structure are deeply rooted in its current political system, culture, and institutions. These challenges are interrelated and contribute to a political environment where modernization is a complex and delicate process. The interconnected nature of the one-party system, limits on political expression, inertia, and resistance to change creates a difficult terrain for reformers. Overcoming these hurdles requires a nuanced approach that balances the maintenance of political stability with the need for progressive transformation in the governance structure. Only through careful navigation of these issues can Vietnam move towards a more modern and democratic political system.

Conclusion

The exploration of political reform in Vietnam, as delineated in this article, encapsulates a transformative journey marked by cautious yet strategic reforms within a one-party system. In examining the current practices of political reform, this article identified a series of incremental changes aimed at enhancing administrative efficiency, promoting anti-corruption efforts, and gradually aligning with international norms of governance.

However, these advancements must be viewed through the prism of the challenges that persist in modernizing Vietnam's political structure. The entrenched party apparatus, resistance to change within bureaucratic ranks, and the balancing act between economic liberalization and political control remain formidable obstacles. These barriers are compounded by the rapidly evolving demands of a population that is increasingly connected and informed, thereby elevating expectations for transparency, accountability, and participation within the political process.

The path to reforming Vietnam's political system is neither linear nor without contention. It involves a sustained commitment to reform that supports the burgeoning socio-economic landscape while navigating the complexities of an established political ideology and practice. As Vietnam continues to develop and interface with the global community, the discourse around its political reforms and the response to societal pressures will undoubtedly have significant implications for future governance, social harmony, and economic prosperity.

Ultimately, Vietnam's experience provides critical insights into the delicate process of political innovation within a context that is balancing the dual objectives of maintaining stability and embracing necessary change. The lessons derived from Vietnam's journey can offer valuable perspectives to policymakers, scholars, and other nations grappling with similar challenges in political modernization.

Список источников

1. *Albert M. A Theory of World Politics* // Cambridge University Press. 2016.
2. *Herring G.C. The Cold War and Vietnam* // *OAH Magazine of History*. 2004. No. 5 (18). P. 18—21.
3. *Lowe P. Ambivalence and Commitment: Vietnam, 1955—1965*. London : Palgrave Macmillan UK, 2009. P. 128—157.
4. *Bui M.T., Preechametta A. Land Inequality or Productivity: What Mattered in Southern Vietnam after 1975?* // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2016. No. 2 (3). P. 300—319.
5. *Schellhorn K.M. Political and Economic Reforms in Vietnam* // *Contemporary Southeast Asia*. 1992. No 3 (14). DOI: 10.1355/CS14-3B.
6. *Dung N.D., Thanh N.T. Private Sector Corruption in Vietnam: From Legislation to its Impact on the Economy* // *International Journal of Professional Business Review*. 2023. No. 2 (8). DOI: <https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i2.1490>
7. *Nguyen Van Giang. Building the political system in Vietnam in the new situation*. Ha Noi : Truth National Political Publishing House, 2022. 133 p.
8. *Hoa N.T.T., Thanh N.N. Factors Affecting Corruption Control in Public Administration: Evidence from Vietnam* // *Journal of Law and Sustainable Development*. 2023. No. 12 (11). DOI: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i12.1636>.
9. *Than Hoang. Viet A case: Court sentences for 38 defendants*. URL: <https://tuoitre.vn/vu-viet-a-muc-an-toa-tuyen-cho-38-bi-cao-20240112170357182.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
10. *Thanh Chung. President Nguyen Xuan Phuc resigned from his position as member of the Politburo and member of the 13th Party Central Committee*. URL: <https://tuoitre.vn/chu-tich-nuoc-nguyen-xuan-phuc-thoi-giu-chuc-uy-vien-bo-chinh-tri-uy-vien-trung-uong-dang-khoa-13-20230116162443784.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
11. *Local governance, corruption, and public service quality: evidence from a national survey in Vietnam* / T.V. Nguyen [et al.] // *International Journal of Public Sector Management*. 2017. No. 2 (30). P. 137—153.
12. *Wescott C. Combating Corruption in Southeast Asia* // *World Scientific*. 2003. P. 237—269.
13. *Anh Vu, Vu Han. Former AVG Chairman Pham Nhat Vu was sentenced to 3 years in prison*. URL: <https://thanhnien.vn/cuu-chu-tich-avg-pham-nhat-vu-linh-an-3-nam-tu-185912945.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
14. *Nguyen Duong. AVG case: What did Mr. Pham Nhat Vu declare to the investigating agency?* URL: <https://dantri.com.vn/phap-luat/vu-avg-ong-pham-nhat-vu-khai-gi-voi-co-quan-dieu-tra-20190903145308346.htm> (дата обращения: 18.04.2024).
15. *Bui T. Elections in a Communist Party Regime: Vietnam's Electoral Integrity Reforms and Challenges* // *SSRN Electronic Journal*. 2014.
16. *Toa T. T. Законодательство о прямой демократии в современном Вьетнаме* // *Управление*. 2022. № 3 (10). С. 105—112.
17. *Bui T.H. Dilemmas in the Construction of a Socialist Law-based State in Vietnam: Electoral Integrity and Reform* // *Asian Studies Review*. 2018. No. 2 (42). P. 286—303.
18. *Miller M.A., Douglass M. Introduction: Decentralising disaster governance in urbanising Asia* // *Habitat International*. 2016. No. (52). P. 1—4.
19. *Toa T.T. Построение правового государства как гаранта демократии в современном Вьетнаме* // *Управление*. 2022. № 4 (9). С. 43—50.
20. *Do M.H., Park S.C. Factors Affecting Foreign Direct Investment and Economic Performance in Developing Economies: Evidence from Vietnam* // *International Journal of Public Administration*. 2022. No. 1 (45). P. 64—80.
21. *Nguyen H., Nguyen A. Covid-19 Misinformation and the Social (Media) Amplification of Risk: A Vietnamese Perspective* // *Media and Communication*. 2020. No. 2 (8). P. 444—447.
22. *Institutional inertia and climate change: a review of the new institutionalist literature* / J. Munck af Rosenschöld, J.G. Rozema, L.A. Frye-Levine // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2014. Vol. 5, no. 5. P. 639—648. URL: <https://doi.org/10.1002/wcc.292>
23. *Koh D. State-Society Relations In Vietnam: Strong or Weak State?* *Southeast Asian Affairs*, 2001. No. 1. P. 369—386.
24. *Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule* // *Annual Review of Political Science*. 2010. No. 1 (13). P. 123—143.
25. *Nguyen N.A. Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam* // *Emerging Science Journal*. 2022. No. 5 (6). P. 952—966.
26. *Ren S., Collins N., Rowley C. Managerial leadership within Vietnam's transition* // *Journal of General Management*. 2021. No. 3 (46). P. 197—209.
27. *Dinh Thanh S., Hart N., Canh N.P. Public spending, public governance and economic growth at the Vietnamese provincial level: A disaggregate analysis* // *Economic Systems*. 2020. No. 4 (44). P. 100780.
28. *Mai Z., Nawaz Saleem H.M., Kamran M. The relationship between political instability and stock market performance: An analysis of the MSCI index in the case of Pakistan* // *PLOS ONE*. 2023. No.10 (18). DOI: 10.1371/journal.pone.0292284.

References

1. *Albert M. A Theory of World Politics*, Cambridge University Press Publ. 2016.
2. *Herring G.C. The Cold War and Vietnam*, *OAH Magazine of History*, 2004, no. 5 (18), pp. 18-21.
3. *Lowe P. Ambivalence and Commitment: Vietnam, 1955-1965*. London, Palgrave Macmillan UK Publ., 2009, pp. 128-157.
4. *Bui M. T., Preechametta A. Land Inequality or Productivity: What Mattered in Southern Vietnam after 1975?* *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2016, no. 3 (2), pp. 300-319.
5. *Schellhorn K. M. Political and Economic Reforms in Vietnam*, *Contemporary Southeast Asia*, 1992, no. 3 (14). DOI: 10.1355/CS14-3B.
6. *Dung N.D., Thanh N.T. Private Sector Corruption in Vietnam: From Legislation to Its Impact on the Economy*, *International Journal of Professional Business Review*, 2023, no. 2 (8). Available at: <https://doi.org/10.26668/businessreview/2023.v8i2.1490>

7. Nguyen Van Giang. Building the Political System in Vietnam in the New Situation. Ha Noi : Truth National Political Publishing House, 2022, 133 p.
8. Hoa N.T.T., Thanh N.N. Factors Affecting Corruption Control in Public Administration: Evidence from Vietnam, *Journal of Law and Sustainable Development*, 2023, no. 12 (11). Available at: <https://doi.org/10.55908/sdgs.v11i12.1636>.
9. Than Hoang. Viet A Case: Court Sentences for 38 Defendants. Available at: <https://tuoitre.vn/vu-viet-a-muc-an-toa-tuyen-cho-38-bi-cao-20240112170357182.htm> (accessed: 18.04.2024).
10. Thanh Chung. President Nguyen Xuan Phuc Resigned from His Position as Member of the Politburo and Member of the 13th Party Central Committee. Available at: <https://tuoitre.vn/chu-tich-nuoc-nguyen-xuan-phuc-thoi-giu-chuc-uy-vien-bo-chinh-tri-uy-vien-trung-uong-dang-khoa-13-20230116162443784.htm> (accessed: 18.04.2024).
11. Nguyen T.V. [et al.]. Local Governance, Corruption, and Public Service Quality: Evidence from a National Survey in Vietnam, *International Journal of Public Sector Management*, 2017, no. 2 (30), pp. 137-153.
12. Wescott C. Combating Corruption in Southeast Asia. Fighting Corruption in Asia. Causes, Effects and Remedies, World Scientific, 2003. P. 237-269. Available at: https://doi.org/10.1142/9789812795397_0010
13. Anh Vu, Vu Han. Former AVG Chairman Pham Nhat Vu was Sentenced to 3 Years in Prison. Available at: <https://thanhnien.vn/cuu-chu-tich-avg-pham-nhat-vu-linh-an-3-nam-tu-185912945.htm> (accessed: 18.04.2024).
14. Nguyen Duong. AVG case: What did Mr. Pham Nhat Vu Declare to the Investigating Agency? Available at: <https://dantri.com.vn/phap-luat/vu-avg-ong-pham-nhat-vu-khai-gi-voi-co-quan-dieu-tra-20190903145308346.htm> (accessed: 18.04.2024).
15. Bui T. Elections in a Communist Party Regime: Vietnam's Electoral Integrity Reforms and Challenges, *SSRN Electronic Journal*, 2014.
16. Toa T.T. Zakonodatel'stvo o Pryamoy Demokratii v Sovremennom V'etnam [Direct democracy legislation in modern Vietnam, *Upravlenie [Governance]*, 2022, no. 3 (10), pp. 105-112.
17. Bui T.H. Dilemmas in the Construction of a Socialist Law-based State in Vietnam: Electoral Integrity and Reform, *Asian Studies Review*, 2018, no. 2 (42), pp. 286-303.
18. Miller M.A., Douglass M. Introduction: Decentralising disaster governance in urbanising Asia, *Habitat International*, 2016, no. (52), pp. 1-4.
19. Toa T.T. Postroenie Pravovogo Gosudarstva kak Garanta Demokratii v Sovremennom V'etname [Building the rule of law as a guarantor of democracy in modern Vietnam], *Upravlenie [Governance]*, 2022, no. 4 (9), pp. 43-50.
20. Do M.H., Park S.C. Factors Affecting Foreign Direct Investment and Economic Performance in Developing Economies: Evidence from Vietnam, *International Journal of Public Administration*, 2022, no. 1 (45), pp. 64-80.
21. Nguyen H., Nguyen A. Covid-19 Misinformation and the Social (Media) Amplification of Risk: A Vietnamese Perspective, *Media and Communication*, 2020, no. 2 (8), pp. 444-447.
22. Munck af Rosenschöld J., Rozema J.G., Frye-Levine L.A. Institutional Inertia and Climate Change: a Review of the New Institutional Literature, *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*, 2014, vol. 5, no. 5, pp. 639-648.
23. Koh D. State-Society Relations In Vietnam: Strong or Weak State? *Southeast Asian Affairs*, 2001, no. 1, pp. 369-386.
24. Magaloni B., Kricheli R. Political Order and One-Party Rule, *Annual Review of Political Science*, 2010, no. 1 (13), pp. 123-143.
25. Nguyen N.A. Understanding the Socialist-Market Economy in Vietnam, *Emerging Science Journal*, 2022, no. 5 (6), pp. 952-966.
26. Ren S., Collins N., Rowley C. Managerial Leadership within Vietnam's Transition, *Journal of General Management*, 2021, no. 3 (46), pp. 197-209.
27. Dinh Thanh S., Hart N., Canh N.P. Public Spending, Public Governance and Economic Growth at the Vietnamese Provincial Level: A Disaggregate Analysis, *Economic Systems*, 2020, no. 4 (44), p. 100780.
28. Mai Z., Nawaz Saleem H.M., Kamran M. The Relationship between Political Instability and Stock Market Performance: An Analysis of the MSCI Index in the Case of Pakistan, *PLoS One*, 2023, no.10 (18). DOI: 10.1371/journal.pone.0292284.

Information about the author

Nguyen Duc Cuong — Ppostgraduate Student, State University of Management, Moscow, Russian Federation, Lecturer, Academy of Regional Policy, Ho Chi Minh City, Vietnam. E-mail: ngdcuong.vn@gmail.com

Информация об авторе

Нгуен Дык Кыонг — аспирант, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация, преподаватель, Академия региональной политики, Хошимин, Вьетнам. E-mail: ngdcuong.vn@gmail.com

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.
Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ECONOMIC RESEARCH

Развитие территорий. 2024. № 2. С. 24—32.
Territory Development. 2024;(2):24—32.

Экономические исследования

Научная статья

УДК 330.354

DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-24-32

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РЕГИОНАХ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ТРЕНДЫ И ФАКТОРЫ

Людмила Романовна Слепнева¹, Светлана Романовна Халтаева², Эржена Батожаргаловна Найданова³, Инесса Олеговна Хантуева⁴

^{1–4} Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация
Автор, ответственный за переписку: Людмила Романовна Слепнева, slluro@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей и тенденций экономического роста на примере регионов Дальневосточного федерального округа. Представлен обзор основных моделей экономического роста, включая модели Харрода — Домара, Р. Солоу, Узавы — Лукаса и др.; приведены используемые в перечисленных моделях показатели для оценки уровня роста экономики. В большинстве моделей в качестве важнейших индикаторов для оценивания степени роста экономики используются производительность труда, динамика объема и структуры занятости, структурные сдвиги в экономике. В результате оценки по регионам Дальневосточного федерального округа выявлено сокращение численности населения в динамике последних лет, за исключением Республики Саха (Якутия), для которой характерен рост среднегодовой численности населения. Исследована динамика и выявлена корреляция величины валового регионального продукта на душу населения и среднедушевых денежных доходов населения дальневосточных регионов. Показано, что в большей степени на динамику среднегодовой численности жителей оказывает влияние миграционный приток/отток населения дальневосточных регионов. Анализ статистических данных за пятилетний период показал, что для дальневосточных регионов с высокими темпами роста экономики и высоким медианным среднедушевым доходом населения уровень неравенства увеличивается. Для остальных дальневосточных регионов, где отмечаются средние и ниже среднего медианные среднедушевые доходы, рост экономики (или даже снижение среднего за пятилетний период среднедушевого валового регионального продукта, например, как в Сахалинской области) сопряжен с уменьшением неравенства населения по доходам. Кроме того, установлено, что повышающий тренд экономического роста не обязательно приводит к приросту количества и качества рабочих мест, повышению объема занятости на региональном рынке труда. Однако регион должен быть трудообеспечен как по количеству, так и по качеству трудовых ресурсов. Выявлены особенности структурных сдвигов в экономике дальневосточных регионов, определены перспективные направления роста экономики этих регионов.

Ключевые слова: экономический рост, структурные сдвиги, объем и структура занятости, регионы Дальневосточного федерального округа, валовой региональный продукт, специализация

Для цитирования: Слепнева Л. Р., Халтаева С. Р., Найданова Э. Б., Хантуева И. О. Экономический рост в регионах дальневосточного федерального округа: тренды и факторы // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 24—32. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-24-32.

Economic research

Original article

ECONOMIC GROWTH IN THE REGIONS OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT: TRENDS AND FACTORS

Lyudmila R. Slepneva¹, Svetlana R. Khaltavaeva², Erzhen B. Naydanova³, Inessa O. Hantueva⁴

^{1–4} East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation

Corresponding author: Lyudmila R. Slepneva, slluro@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of peculiarities and trends of economic growth on the example of the regions of the Far Eastern Federal District. A review of the main models of economic growth, including Harrod-Do-Mar, R. Solow, Uzawa-Lucas, etc. models is presented; the indicators used in these models to assess the level of economic growth are given. In most of the models, labor productivity, dynamics of employment volume and structure, structural shifts in the economy are

used as the most important indicators to assess the degree of economic growth. As a result of the assessment of the regions of the Far Eastern Federal District the reduction of population in the dynamics of recent years was revealed, with the exception of the Republic of Sakha (Yakutia), which is characterized by an increase in the average annual population. The dynamics and correlation of the value of gross regional product per capita and average per capita cash income of the population of the Far Eastern regions were studied. It is shown that the dynamics of the average annual number of residents is influenced to a greater extent by the migration inflow/outflow of population in the Far Eastern regions. The analysis of statistical data for the five-year period has shown that the level of inequality is increasing for the Far Eastern regions with high rates of economic growth and high median average per capita income. For the rest of the Far Eastern regions with average and below average median per capita incomes, economic growth (or even a decrease in the five-year average per capita gross regional product, for example, as in the Sakhalin Oblast) is associated with a decrease in income inequality. In addition, it has been established that the upward trend of economic growth does not necessarily lead to an increase in the quantity and quality of jobs and employment in the regional labor market. However, the region should be labor-sufficient both in terms of quantity and quality of labor resources. The specific features of structural shifts in the economy of the Far Eastern regions are revealed, the perspective directions of growth of the regional economy are determined.

Keywords: economic growth, structural shifts, employment volume and structure, regions of the Far Eastern Federal District, gross regional product, specialization

For citation: Slepneva L.R., Khaltayeva S.R., Naydanova E.B., Hantueva I.O. Economic growth in the regions of the Far Eastern Federal District: trends and factors. *Territory Development*. 2024;(2):24—32. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-24-32.

Введение

Согласно предварительным и уточненным оценкам, объявляемым различными отечественными ведомствами и агентствами, зарубежными организациями, в России по итогу 2023 г. отмечен рост ВВП. Хотя количественная оценка роста экономики России, по данным МВФ, существенно различается (от 2,2 % и 2,7 % [1] до 3,6 % [2]), общепризнанной остается положительная динамика, свидетельствующая об адаптации отечественной экономики к расширяющимся беспрецедентным санкциям и о преодолении деструктивных последствий пандемийного периода. Отмеченная динамика сопровождается увеличением доли несырьевых отраслей в структуре роста, повышением значимости двух факторов в качестве драйверов роста (прироста потребительского спроса и объема производственных запасов предприятий), структурными сдвигами в экономике регионов. Следует подчеркнуть, что темп приращения потребительской активности домохозяйств на фоне прироста доходов (как предпринимательских доходов, так и оплаты труда) дифференцирован по регионам России, что способствует разнящимся сдвигам в структуре занятости, направленности инвестиционных потоков и т. д. Для регионов-лидеров с высоким уровнем экономического роста, как правило, свойствен опережающий темп прироста ВРП на душу населения, производительности труда над темпом прироста занятости; для регионов с низким уровнем экономического роста не всегда характерен опережающий темп прироста занятости над темпом прироста ВРП на душу населения, производительности труда. Повышающий тренд экономического роста не обязательно приводит к приросту количества и качества рабочих мест, повышению объема занятости на региональном рынке труда. Однако регион должен быть трудообеспечен как по количеству, так и по качеству трудовых ресурсов. Рост инвестиционных вложений в экономику не обязательно способствует ускоренному экономическому росту.

Перечисленные выше и другие несоответствия, противоречивые тенденции актуализируют ис-

следование специфики и тенденций экономического роста в регионах России и факторов, их определяющих.

Анализ основных моделей экономического роста

В экономических исследованиях взаимосвязь и взаимообусловленность различных факторов и темпа экономического роста признается многими представителями экономических учений (школ), но объясняется по-разному.

В модели, объединившей теоретические воззрения Роя Харрода [3], представленные в 1939 г., и Евсея Домара [4], выдвинутые в 1946 г., условиями роста экономики являются сохранение предельной производительности капитала и постоянство нормы сбережений в плановом (долгосрочном) периоде. Однако модель, созданная под влиянием теории большого толчка, предназначена для закрытой экономики. Она не учитывает трудовую миграцию, внешнюю торговлю и потенциал конвергенции, не допускает вытеснения государственными инвестициями частных и даже их разделения в совокупном объеме инвестиций, равных сбережениям. Кроме того, реальные тенденции роста экономик третьего мира подтвердили вывод о том, что в практике прирост объемов инвестиций не обязательно обеспечивает ускоренный экономический рост. Следует подчеркнуть, что данная модель, ставшая концептуальной основой для дальнейших научных изысканий и разработки усовершенствованных моделей, находит практическое применение в исследованиях современных ученых.

Модель Роберта Солоу [5], построенная для закрытой экономики и условий совершенной конкуренции, в качестве факторов, определяющих экономический рост, учитывает объем инвестиций, темп научно-технического прогресса и численность рабочей силы, формирующую динамику производительности труда. С помощью математических расчетов Р. Солоу обосновал, что само по себе инвестирование в накопление основного капитала не гарантирует устойчивого экономического роста в долгосрочном периоде. Критика модели Р. Солоу обусловлена рядом допущений

(например, экзогенно задаваемым темпом научно-технического прогресса и нормой сбережений), пробелов (например, не раскрыт механизм влияния экономических агентов на процесс накопления/сбережения; не объяснены случаи роста экономик, в которых условия конвергенции не выполняются), утверждений (например, стремление экономики к равновесию с полной вовлеченностью всех ресурсов). Кроме того, в практическом применении модель Р. Солоу не всегда находит подтверждение, особенно в отношении экономик третьих стран. Несмотря на критические замечания, модель Р. Солоу стала основой для многих современных моделей и существенно повлияла на развитие макроэкономической теории.

Двухсекторная модель Удзавы — Лукаса, в основу которой положен научный метод японского экономиста Хирофуми Удзавы, представленный в 1965 г. и дополненный Робертом Лукасом [6] в 1988 г., показывает зависимость темпов экономического роста, во-первых, от уровня накопленного человеческого капитала, зависящего от решений экономических агентов в сфере образования и, во-вторых, от научно-технического прогресса. Основным недостатком модели является то, что она не объясняет причин экономического роста, не учитывает конвергенцию. Кроме того, расчеты с использованием двухсекторной модели показывают, что страны третьего мира ни в каком из прогнозируемых долгосрочных периодов не могут догнать богатые страны. Однако это не подтверждается в ряде случаев.

Обзор современных моделей экономического роста представлен и в исследованиях отечественных ученых [7; 8]. Одни из них носят описательный характер, другие составлены в виде экономико-математических, эконометрических и других, отражающих взаимосвязь и взаимобусловленность объема, структуры занятости и динамики производства, темпа экономического роста.

Таким образом, в большинстве проанализированных моделей в качестве важнейших индикаторов для оценивания степени взаимосвязи используются производительность труда, динамика объема и структуры занятости и структурные сдвиги в экономике.

Цель исследования

В условиях пространственной неравномерности прослеживается существенная дифференциация по степени взаимосвязи объема, структуры занятости и динамики производства, темпа экономического роста в регионах Дальневосточного федерального округа (ДФО), отличающихся схожими ресурсными возможностями и условиями для социально-экономического развития.

Цель исследования состоит в изучении специфики и тенденций экономического роста в регионах ДФО; выявлении факторов, определяющих вектор и динамику роста экономики регионов;

определении перспективных направлений роста экономики регионов ДФО.

Информационная база и методы исследования

В исследовании специфики и тенденций экономического роста в регионах ДФО использованы информационная база из отчетов, сборников и витрин данных Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных подразделений в дальневосточных регионах, материалы авторских исследований и научных публикаций в сети Интернет, а также общенаучные и специальные методы и подходы (системный подход, методы формальной логики и экономико-статистического анализа, приемы сравнения и аналогий, обобщения и наблюдения).

Результаты исследования и их анализ

Совокупный валовой региональный продукт дальневосточных регионов увеличился с 2018 по 2022 г. примерно на 18 %. При этом доля регионов ДФО в структуре консолидированной величины ВРП страны сохраняется на уровне 6,0—6,4 %. Наибольший вклад в формирование консолидированной величины ВРП страны вносят Республика Саха (Якутия) — 1,3 %, Приморский край — 1,1 %, Сахалинская область — 1,0 %, Хабаровский край — 0,8 %. Доля остальных дальневосточных регионов в структуре консолидированной величины ВРП страны характеризуется как незначительная — не превышает 0,3—0,4 %.

В динамике пятилетнего периода среднедушевая величина ВРП дальневосточных регионов увеличивается, повышаются среднедушевые денежные доходы населения при уменьшении численности жителей (рис. 1).

С 2018 по 2022 г. численность населения дальневосточных регионов сократилась на 285,1 тыс. человек, или на 3,6 %. При этом наибольший темп сокращения среднегодовой численности отмечен в Магаданской области. Только в Республике Саха (Якутия) отмечена положительная динамика роста среднегодовой численности населения.

В большей степени на выявленную динамику оказывает влияние миграционный приток/отток населения. Так, за пятилетний период наибольший совокупный миграционный отток отмечен из Забайкальского (свыше 28 тыс. человек), Приморского (примерно 22 тыс. человек), Хабаровского (более 12 тыс. человек) краев, Амурской области (около 12 тыс. человек), Республики Бурятия (чуть более 8,5 тыс. человек). За этот же период совокупный миграционный приток населения зафиксирован в Республике Саха (Якутия) — 7 518 человек, в Чукотском автономном округе — 473 человека. Однако в анализируемом периоде миграционный прирост не покрывает естественной убыли во всех дальневосточных регионах, за исключением Чукотского автономного округа, для которого характерно превышение миграционного прироста над естественной убылью населения в 2018 г., 2019 г. и 2021 г.

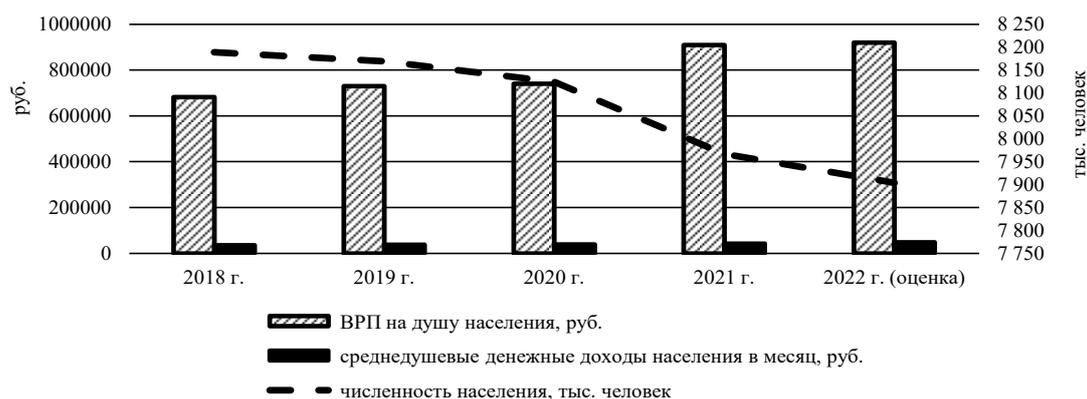

Рис. 1. Динамика душевого ВРП, среднедушевых денежных доходов и численности населения Дальневосточного федерального округа (составлено по: [9])
Dynamics of per capita GRP, per capita cash income and population of the Far Eastern Federal District (compiled by: [9])

Для дальневосточных регионов прослеживается прямая корреляция между суммой среднедушевого ВРП и величиной среднедушевого денежного дохода населения. Так, наибольшая величина ВРП на душу населения отмечается именно в тех регионах, где зафиксированы наивысшие значения среднедушевых денежных доходов (Чукотский автономный округ, Сахалинская и Магаданская области), а наименьшая величина ВРП на душу населения наблюдается в регионах с минимальными значениями среднедушевых денежных доходов (Республика Бурятия, Забайкальский край и Еврейская автономная область). Аналогичная зависимость прослеживается и при сопоставлении суммы среднедушевого ВРП и величины медианного среднедушевого денежного дохода населения.

В анализируемом пятилетнем периоде самые высокие медианные среднедушевые доходы свойственны регионам, где отмечается неустой-

чивое, но все же повышение неравномерности распределения доходов. Так, медианные среднедушевые доходы в Чукотском автономном округе выросли с 59 526,4 руб./месяц в 2018 г. до 82 049,7 руб./месяц в 2022 г.; в Магаданской области — с 46 331,5 руб./месяц в 2018 г. до 70 976,5 руб./месяц в 2022 г. Значение коэффициента фондов увеличилось в Чукотском автономном округе с 14,8 раза в 2018 г. до 15,4 раза в 2022 г.; в Магаданской области — с 13,0 раза в 2018 г. до 13,9 раза в 2022 г. (табл. 1). То есть очень высокие и растущие медианные среднедушевые доходы населения сопряжены с увеличением значений коэффициента фондов и коэффициента Джини, что позволяет сделать вывод о том, что для дальневосточных регионов с высокими темпами роста экономики и высоким медианным среднедушевым доходом населения уровень неравенства не сокращается, а увеличивается.

Таблица 1

Некоторые показатели уровня жизни населения и экономического роста в регионах Дальневосточного федерального округа
Some indicators of the standard of living of the population and economic growth in the regions of the Far Eastern Federal District

Регион	Средний за 5-летний период темп прироста			Значение коэффициента фондов в динамике, раз				
	ВРП на душу населения, %	медианного среднедушевого денежного дохода, %	численности рабочей силы, %	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Республика Бурятия	8,09	8,85	-1,63	12,2	11,5	10,3	10,7	10,4
Республика Саха (Якутия)	0,42	8,06	0,07	14,8	14,8	14,0	14,3	14,7
Забайкальский край	7,83	10,48	-1,08	11,4	11,0	10,0	10,5	9,9
Камчатский край	4,14	8,34	-0,25	11,7	11,7	11,7	12,3	10,9
Приморский край	9,73	7,94	-1,41	12,9	12,8	11,4	11,7	10,8
Хабаровский край	4,75	7,31	-0,82	12,8	12,5	11,0	11,0	10,8
Амурская область	11,26	10,05	-0,49	14,1	14,0	13,3	13,4	12,7
Магаданская область	16,00	11,28	-1,31	13,0	13,0	13,2	14,1	13,9
Сахалинская область	-2,48	8,30	-0,36	16,3	16,3	14,5	14,3	13,5
Еврейская автономная область	6,55	10,03	-0,70	9,9	9,3	8,5	8,6	7,6
Чукотский автономный округ	11,02	8,37	0,03	14,8	15,1	15,0	15,4	15,4

Примечание. Рассчитано по: [9].
Note. Calculated by: [9].

Для остальных дальневосточных регионов, где отмечаются средние и ниже среднего медианные среднедушевые доходы, рост экономики (или даже снижение среднего за пятилетний период среднедушевого ВРП, например, как в Сахалинской области) сопряжен с уменьшением неравенства населения по доходам. При этом самое большое сокращение значения коэффициента фондов наблюдается в Хабаровской крае и Сахалинской области, для которых характерен относительно высокий уровень занятости населения в возрасте 15—72 лет.

За анализируемый пятилетний период регионами-лидерами по темпу экономического роста стали Магаданская и Амурская области, Чукотский автономный округ, для которых характерен опережающий темп прироста ВРП на душу населения над темпом прироста медианного среднедушевого денежного дохода. Для названных дальневосточных регионов темп прироста производительности труда опережает темп прироста средней заработной платы. Кроме того, эти регионы отличает очень высокий уровень вовлеченности населения в возрасте 15—72 лет в состав рабочей силы.

За этот же период самый низкий темп экономического роста отмечен в Сахалинской области, Республике Саха (Якутия), Камчатском крае. Для перечисленных регионов характерен опережающий темп прироста медианного среднедушевого денежного дохода над темпом прироста ВРП на душу населения. При этом темп прироста

производительности труда отстает от темпа прироста средней заработной платы в соответствующем регионе. Кроме того, в названных регионах наблюдается прирост или небольшое снижение уровня рабочей силы в динамике последних лет. Для Сахалинской области, Камчатского края характерен высокий уровень вовлеченности населения в возрасте 15—72 лет в состав рабочей силы.

Таким образом, для регионов-лидеров с высоким уровнем экономического роста, как правило, свойствен опережающий темп прироста ВРП на душу населения, производительности труда над темпом прироста занятости; для регионов с низким уровнем экономического роста не всегда характерен опережающий темп прироста занятости над темпом прироста ВРП на душу населения и производительности труда.

Анализ показателей, характеризующих ситуацию на рынке труда дальневосточных регионов, показывает существенное превышение потребности в работниках разных категорий, заявленной предприятиями и организациями через службы занятости, над численностью зарегистрированных безработных (рис. 2). При этом самая высокая заявленная потребность в кадрах отмечается в Приморском крае и Амурской области, для которых характерен высокий миграционный отток населения, а самая высокая численность зарегистрированных безработных зафиксирована в Приморском и Забайкальском крае, Республике Саха (Якутия).

Рис. 2. Отдельные показатели, характеризующие напряженность на рынке труда дальневосточных регионов в 2022 г. (составлено по: [9])

Selected indicators characterizing tension in the labor market of the Far Eastern regions in 2022 (compiled by: [9])

Таким образом, для отдельных регионов с высоким темпом роста экономики (Магаданская область, Чукотский автономный округ) ситуация на

рынке труда характеризуется как относительно благоприятная, так как экономический рост является стабильно трудообеспеченным как по количеству,

так и по качеству рабочей силы. Для других регионов с высоким темпом роста экономики (Амурская область) ситуация на рынке труда характеризуется как напряженная, так как экономический рост не полностью трудоустроен рабочей силой.

Для Забайкальского края и Еврейской автономной области, отличающихся средним темпом роста экономики, характерен очень высокий удельный вес безработных, ищущих работу в течение 12 месяцев и более. Почти каждый второй безработный из названных регионов не может найти оплачиваемую работу в течение года и более. Последнее, по мнению авторов, свидетельствует не о трудоизбыточности экономики регионов, а скорее, о недостаточно эффективном использовании экономического потенциала (в частности, трудового), что способствует некоторому торможению темпа роста экономики. Ряд дальневосточных регионов с низким темпом роста экономики также, по мнению авторов, характеризуется недоиспользованием экономического потенциала.

Следовательно, повышающий тренд экономического роста не обязательно приводит к приросту количества и качества рабочих мест, повышению объема занятости на региональном рынке труда. Однако он должен быть трудоустроен как по количеству, так и по качеству трудовых ресурсов.

Немаловажное значение для формирования вектора экономического роста имеет динамика и структура потребительского спроса населения. Национальные проекты, федеральные и региональные программы, реализуемые в дальневосточных регионах, содействуют в конечном итоге повышению уровня и качества жизни населения, положительно влияют на динамику и структуру потребительского спроса. Так, в динамике анализируемого пятилетнего периода во всех регионах ДФО отмечается значительное сокращение доли населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума (границы бедности). Наименьшая доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума по итогам 2022 г. зафиксирована в Чукотском автономном округе (около 6,6 %), Сахалинской (примерно 7,0 %) и Магаданской (почти 7,4 %) областях; наибольшая — в Республике Бурятия (около 19 %). В структуре потребительских расходов жителей дальневосточных регионов доля средств, направляемая на покупку продовольственных товаров, не превышает 40 %. В динамике с 2018 по 2022 г. прослеживается прирост оборота оптовой и розничной торговли, объема платных услуг населению. По итогам 2022 г. наибольший оборот розничной торговли на душу населения зафиксирован в Сахалинской области (около 421 тыс. руб./человек); наименьший — в Еврейской автономной области (примерно 219 тыс. руб./человек). Отмечается неустойчивая, но положительная динамика роста вкладов (депозитов) юридических и физических лиц.

Таким образом, для дальневосточных регионов характерно приращение потребительского спроса, обусловленного расширением покупательной способности населения и развитием товарных рын-

ков. В целом положительная динамика и структура потребительского спроса населения благоприятно влияет на рост экономики регионов ДФО.

Рост экономики любого региона не возможен без инвестиционных вливаний в технико-технологическое обновление существующих и строительство новых предприятий и организаций. В динамике последних лет наблюдается увеличение сумм инвестиций в основной капитал (в фактические действовавшие цены) практически во всех дальневосточных регионах. При этом за анализируемый пятилетний период наибольшие объемы инвестиций в основной капитал прослеживаются в Республике Саха (Якутия) (отличается низким темпом экономического роста) и Амурской области (выделяется средним темпом экономического роста); наименьшие — в Еврейской автономной области (характеризуется средним темпом экономического роста), Чукотском автономном округе (выделяется высоким темпом экономического роста). Однако для Чукотского автономного округа характерен самый высокий темп прироста объема инвестиционных вложений в основной капитал (почти в 5 раз за пятилетний период); самый низкий темп прироста объема инвестиций в основной капитал наблюдается в Сахалинской и Еврейской автономной областях (менее чем в 1,2 раза). В большей части дальневосточных регионов произошло удваивание объемов инвестиций в основной капитал за пятилетний период.

Сопоставление индексов физического объема инвестиционных вложений в основной капитал (в сопоставимых ценах) показывает снижение в процентах к предыдущему году инвестиций в Забайкальском, Камчатском и Хабаровском краях.

В структуре инвестиций по формам собственности наибольшую долю составляют отечественные, из них примерно две трети — частные инвестиции.

Анализ степени годности основных фондов предприятий и организаций дальневосточных регионов свидетельствует о положительной динамике обновления основных фондов. Так, в анализируемом пятилетнем периоде в регионах ДФО прослеживается снижение степени износа основных фондов предприятий и организаций, за исключением Сахалинской области (рост коэффициента износа повысился с 55,7 % в 2018 г. до 67,4 % в 2022 г.), Магаданской области (рост коэффициента износа повысился с 36,0 % в 2018 г. до 47,9 % в 2022 г.).

Следует отметить, что Магаданская область отличается наибольшим положительным темпом роста экономики, Сахалинская область — отрицательным темпом развития. Таким образом, рост инвестиционных вложений в экономику не обязательно способствует ускоренному экономическому росту, однако он является обязательным условием для сохранения и повышения производственного потенциала, обеспечивающего экономический рост.

Отмеченные выше и иные процессы и явления, произошедшие в экономике дальневосточных

регионов, способствуют изменениям в отраслевой структуре, что, безусловно, влияет на конкурентоспособность и вектор социально-экономического развития, темп экономического роста и эффективность использования экономического потенциала на мезоуровне.

Традиционными для экономики дальневосточных регионов являются пищевая (рыбная), горнодобывающая (добыча угля, углеводородов, металлов и других полезных ископаемых), лесная и деревообрабатывающая промышленности, тепло- и электроэнергетика, судостроение, цветная металлургия. Как правило, пищевая (рыбная) промышленность формирует большую долю в структуре ВРП таких регионов, как Хабаровский, Камчатский, Приморский края, Сахалинская, Магаданская и Амурская области. Промышленность строительных материалов является формирующей для ВРП Республики Саха (Якутия); металлургия — для Хабаровского края; машиностроение — для Приморского края; ювелирная промышленность — для Республики Саха (Якутия) и Приморского края; химическая промышленность и нефтехимия — для Забайкальского края; деревообработка и целлюлозно-бумажная промышленность — для Республики Бурятия.

В силу сложных природно-климатических условий сельскохозяйственное производство представлено не во всех регионах ДФО. Растениеводство преимущественно развивается и вносит относительно заметный вклад в формирование ВРП Амурской области и Приморского края; животноводство развито в Республике Бурятия и Забай-

кальском крае. В целом по ДФО в структуре сельскохозяйственного производства продукция растениеводства занимает около 60 %, животноводства — примерно 40 %. Доля продукции сельского хозяйства ДФО в совокупной продукции отрасли страны не достигает 4 %.

В структуре экономики дальневосточных регионов представлены также образование, здравоохранение и другие отрасли социальной сферы.

В динамике анализируемого пятилетнего периода в ряде дальневосточных регионов прослеживается изменение доли основных отраслей в формировании валового регионального продукта (табл. 2).

Существенные структурные сдвиги (повышение доли на 10 п. п. и более) отмечены по доле отрасли добычи полезных ископаемых в формировании валового регионального продукта в Забайкальском крае, Магаданской области и Еврейской автономной области. Умеренные (изменение доли от 5 до 10 п. п.) и незначительные (изменения доли от 0 до 5 п. п.) структурные сдвиги в сторону как увеличения, так и снижения прослеживаются практически во всех дальневосточных регионах. Введение экспортно-импортных ограничений в рамках проводимой санкционной политики стран Запада в отношении России способствовало сокращению объемов или прекращению внешнеторговых операций, что отразилось на снижении доли отрасли оптовой и розничной торговли, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов в формировании ВРП практически всех дальневосточных регионов.

Таблица 2

Изменение доли ведущих отраслей в экономике регионов Дальневосточного федерального округа
Change in the share of leading industries in the economy of the regions of the Far Eastern Federal District

Регион	Ведущие отрасли в экономике региона	Доля отрасли, %	
		2018 г.	2021 г.
Республика Бурятия	Обрабатывающие производства	12,1	12,0
	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	15,7	10,4
	Транспортировка и хранение	11,4	9,5
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	10,4	10,5
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,6	10,3
Республика Саха (Якутия)	Добыча полезных ископаемых	51,1	59,0
Забайкальский край	Добыча полезных ископаемых	13,5	30,1
	Транспортировка и хранение	19,6	13,9
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	10,4	8,8
Камчатский край	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	21,6	30,1
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	14,0	15,8
Приморский край	Транспортировка и хранение	22,1	18,7
	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	18,0	16,2
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4,4	12,2
Хабаровский край	Транспортировка и хранение	18,7	16,6
	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	15,9	13,2
	Обрабатывающие производства	11,4	11,1
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	3,7	9,5
Амурская область	Строительство	14,0	19,2
	Добыча полезных ископаемых	14,7	14,5
	Транспортировка и хранение	14,7	9,6
	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2,4	9,6

Регион	Ведущие отрасли в экономике региона	Доля отрасли, %	
		2018 г.	2021 г.
Магаданская область	Добыча полезных ископаемых	40,4	55,0
Сахалинская область	Добыча полезных ископаемых	53,1	60,0
Еврейская автономная область	Добыча полезных ископаемых	2,3	23,7
	Строительство	11,0	6,8
	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	15,1	13,0
	Транспортировка и хранение	15,3	15,0
Чукотский автономный округ	Добыча полезных ископаемых	49,2	41,6
	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	10,3	13,6

Примечание. Составлено по: [9].

Note. compiled by: [9].

Как положительный момент стоит отметить, что для базовых отраслей (сельское хозяйство и промышленность) дальневосточных регионов характерно сохранение или увеличение их доли в экономике региона. Развитие отраслевой специализации дальневосточных регионов с учетом их структурно-экономических возможностей позволит нарастить темп роста экономики.

Заключение

Исследование на примере регионов Дальневосточного федерального округа позволило выявить основные особенности и тенденции экономического роста, предопределенные специализацией и социально-экономическими характеристиками

анализируемых региональных экономик. Базовыми факторами экономического роста являются структура и динамика занятости, инвестиции в основной капитал, природно-ресурсный потенциал, а также темпы технического прогресса. Специфическими факторами экономического роста, которые повлияли на текущую динамику, стали увеличение доли несырьевых отраслей в структуре роста, повышение потребительского спроса и объема производственных запасов предприятий и организаций дальневосточных регионов.

В результате исследования сформированы перспективные направления роста экономики регионов ДФО (табл. 3).

Таблица 3

Перспективные направления роста экономики регионов Дальневосточного федерального округа Promising directions for economic growth in the Far Eastern Federal District

Специализация регионов	Регионы	Перспективные направления
Регионы с преимущественно сырьевой специализацией	Магаданская и Сахалинская области, Чукотский автономный округ	Повышение эффективности использования минерально-сырьевой базы региона
Регионы с высокой долей добывающих отраслей	Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО	
Регионы с высоким потенциалом развития туристической отрасли	Республика Бурятия, Камчатский край, Еврейская автономная область	Поддержка развития туристской инфраструктуры
Регионы с высоким потенциалом развития агросферы	Амурская область, Еврейская АО, Сахалинская область, Хабаровский край, Приморский край, Камчатский край	Эффективное развитие АПК, сельского и лесного хозяйства, рыболовства, рыбоводства

Для эффективного развития экономики следует учитывать ресурсные, природные и производственные потенциалы в регионах. Реализация

перспективных направлений будет способствовать росту экономики регионов ДФО.

Список источников

1. В ООН заявили о росте экономики России в 2023 году на 2,7 % // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/65974dc19a79474ac8f739b3> (дата обращения: 18.01.2024).
2. Росстат оценил рост ВВП в 2023 году на 3,6 % // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/07/1019058-rosstat-otsenil-rost> (дата обращения: 19.01.2024).
3. Маневич В. Е., Николаев Л. К., Овсиенко В. В. Теория экономической динамики Харрода и анализ российской экономики. Вводная статья к переводу монографии: Р. Харрод. Теория экономической динамики / под ред. В. Г. Гребенникова; пер. с англ. В. Е. Маневича М.: ЦЭМИ РАН, 2008. 210 с. URL: http://www.ipr-ras.ru/old_site/articles/manev08-1.pdf (дата обращения: 16.01.2024).
4. Домар, Евсей Д., Domar, Evsey D. (1914—1997) // Экономическая школа. URL: <https://scinst.ru/page661/> (дата обращения: 20.01.2024).

5 Роберт Солоу: «Сосуществование крайнего богатства и крайней нищеты кажется мне аморальным» // Эконс. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/robert-solou-sosushchestvovanie-kraynego-bogatstva-i-krayney-nishchety-kazhetsya-mne-amoralnym/> (дата обращения: 16.01.2024).

6. Кувшинова О., Демьяненко В. Роберт Лукас: экономист, который изменил экономистов // Эконс. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/robert-lukas-ekonomist-kotoryy-izmenil-ekonomistov/> (дата обращения: 21.01.2024).

7. Модели экономического роста российской экономики / Т. В. Ленкова, К. И. Макаева, О. Г. Безрукова, Е. Н. Джахнаева, Д. Б. Баршева, В. В. Очирова, К. Б. Очиров // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 4. С. 93—100.

8. Примышев И. Н. Факторы и современные модели экономического роста и развития // Теоретическая экономика. 2020. № 4. С. 53—61.

9. Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 19.01.2024).

References

1. V OON zayavili o roste ekonomiki Rossii v 2023 godu na 2,7 % [The UN Announced the Growth of the Russian Economy in 2023 by 2.7 %], *RBK [RBC]*. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/05/01/2024/65974dc19a79474ac8f739b3> (accessed: 18.01.2024).

2. Rosstat otsenil rost VVP v 2023 godu na 3,6 % [Rosstat Estimated GDP Growth in 2023 by 3.6 %], *Vedomosti [Vedomosti]*. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2024/02/07/1019058-rosstat-otsenil-rost> (accessed: 19.01.2024).

3. Manevich V.E., Nikolaev L.K., Ovsienko V.V. *Teoriya ekonomicheskoy dinamiki Kharroda i analiz rossiyskoy ekonomiki. Vvodnaya stat'ya k perevodu monografii: R. Kharrod. Teoriya ekonomicheskoy dinamiki [Theory of Economic Dynamics of Harrod and Analysis of the Russian Economy. Introductory Article to the Translation of the Monograph: R. Harrod. Theory of Economic Dynamics]*. Moscow, TsEMI RAN, 2008, 210 p. Available at: http://www.ipr-ras.ru/old_site/articles/manev08-1.pdf (accessed: 16.01.2024). (in Russ.)

4. Domar, Evsey D. Domar Evsey D. (1914—1997), *Ekonomicheskaya shkola [School of Economics]*. Available at: <https://seinst.ru/page661/> (accessed: 20.01.2024).

5. Solou R. Sosushchestvovanie kraynego bogatstva i krayney nishchety kazhetsya mne amoral'nyim [Solou R.: “The Coexistence of Extreme Wealth and Extreme Poverty Seems Immoral to Me”], *Ekons [Ekons]*. Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/robert-solou-sosushchestvovanie-kraynego-bogatstva-i-krayney-nishchety-kazhetsya-mne-amoralnym/> (accessed: 16.01.2024).

6. Kuvshinova O., Dem'yanenko V. Robert Lukas: ekonomist, kotoryy izmenil ekonomistov [Robert Lucas: the Economist Who Changed Economists], *Ekons [Ekons]*. Available at: <https://econs.online/articles/ekonomika/robert-lukas-ekonomist-kotoryy-izmenil-ekonomistov/> (accessed: 21.01.2024).

7. Lenkova T.V., Makaeva K.I., Bezrukova O.G., Dzhakhnaeva E.N., Barsheva D.B., Ochirova V.V., Ochirov K.B. Modeli ekonomicheskogo rosta rossiyskoy ekonomiki [Models of Economic Growth of the Russian Economy], *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*, 2019, no. 4 (ch. 1), pp. 93—100.

8. Primyshev I.N. Faktory i sovremennyye modeli ekonomicheskogo rosta i razvitiya [Factors and Modern Models of Economic Growth and Development], *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economics]*, 2020, no. 4, pp. 53—61.

9. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli [Regions of Russia. Socio-Economic Indicators], *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Service]*. Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (accessed: 19.01.2024).

Информация об авторах

Слепнева Людмила Романовна — доктор экономических наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: slluro@mail.ru

Халтаева Светлана Романовна — доктор экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: fregat102@mail.ru

Найданова Эржена Батожаргаловна — кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: erzhena_bolotova@mail.ru

Хантуева Инесса Олеговна — аспирант, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: inessa.olegovna91@mail.ru

Information about the authors

Lyudmila R. Slepneva — Doctor of Economics Sciences, Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: slluro@mail.ru

Svetlana R. Khaltava — Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: fregat102@mail.ru

Erzhena B. Naydanova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: erzhena_bolotova@mail.ru

Inessa O. Hantueva — Postgraduate Student, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: inessa.olegovna91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 24.05.2024.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ПРОЦЕССЫ

INFORMATION SYSTEMS AND PROCESSES

Развитие территорий. 2024. № 2. С. 33—40.
Territory Development. 2024;(2):33—40.

Информационные системы и процессы

Научная статья

УДК 519.17

DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-33-40

АЛГОРИТМ МИНИМАЛЬНОГО СВЯЗУЮЩЕГО ДЕРЕВА ДЛЯ ОЦЕНКИ ТОЧЕК РОСТА В СИСТЕМЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Алексей Николаевич Кисляков

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация, ankislyakov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные актуальные подходы к стратегическому планированию экономического развития территорий с использованием концепции точек роста и возможностей анализа графовых моделей. Цель исследования заключается в разработке метода пространственной кластеризации социально-экономических единиц на основе анализа графовых моделей для оценки точек роста в системе стратегического планирования территорий. Кроме того, представлен подход построения обобщенного вторичного графа муниципальной сети промышленных предприятий на основе положения объектов в многомерном пространстве признаков и связей между ними с использованием алгоритма UMAP, позволяющего выполнить равномерную аппроксимацию многообразия вариантов отображения объектов в многомерном пространстве признаков с поправкой на расстояние до ближайшего соседа. Основная гипотеза работы строится на ограничении сложности графа путем удаления ребер между вершинами с низкой степенью сходства и выполнении дальнейшей кластеризации. Предложен метод выделения минимального связующего дерева (MST) для определения точек роста в обобщенном вторичном графе. Разработанные подходы успешно могут быть применены в целях повышения эффективности стратегического планирования территорий, однако требуют совершенствования путем проработки конкретных ключевых показателей и индикаторов, которые позволяют сформировать вторичный граф на основе алгоритма UMAP для оценки взаимосвязей между объектами, а также устранить шумы, снизить переобучение модели и масштабировать решение за счет включения в модель новых показателей, вносящих полезную информацию о предметной области.

Ключевые слова: стратегическое планирование, точки роста, теория графов, минимальное связующее дерево, снижение размерности

Для цитирования: Кисляков А. Н. Алгоритм минимального связующего дерева для оценки точек роста в системе стратегического планирования территорий // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 33—40. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-33-40.

Information systems and processes

Original article

MINIMUM SPANNING TREE ALGORITHM FOR EVALUATING GROWTH POINTS IN TERRITORIES STRATEGIC PLANNING SYSTEM

Alexey N. Kislyakov

Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, ankislyakov@mail.ru

Abstract. The article considers modern topical approaches to strategic planning of economic development of territories using the concept of growth points and possibilities of graph model analysis. The aim of the study is to develop a method of spatial clustering of socio-economic units based on the analysis of graph models for the assessment of growth points in the system of strategic planning of territories. In addition, we present an approach to the construction of a generalized secondary graph of the municipal network of industrial enterprises based on the position of objects in the multidimensional feature space and the links between them using the UMAP algorithm, which allows us to perform a uniform approximation of the variety of variants of mapping objects in the multidimensional feature space with a correction for the distance to the nearest

neighbor. The main hypothesis of the work is based on the graph complexity limitation by removing edges between vertices with low similarity degree and performing further clustering. We propose a minimum spanning tree (MST) selection method for determining growth points in a generalized secondary graph. The developed approaches can be successfully applied to improve the effectiveness of strategic planning of territories, but they require improvement. For this purpose, it is necessary to specify specific key indicators and indicators that will allow to form a secondary graph based on the UMAP algorithm to assess the interrelationships between the objects, as well as to eliminate noise and reduce overtraining of the model. Inclusion of new indicators that contribute useful information about the subject area into the model will allow scaling of the obtained solutions.

Keywords: strategic planning, growth points, graph theory, minimum linkage tree, dimensionality reduction

For citation: Kislyakov A.N. Minimum Spanning Tree Algorithm for Evaluating Growth Points in Territories Strategic Planning System. *Territory Development*. 2024;(2):33—40. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-33-40.

Введение

В большинстве задач социально-экономического анализа и стратегического планирования данные организуются как большой набор объектов, распределенных в пространстве и представленных некоторыми областями в системе географических координат. Примерами таких пространственных групп объектов являются избирательные участки, медицинские округа, муниципальные образования и др. Во многих случаях требуется сгруппировать большое количество объектов в меньшее подмножество однородных групп (кластеров), занимающих смежные области в пространстве. Подобная кластеризация является особенно ценной при работе с большими массивами объектов, относящихся к некоторой территории, позволяя при этом устранить вариации признаков, сохранить и более эффективно выявить скрытые неочевидные закономерности и взаимосвязи между представленными объектами, определить направления дальнейшего поступательного социально-экономического развития (точки роста) [1].

Известно множество разновидностей методов пространственной кластеризации [2], однако их можно обобщить на основе двух основных подходов. Первый подход представляет собой двух-этапную процедуру с применением классических алгоритмов кластеризации без привязки к географическому местоположению, а затем классификации разделенных на группы объектов с сохранением соседства. Второй подход использует географические координаты в качестве дополнительных атрибутов в процедуре кластеризации, перемешивая их с уже имеющимися признаками. При использовании этих двух подходов получаемые кластеры не отражают должным образом существующие пространственные закономерности данных.

Для проведения отраслевой кластеризации и оценки экономического потенциала территорий существуют такие методы и показатели, как анализ таблиц «затраты-выпуск», многомерный анализ данных, анализ структурных сдвигов и др. Наиболее известным подходом к пространственной кластеризации социально-экономических единиц является алгоритм автоматического зонирования (Automatic Zoning Procedure, AZP) [2]. В оригинальном алгоритме AZP используется оптимизация по методу Монте-Карло [3], однако была разработана и альтернативная реализация с использованием алгоритма имитации отжига [4].

Поскольку алгоритм AZP требует больших вычислительных затрат, целесообразно рассмотреть другие методы, которые используют модели взаимосвязей объектов и эффективны с вычислительной точки зрения.

В этой связи наиболее перспективным и универсальным для решения задачи выделения сообществ является использование инструментария теории графов [5 ; 6] для описания и анализа сложных сетевых структур. Цель работы заключается в разработке метода пространственной кластеризации социально-экономических единиц на основе анализа графовых моделей для оценки точек роста в системе стратегического планирования территорий.

Методы исследования

Применительно к анализу пространственных объектов в задачах поиска перспективных направлений изменчивости сетевой структуры сетевой граф используется для отражения отношений и взаимосвязей между объектами (рис. 1а). В качестве объектов могут выступать промышленные предприятия, субъекты малого и среднего предпринимательства, крестьянско-фермерские хозяйства и т. д.: это зависит от отрасли и охвата объектов интереса при описании структуры взаимосвязей с помощью графовой модели, что делает указанный подход не только универсальным, но и легко масштабируемым.

В графе $G(V, E)$ каждый объект ассоциируется с вершиной $V\{X\}$ и связан ребрами $E\{Y\}$ с соседними вершинами. Каждый узел и вершина могут характеризоваться отдельным вектором признаков $X\{x_1, x_2, \dots, x_n\}$ для узлов и $Y\{y_1, y_2, \dots, y_m\}$ для вершин соответственно.

Соединяя вершины графа в соответствии со схожими признаками вершин, формируется сетевая структура, которая может быть сегментирована на связанные группы — кластеры. При этом задача пространственной кластеризации объектов преобразуется в задачу оптимального сокращения графа до меньшего размера путем разбиения его набора узлов на взаимоисключающие группы [7]. Основная гипотеза строится на ограничении сложности графа путем удаления ребер между вершинами с низкой степенью сходства. В результате удаления связей получается упрощенный граф, который определяет минимально возможный набор ребер, соединяющих все вершины. В таком графе дальнейшее удаление любого ребра разбивает граф на два несвязанных подграфа.

Для реализации этой идеи используется терминология минимального связующего дерева (MST) [8]. Поскольку оптимальное решение для разбиения MST также является сложной ресурсозатратной задачей, необходимо выбрать эвристическую

процедуру для разбиения дерева, которая позволяет получить лучшее качество разбиения на кластеры при приемлемых временных и вычислительных затратах [9].

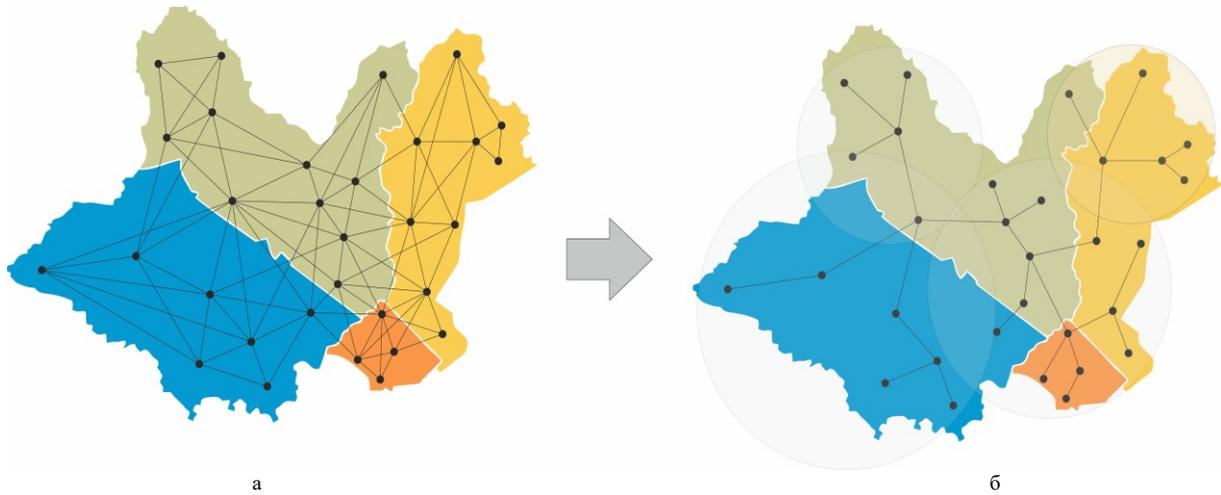

Рис. 1. Граф пространственной связности объектов (а) и его трансформация в один из вариантов минимального связующего дерева (б)
Graph of spatial connectivity of objects (a) and its transformation into one of the variants of the minimum spanning tree (b)

Рассмотрим набор пространственных объектов O с набором атрибутов $\{A_1, \dots, A_n\}$. Все объекты имеют вектор атрибутов $X(a_1, \dots, a_n)$, где a_i — возможное значение атрибута A_i . В классическом варианте каждое ребро между вершинами v_i и v_j с атрибутами x_i и x_j имеет вес $d(i, j)$. Если атрибуты имеют сопоставимые шкалы, например, когда они измеряются в единицах стандартного отклонения, логичным является выбор евклидова расстояния между векторами признаков (1):

$$d(i, j) = d(x_i, x_j) = \sum_{k=1}^n (X_{ik} - X_{jk})^2. \quad (1)$$

Однако использование евклидова расстояния накладывает ряд ограничений на форматы представления векторов атрибутов, поэтому следует рассмотреть дополнительные подходы к оценке метрических расстояний между объектами не только в геометрическом, но и в признаковом пространстве. Одним из вариантов решения задачи построения обобщенного графа на основе множества признаков является использование алгоритма Uniform Manifold Approximation and Projection (UMAP), с равномерной аппроксимацией многообразия вариантов отображения объектов (точек) в многомерном пространстве признаков с поправкой на расстояние до ближайших соседей [10 ; 11].

Алгоритм UMAP использует экспоненциальное распределение вероятностей не только на евклидовых расстояниях, как, например, алгоритм tSNE [12]. Для категориальных данных используется расстояние Гауэра [13], для порядковых — Манхэттенское расстояние. Распределение веро-

яностей для формирования весов связей имеет следующий вид:

$$p_{ij} = e^{-\frac{d(x_i, x_j) - \rho}{\sigma_i}}, \quad (2)$$

где ρ является параметром, описывающим расстояние от каждой i -й точки данных до ее первого ближайшего соседа, что дает возможность варьировать метрическое расстояние для каждой точки данных. Отсутствие нормализации, а следовательно, и знаменателя степени в уравнении (2) сокращает время построения многомерного графа. UMAP определяет количество ближайших соседей b следующим образом:

$$b = 2^{\sum_i p_{ij}}. \quad (3)$$

Для достижения нормировки весов связей используется следующий подход:

$$P_{ij} = p_{ij} + p_{ji} - p_{ij} \cdot p_{ji}. \quad (4)$$

Преимуществом UMAP является возможность построения графа по объектам на основе комплекса признаков, сформированных из различных типов показателей. UMAP представляет собой нечеткое множество с функцией принадлежности, которая определяется как вероятность существования ребра между двумя вершинами. Дополнительный признак — это близость вершин в метрическом пространстве признаков, позволяющая судить о степени схожести динамики индикаторов для множества объектов.

Для рассматриваемого набора объектов O , представленных в виде графа G , путь из узла v_1 и v_k — это последовательность узлов (v_1, v_2, \dots, v_k) , соединенных ребрами $(v_1, v_2), \dots, (v_{k-1}, v_k)$. Граф G является связным, если для любой пары вершин v_i и v_j существует хотя бы один путь, соединяющий их.

В этом случае кластер — это связное подмножество вершин, являющееся частью сети G , сформированной на базе оценки комплекса характеристик каждого из объектов. Каждый объект характеризуется набором временных рядов $f_i(t)$, $i = 1, \dots, m$, представляющих собой совокупность критериев определения точек роста, выраженных как в виде числовых (например, удельный вес в ВВП, ВРП, в экономике муниципального образования), так и в виде категориальных переменных (например, уровень инновационного развития) значений. В качестве дискретных значений времени t могут выступать ежемесячные, ежеквартальные или ежегодные изменения критериев оценки точек роста.

При кластеризации объектов, взаимосвязи между которыми описаны в виде графовой модели, задача заключается в разбиении графа G на c несмежных пространственных кластеров G_1, \dots, G_c , формирующих сеть G . Каждый из них представляет собой связный подграф, что является оптимизационной задачей, целевая функция которой основана на оценке внутрикластерных расстояний [14].

Представим процедуру выделения точек роста в обобщенном вторичном графе UMAP с использованием метода выделения минимального связующего дерева (MST) (показана конечная итерация) (рис. 2). При использовании MST задача пространственной кластеризации трансформируется в задачу разбиения графа. Чтобы разбить n объектов на k кластеров, необходимо удалить $k - 1$ ребер из MST. Каждый полученный кластер будет представлять собой подграф, в котором все вершины соединены и нет замкнутых циклов, с выделением мостов [15] между кластерами.

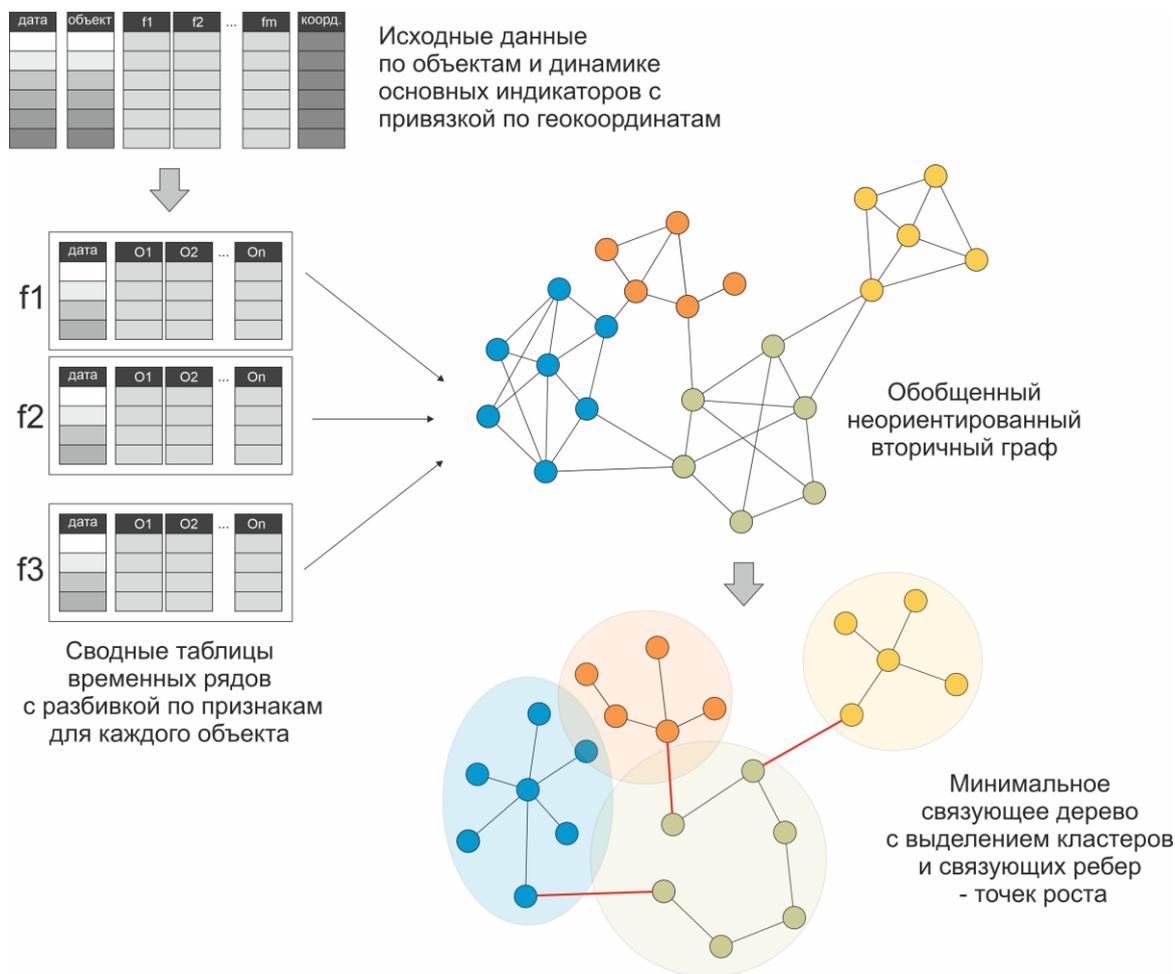

Рис. 2. Построение обобщенного вторичного графа на основе алгоритма UMAP и минимального связующего дерева
 Construction of a generalized secondary graph based on the UMAP algorithm and minimum spanning tree

В результате работы алгоритма разбиения получается граф G^* , содержащий множество подграфов T_1, \dots, T_n , где каждый подграф тоже является связным, но не имеет общих ребер или вершин с другими подграфами.

На первой итерации G^* имеет только один подграф, который и является MST. На каждой итерации удаляем одно ребро, являющееся мостом, которое делит граф на два, три подграфа и т. д. Однако для наилучшего разбиения в порядке уда-

ления ребер нужно выбирать мост, который дает наибольший прирост общего качества результирующего разбиения на кластеры. Целевой функцией является сумма внутрикластерных квадратичных отклонений SSD для каждого из k кластеров, которую необходимо минимизировать:

$$Q = \sum_{i=0}^k SSD_i \rightarrow \min. \quad (5)$$

Внутрикластерное квадратичное отклонение SSD — это мера дисперсии значений атрибутов для объектов в кластере. Однородные группы имеют небольшие значения SSD . Таким образом, чем меньше Q , тем лучше разбиение. Внутрикластерное квадратичное отклонение SSD рассчитывается следующим образом:

$$SSD_k = \sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^{n_k} (x_{ij} - \bar{x}_j)^2, \quad (6)$$

где n_k — количество пространственных объектов в кластере k ;
 x_{ij} — j -й атрибут пространственного объекта i ;
 m — количество атрибутов, рассматриваемых в анализе;
 \bar{x}_j — среднее значение j -го атрибута для всех объектов в кластере k .

Полученный каркас в пространстве признаков для совокупности объектов позволяет выявить наиболее значимые связи (мосты) между кластерами (точки роста), а также определить ключевые вершины, посредством которых осуществляется взаимодействие между кластерами (полюсы роста) [16]. Поиск точек роста осуществляется посредством кластеризации вершин плоского взвешенного неориентированного графа УМАР и выделения мостов (связей) [17], удаление которых разъединяет группы вершин графа. При этом данные ребра не принадлежат ни к одному циклу.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим пример описания процесса формирования графовой модели в сфере промышленности для муниципального района $S\{S_1, S_2, \dots, S_h\}$, включающего h муниципальных образований (S_1, S_2, \dots, S_h). Каждое из муниципальных образований содержит несколько различных промышленных объектов $O\{O_1, O_2, \dots, O_n\}$ (всего n объектов). Общий вид синтезированного набора данных показан на рис. 3.

	date	obj	mo	f1	f2	f3
0	2022-01-01	Объект 23	Нижегородское	268	2112.69	1
1	2022-01-01	Объект 24	Нижегородское	160	2368.93	0
2	2022-01-01	Объект 17	Приозерское	294	2528.64	1
3	2022-01-01	Объект 22	Шахтинское	236	2860.06	0
4	2022-01-01	Объект 12	Красносельское	325	2392.32	0
...

Рис. 3. Структура набора синтезированных данных для выявления точек роста: obj — промышленные объекты $O\{O_1, O_2, \dots, O_n\}$; mo — h муниципальных образований; f_1, f_2, f_3 — показатели
 Structure of a set of synthesized data to identify growth points: obj — industrial objects $O\{O_1, O_2, \dots, O_n\}$; mo — h municipalities; f_1, f_2, f_3 — indicators

По каждому из показателей f_1, \dots, f_m существует возможность сформировать модель взвешенного неориентированного графа, который будет представлять собой набор объектов по всему муниципальному району (узлов графа $\{V\}$) и набор связей $\{E\}$, каждая из которых может быть взвешена, например, на основе оценки схожести временных рядов критериев по множеству объектов $O\{O_1, O_2, \dots, O_n\}$.

На рис. 4а показан плоский взвешенный неориентированный граф УМАР, позволяющий оценить степень попарной связности между точками.

Показатели $n_neighbors$ и min_dist [18] используются для контроля баланса между локальной и глобальной связностью точек в двумерной проекции пространства признаков. Граф раскрашен в зависимости от индекса вершины (номера объекта).

На рис. 4б этот же граф трансформируется в неориентированный путем пороговой фильтрации весов связей — остаются только связи с наибольшими значениями весов (вероятностями существования ребра между парами вершин).

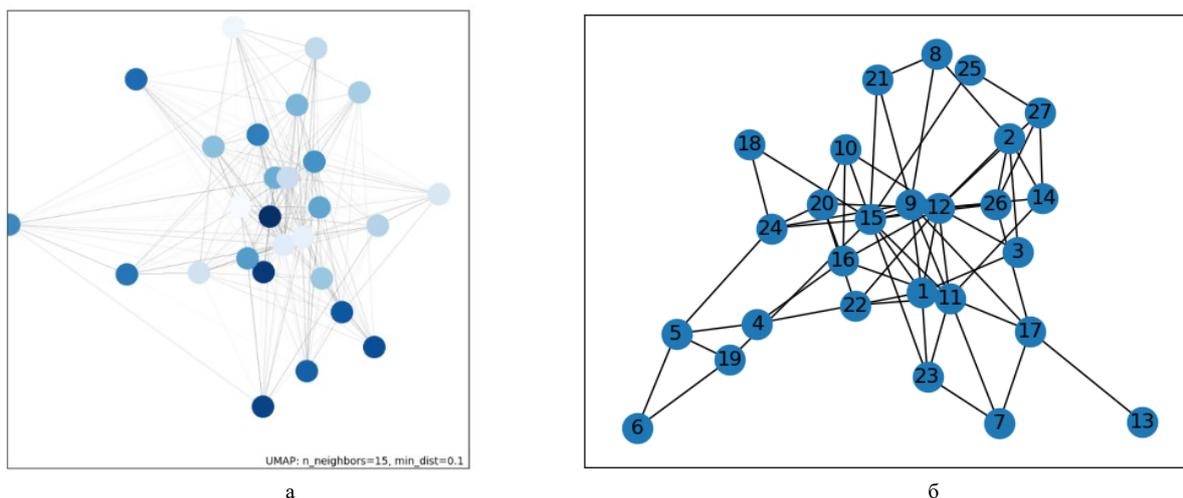

Рис. 4. Плоский взвешенный неориентированный граф UMAP (а); невзвешенный граф UMAP с фильтрацией весов связей (б)
Planar weighted undirected UMAP graph (a), unweighted UMAP graph with filtering of link weights (b)

На рис. 5б показаны ребра, представляющие собой точки роста, являющиеся связующими мостами между отдельными группами предприятий, а также узлы, которые формируют вокруг себя

агломерации, являющиеся полюсами роста, и включают в себя совокупность направлений (точек роста) — основу экономического потенциала территории [19].

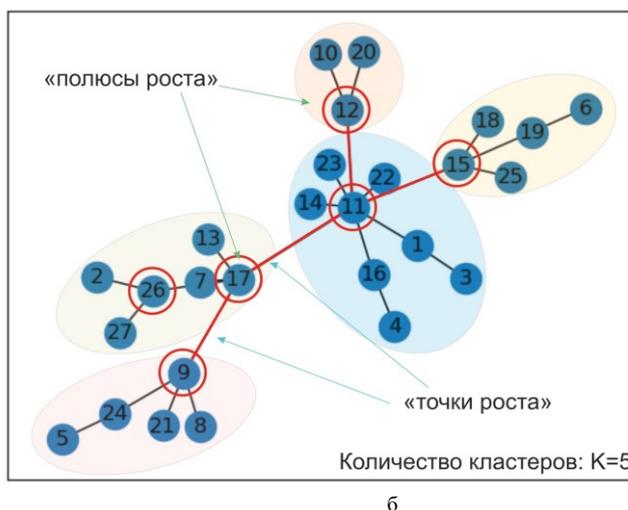
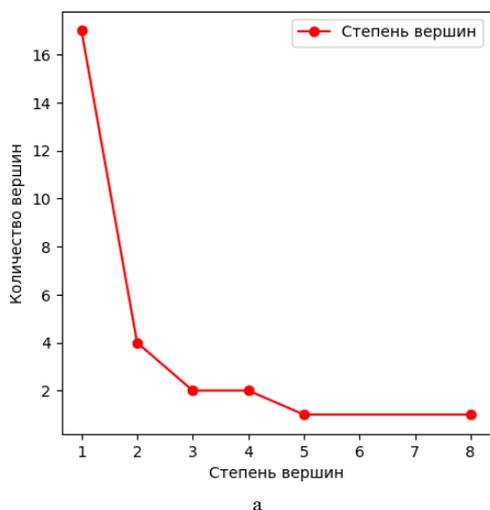

Рис. 5. График степеней вершин MST (а); минимальное связующее дерево с выделением кластеров и точек роста (б)
Degree graph of MST vertices (a), minimum spanning tree with clusters and growth points highlighted (b)

Полученный граф требует дополнительных исследований параметров на предмет кластеризации и оценки центральности узлов. Применение алгоритмов обнаружения сообществ (кластеризации) позволяет выделить компоненты системы, которые могут иметь особую структуру и связи между собой.

Анализ центральности позволяет определить узлы в структуре сети, которые играют ключевую роль в эффективном функционировании всей системы. Оценка центральности узлов помогает определить приоритетные объекты для инвестиций и улучшений, а определение связей между кластерами через центральные узлы позволяет выявить направления эволюционной изменчивости сетевой структуры.

Для более адекватного построения минимального связующего дерева использовался алго-

ритм Прима для взвешенного связного неориентированного графа. В качестве весов связей использовались веса ребер вторичного графа UMAP до процедуры фильтрации.

Приведем параметры, позволяющие оценить связность основного дерева, вычисленного с применением алгоритма Прима:

- количество центральных узлов — 2;
- количество узлов на периферии — 2;
- диаметр сети — 7 [20].

Заключение

Применение алгоритма MST для кластеризации социально-экономических единиц и поиска точек роста, представленных в виде пространственных объектов, в системе стратегического планирования территорий сочетает графовые модели с методами оптимизации и обладает быстрой сходи-

мостью к оптимальному решению. Алгоритм также позволяет расширить возможности кластеризации на основе моделей вторичных графов, обобщающих признаки объектов с использованием алгоритма UMAP, что способствует качественному разбиению при невысоких вычислительных затратах.

Разработанные подходы успешно могут быть применены в целях повышения эффективности стратегического планирования территорий. Однако

они требуют совершенствования путем проработки конкретных ключевых показателей и индикаторов, которые позволяют осуществить формирование вторичного графа на основе алгоритма UMAP для оценки взаимосвязей между объектами, а также устранить шумы, снизить переобучение модели и масштабировать решение за счет включения в модель новых показателей, вносящих полезную информацию о предметной области.

Список источников

1. Петимко А. М., Козлова Н. В., Дадалова М. В. Региональный АПК как точка роста стратегии развития экономики территории // Направления повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., Алчевск, 15 дек. 2022 г. Алчевск : Луганский государственный университет имени Владимира Даля, 2023. 163 с.
2. Openshaw S., Alvanides S. Designing zoning systems for representation of socio-economic data // Time and Motion of Socio-Economic Units / A. Frank, J. Raper and J. Cheylan (eds). 2001. P. 281—300.
3. Kirkpatrick S., Gelatt Jr. C. D., Vecchi M. P. Optimization by Simulated Annealing // Science. 1983. Vol. 220. P. 671—680.
4. Garlaschelli D., Ruzzenenti F., Basosi R. Complex Networks and Symmetry I: A Review // Symmetry. 2010. No. 2. P. 1—27.
5. Кисляков А. Н. Графовые методы описания торгового профиля региона // Управленческое консультирование. 2022. № 2. С. 70—80.
6. Karypis G., Kumar V. Multilevel Algorithms for Multi-Constraint Graph Partitioning // Proceedings of the 1998 ACM/IEEE Conference on Supercomputing, Orlando, USA, 1998. P. 28.
7. Efficient Regionalization Techniques for Socio-Economic Geographical Units Using Minimum Spanning Trees / R. M. Assunção, M. C. Neves, G. Câmara, C. Da Costa Freitas // International Journal of Geographical Information Science. 2006. Vol. 20 (7). P. 797.
8. Benassi F., Deva M., Zindato D. Graph Regionalization with Clustering and Partitioning: An Application for Daily Commuting Flows in Albania (September 25, 2015) // Regional Statistics. 2015. Vol. 5, no. 1. P. 25—43.
9. McInnes L., Healy J., Melville J. Umap: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction // ArXiv, 2018. URL: <https://arxiv.org/abs/1802.03426>
10. Dimensionality Reduction for Visualizing Single-Cell Data Using UMAP / E. Becht et al. // Nature Biotechnology. 2019. Vol. 37, no. 1. P. 38—44.
11. Van der Maaten L., Hinton G. Visualizing Data Using t-SNE // Journal of Machine Learning Research. 2008. T. 9, no. 11. P. 2579—2605.
12. Franklin J. The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference and Prediction // The Mathematical Intelligencer. 2003. No. 27. P. 83—85.
13. Martin D. Extending the Automated Zoning Procedure to Reconcile Incompatible Zoning Systems // International Journal of Geographical Information Science. 2003. No. 17. P. 181—196.
14. Haining R., Wise S., Ma J. Designing and Implementing Software for Spatial Statistical Analysis in a GIS Environment // Journal of Geographical Systems. 2000. No. 2. P. 257—286.
15. Shaofu H., Fei L. Artificial Neural Network Model in Spatial Analysis of Geographic Information System Hindawi // Mobile Information Systems. 2021. Vol. 9. P. 1—12.
16. Strong Articulation Points and Strong Bridges in Large Scale Graphs / D. Firmani, L. Georgiadis, G.F. Italiano et al. // Algorithmica. 2016. No. 74. P. 1123—1147.
17. Корчагина И. В., Пытченко К. В. Социально-экономическая система регионального предпринимательства как объект стратегирования // Экономика промышленности. 2023. № 16 (4). С. 361—371.
18. Кисляков А. Н. Отбор признаков для использования в моделях предиктивной аналитики внешнеэкономической деятельности регионов // Прикладная математика и вопросы управления. 2022. № 1. С. 176—195.
19. Медведева О. А. Оценка экономического потенциала региона для развития кластеров // Развитие территорий. 2023. № 3. С. 25—31.
20. Prim R. C. Shortest Connection Networks and Some Generalizations // Bell System Technical Journal. 1957. P. 1389—1401.

References

1. Petimko A.M., Kozlova N.V., Dadalova M.V. Regional'nyy APK kak tochka rosta strategii razvitiya ekonomiki territorii [Regional Agro-Industrial Complex as a Point of Growth of the Strategy of Development of the Territory's Economy], Napravleniya povysheniya effektivnosti upravlencheskoy deyatelnosti organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya, sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Alchevsk, 15 dek. 2022 g. [Directions for Improving the Efficiency of Management Activity of Public Authorities and Local Self-Government : sb. materialov V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Alchevsk, 15 dek. 2022 g.]. Alchevsk, Luganskiy gosudarstvennyy universitet imeni Vladimira Dalya Publ., 2023, 163 p.
2. Openshaw S., Alvanides S. Designing Zoning Systems for Representation of Socio-Economic Data, Time and Motion of Socio-Economic Units, 2001, pp. 281-300.
3. Kirkpatrick S., Gelatt Jr. C.D., Vecchi M.P. Optimization by Simulated Annealing, *Science*, 1983, vol. 220, pp. 671-680.
4. Garlaschelli D., Ruzzenenti F., Basosi R. Complex Networks and Symmetry I, A Review, *Symmetry*, 2010, no. 2, pp. 1-27.

5. Kislyakov A.N. Grafovye metody opisaniya torgovogo profilya regiona [Graph Methods for Describing the Trade Profile of the Region], *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management Consulting]*, 2022, no. 2, pp. 70-80.
6. Karypis G., Kumar V. Multilevel Algorithms for Multi-Constraint Graph Partitioning, Proceedings of the 1998 ACM/IEEE Conference on Supercomputing, Orlando, USA, 1998, pp. 28.
7. Assunção R.M., Neves M. C. Câmara G., Da Costa Freitas C. Efficient Regionalization Techniques for Socio-Economic Geographical Units Using Minimum Spanning Trees, *International Journal of Geographical Information Science*, 2006, vol. 20 (7), 797 p.
8. Benassi F., Deva M., Zindato D. Graph Regionalization with Clustering and Partitioning: An Application for Daily Commuting Flows in Albania (September 25, 2015), *Regional Statistics*, 2015, vol. 5, no. 1, pp. 25-43.
9. McInnes L., Healy J., Melville J. Umap: Uniform Manifold Approximation and Projection for Dimension Reduction, ArXiv, 2018. Available at: <https://arxiv.org/abs/1802.03426>
10. Becht E. et al. Dimensionality reduction for visualizing single-cell data using UMAP, *Nature biotechnology*, 2019, vol. 37, no. 1, pp. 38-44.
11. Van der Maaten L., Hinton G. Visualizing Data Using t-SNE, *Journal of Machine Learning Research*, 2008, vol. 9, no. 11, pp. 2579-2605.
12. Franklin J. The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference and Prediction, *The Mathematical Intelligencer*, 2003, no. 27, pp. 83-85.
13. Martin D. Extending the Automated Zoning Procedure to Reconcile Incompatible Zoning Systems, *International Journal of Geographical Information Science*, 2003, no. 17, pp. 181-196.
14. Haining R., Wise S., Ma J. Designing and Implementing Software for Spatial Statistical Analysis in a GIS Environment, *Journal of Geographical Systems*, 2000, no. 2, pp. 257-286.
15. Shaofu H., Fei L. Artificial Neural Network Model in Spatial Analysis of Geographic Information System Hindawi, *Mobile Information Systems*, 2021, vol. 9, pp. 1-12.
16. Firmani D., Georgiadis L., Italiano G.F. et al. Strong Articulation Points and Strong Bridges in Large Scale Graphs, *Algorithmica*, 2016, no. 74, pp. 1123-1147.
17. Korchagina I.V., Pytchenko K.V. Sotsial'no-ekonomicheskaya sistema regional'nogo predprinimatel'stva kak ob'ekt strategirovaniya [Socio-Economic System of Regional Entrepreneurship as an Object of Strategizing], *Ekonomika promyshlennosti [Industrial Economics]*, 2023, no. 16 (4), pp. 361-371.
18. Kislyakov A.N. Otkor priznakov dlya ispol'zovaniya v modelyakh prediktivnoy analitiki vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti regionov [Selection of Features for Use in Models of Predictive Analytics of Foreign Economic Activity of Regions], *Prikladnaya matematika i voprosy upravleniya [Applied Mathematics and Management Issues]*, 2022, no. 1, pp. 176-195.
19. Medvedeva O.A. Otsenka ekonomicheskogo potentsiala regiona dlya razvitiya klasterov [Assessment of the Economic Potential of the Region for the Development of Clusters], *Razvitie territoriy [Development of Territories]*, 2023, no. 3, pp. 25-31.
20. Prim R.C. Shortest connection networks and some generalizations, *Bell System Technical Journal*, 1957, pp. 1389-1401.

Информация об авторе

Кисляков Алексей Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Information about the author

Alexey N. Kislyakov — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Information Technologies, Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Статья поступила в редакцию 28.01.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 28.01.2024; approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 25.04.2024.

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ИННОВАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО ДЛЯ ИМПОРТООПЕРЕЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Николай Михайлович Тюкавкин¹, Валерия Юрьевна Анисимова², Евгений Владимирович Степанов³

^{1–3} Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Николай Михайлович Тюкавкин, tnm-samara@mail.ru

Аннотация. Для оценки инновационно-технологического потенциала импортоопережения предприятий применяются методы экономико-математического моделирования. В методике сформированы показатели, критерии и ограничения, используемые в процессе импортоопережения, разработаны математический аппарат по их определению и формулы для вычисления. Этап экономико-математического моделирования включает создание методики и алгоритма для оценки параметров импортоопережения технологий и продукции. Затем моделируется однофакторная производственная функция исследуемого предприятия, функция производственных издержек, функция прибыли и рентабельности этого предприятия. Функции применяются для отражения процессов в динамике. Основой модели является функция Кобба — Дугласа, характеризующая процессы импортоопережения, затраты, прибыль и рентабельность. В количественном выражении параметры инновационно-технологического потенциала промышленных предприятий, используемого для осуществления процессов импортоопережения, вычисляются с помощью определенного интеграла. Предлагаемая методика позволяет установить объем инновационного потенциала предприятия в стоимостном виде, а также его прогнозные показатели на определенный период.

Ключевые слова: импортоопережение, экономико-математическая модель, параметры, инструментарий оценки, показатели, функции выручки, функции затрат, функции прибыли, функции рентабельности, математический аппарат оценки, производственная функция, технологии, продукция, импорт, внутренний рынок, инновационная деятельность

Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, конкурс 2022 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами» на тему «Модель импортозамещения промышленной продукции как базовой платформы развития внутреннего рынка и последующей экспансии экспорта».

Для цитирования: Тюкавкин Н. М., Анисимова В. Ю., Степанов Е. В. Методический подход к оценке инновационно-технологического потенциала, используемого для импортоопережения промышленных предприятий // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 41—46. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-41-46.

Information systems and processes

Original article

METHODOLOGICAL APPROACH TO ASSESSING INNOVATION AND TECHNOLOGICAL POTENTIAL USED TO ADVANCE IMPORT INDUSTRIAL ENTERPRISES

Nikolai M. Tyukavkin¹, Valeria Yu. Anisimova², Evgeniy V. Stepanov³

^{1–3} Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation

Corresponding author: Nikolai M. Tyukavkin, tnm-samara@mail.ru

Abstract. The methods of economic and mathematical modeling are used to assess the innovative-technological potential of import-replacing enterprises. In the methodology the indicators, criteria and limitations used in the process of import-replacing are formed, the mathematical apparatus for their determination and formulas for calculation are developed. The stage of economic and mathematical modeling includes the creation of a methodology and algorithm for assessing the parameters of import substitution of technologies and products. Then the single-factor production function of the enterprise under study, production cost function, profit function and profitability of this enterprise are modeled. Functions are used to reflect processes in dynamics. The basis of the model is the Cobb-Douglas function, which characterizes the processes of import conversion, costs, profit and profitability. In quantitative terms, the parameters of innovation and technological potential of industrial enterprises, used to implement the processes of import-replacement, are calculated with the help of a certain integral. The proposed methodology allows us to establish the volume of innovation potential of the enterprise in value form, as well as its forecast indicators for a certain period.

Keywords: import lead, economic-mathematical model, parameters, assessment tools, indicators, revenue functions, cost functions, profit functions, profitability functions, mathematical assessment apparatus, production function, technology, products, imports, domestic market, innovative activity

Acknowledgments: The research was carried out under Russian Science Foundation grant, competition 2022 «Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by small individual scientific groups» on the topic: «Model of import substitution of industrial products as a basic platform for the development of the domestic market and subsequent expansion of exports».

For citation: Tyukavkin N.M., Anisimova V.Yu., Stepanov E.V. Methodological approach to assessing innovation and technological potential used to advance import industrial enterprises. *Territory Development*. 2024;(2):41—46. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-41-46.

Введение

Авторский подход к оценке процессов импортоопережения промышленных предприятий основывается на выявлении количественных параметров инновационно-технологического потенциала, используемого для осуществления импортоопережения данных предприятий, которые вычисляются с помощью определенного интеграла.

Назначение методики оценки инновационно-технологического потенциала определяется тем, что в процессах импортоопережения используются в основном инновационные технологии и новые виды сырья [1]. Создание отечественных аналогов-заменителей импортной продукции (технологий) направлено в первую очередь на востребованность отечественных аналогов импортной продукции внутренним рынком и повышение добавленной стоимости, что достигается выпуском инновационной продукции, основанной на инновационном потенциале предприятия. Таким образом, определив в количественном выражении инновационный потенциал предприятия, используемый для реализации процессов импортоопережения, можно оценить результативность данных процессов.

Предлагаемая методика позволяет оценить объем инновационного потенциала предприятия в стоимостном виде, а также его прогнозные значения на определенный период.

В методике рассматриваются факторы (объемы производства, импорта, экспорта и потребления продукции) и производственные показатели (выручка, прибыль, затраты, рентабельность), влияющие на выпуск продукции и развитие внутреннего рынка региона.

Авторская идея базируется на следующей зависимости: при использовании импортоопережающих инновационных технологий объемы производства значительно повышаются. На этом факте была определена зависимость от внедрения импортоопережающих технологий: предприятие переходит из одного состояния наклона производственной функции в другое — с более крутым наклоном.

Основная часть

В модели инновационные технологии (W) совместно с ресурсной базой (P) создают инновационный потенциал (HP):

$$HP = HP(WP). \quad (1)$$

В импортоопережении для оценки воздействия инновационных технологий будем использовать нормирование — безразмерную величину (H):

$$H = \frac{HP(W)}{HP_{\max}}, \quad (2)$$

которая является безразмерным показателем импортоопережения предприятия (представляет собой непрерывную функцию времени).

Производство продукции V отражает следующая функция [2]:

$$V = P \cdot K^a \cdot L^b \cdot M^c, \quad (3)$$

где P — стоимость продукции;

K — капитал;

L — труд;

M — технологии;

a, b, c — эластичности выпуска продукции.

Методический подход включает две части. В первой части для оценки инновационно-технологического потенциала, используемого в целях импортоопережения, определим показатели, отражающие объемы производства, выручку, затраты, прибыль и рентабельность процессов импортоопережения, а во второй части представим оценку инновационно-технологического потенциала и, соответственно, результативности данных процессов.

Рассмотрим первую часть методического подхода.

Импортоопережение инновационных технологий производства заключается в том, что производственная функция будет изменяться по мере накопления и использования инновационно-технологического потенциала и вызовет импортозамещение инновационных технологий на отечественные, которые дешевле импортных, а также будет способствовать внедрению отечественных инновационных технологий в производство, использованию отечественной ресурсной базы, повышая результативность функционирования предприятия.

Запишем производственные функции начала (V_0) и конца (V_∞) процессов импортозамещения:

$$V_0 = P_0 \cdot Q^{a_0}, \quad V_\infty = P_\infty \cdot Q^{a_\infty}, \quad (4)$$

где Q — количество произведенной продукции.

Тогда общая производственная функция исследуемого предприятия будет представлена выражением

$$V(Q, t) = P_0 \cdot Q^{a_0} (1 - H(W(t))) + P_\infty \cdot Q^{a_\infty} \cdot H(W(t)). \quad (5)$$

Аналогично определим и издержки предприятия TC_0 и TC_∞ . Тогда его общие издержки запишем в виде формулы

$$TC(Q, t) = (A_0 \cdot Q + TFC_0)(1 - H(W(t))) + (A_\infty \cdot Q + TFC_\infty)H(W(t)), \quad (6)$$

где TFC — постоянные издержки.

Функция прибыли (PR) определяется по формуле [3]

$$PR(t) = V(t) - TC(t). \quad (7)$$

$$REN(Q, t) = \frac{P_0 \cdot Q^{a_0} (1 - H(W(t))) + P_\infty \cdot Q^{a_\infty} \cdot H(W(t))}{(A_0 \cdot Q + TFC_0)(1 - H(W(t))) + (A_\infty \cdot Q + TFC_\infty)H(W(t))} - 1. \quad (10)$$

Показатель импортоопережения предприятия $H = H(t)$ описывается логистой (логистическим дифференциальным уравнением), представляющей вариацию во времени ресурса $Q = Q(t)$ [1]:

$$Q(t) = Q_\infty \frac{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)}}{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)} + 1}, \quad (11)$$

Тогда с учетом предыдущих рассуждений запишем, что

$$PR(Q, t) = P_0 \cdot Q^{a_0} (1 - H(W(t))) + P_\infty \cdot Q^{a_\infty} \cdot H(W(t)) - (A_0 \cdot Q + TFC_0)(1 - H(W(t))) - (A_\infty \cdot Q + TFC_\infty)H(W(t)). \quad (8)$$

Формула рентабельности (REN) осуществления процессов импортоопережения представляет отношение прибыли к издержкам производства:

$$REN(t) = \frac{PR(t)}{TC(t)}. \quad (9)$$

С учетом представленных рассуждений получаем формулу для определения рентабельности:

В качестве функции инновационного потенциала $H = H(W)$ выберем функцию

$$H(W) = A_W \cdot W + (1 - A_W)W^2. \quad (12)$$

Представим графики функций инновационного потенциала $H = H(W)$ (формула (12)) и графики функций инновационного потенциала $H = H(t)$, определенные по экспоненциальной функции [4] (рис. 1 и 2).

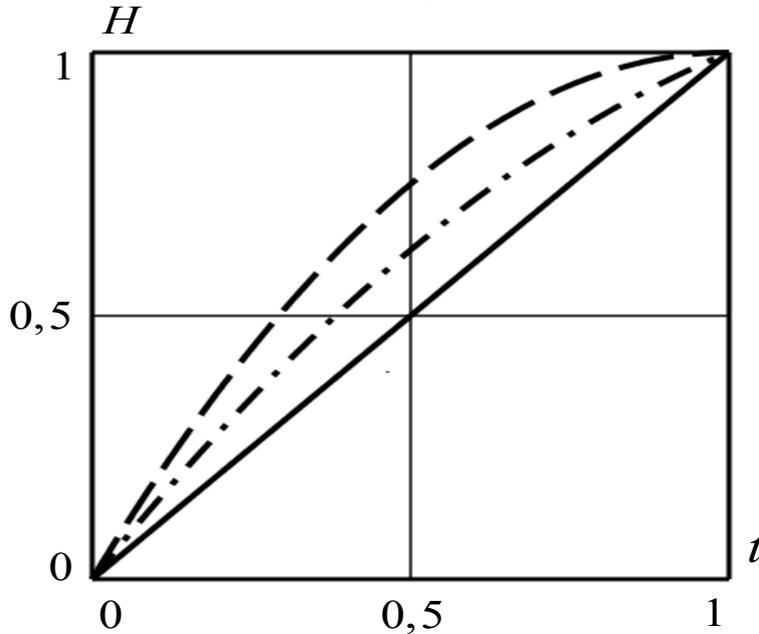

Рис. 1. Графики функций инновационного потенциала $H = H(W)$ (формула (12)) [1]: — при $A_W = 1$; — · — · при $A_W = 1,5$; — — — при $A_W = 2$
 Graphs of innovation potential functions $H = H(W)$ (formula (12)) [1]: — at $A_W = 1$; — · — · at $A_W = 1,5$; — — — at $A_W = 2$

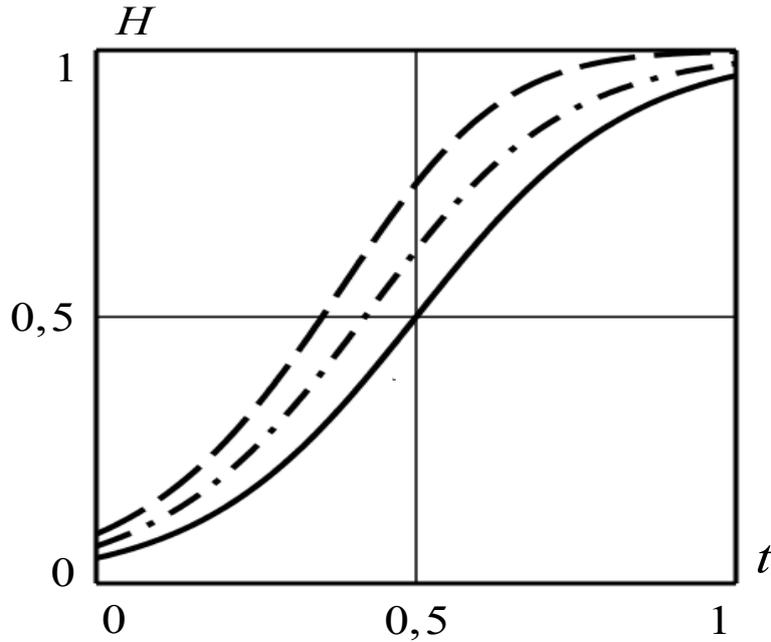

Рис. 2. Графики функций инновационного потенциала $H = H(t)$ [1]: — при $A_W = 1$; — · — · при $A_W = 1,5$; — — — при $A_W = 2$
 Graphs of innovation potential functions $H = H(t)$ [1]: — at $A_W = 1$; — · — · at $A_W = 1,5$; — — — at $A_W = 2$

Далее приведем формулы для расчета показателей оценки методики [1]:

$$\begin{cases} V(t) = V(Q(t), t), \\ TC(t) = TC(Q(t), t), \\ PR(t) = PR(Q(t), t), \\ REN(t) = REN(Q(t), t). \end{cases} \quad (13)$$

Вторая часть методического подхода представляет зависимость оценки инновационно-технологического потенциала предприятия, используемого в процессах импортоопережения, от выручки предприятия при использовании собственных технологий.

Идея заключается в следующем: суммарная выручка предприятия от использования отечественных технологий импортоопережения представляет собой определенный интеграл. Тогда функция изменения основного ресурса $Q = Q(t)$ во времени принимает следующий вид:

$$\begin{aligned} V(t) = & P_0 \left(Q_0 \frac{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)} + 1} \right)^{a_0} \left(1 - A_V \frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} - (1 - A_V) \left(\frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} \right)^2 \right) + \\ & + P_\infty \left(Q_\infty \frac{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)} + 1} \right)^{a_\infty} \left(A_V \frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} + (1 - A_V) \left(\frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} \right)^2 \right). \end{aligned} \quad (14)$$

Приращение выручки путем использования инновационных технологий и ресурсов (инноваци-

онного потенциала) $HP = HP(WP)$ представляет собой следующее выражение [3]:

$$\begin{aligned} \Delta V(t) = & \left(A_V \frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} + (1 - A_V) \left(\frac{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_V}(t-t_V)} + 1} \right)^2 \right) \times \\ & \times \left(P_\infty \left(Q_\infty \frac{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)} + 1} \right)^{a_\infty} - P_0 \left(Q_0 \frac{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)}}}{e^{\frac{2}{\sigma_Q}(t-t_0)} + 1} \right)^{a_0} \right). \end{aligned} \quad (15)$$

Отсюда совокупная выручка (S) с учетом опережающего внедрения в производство инновационных технологий $HP = HP(WP)$ отражается определенным интегралом [5]:

$$S = \int_0^T \Delta V(t) dt. \quad (16)$$

В конце получаем формулу для вычисления инновационного потенциала $HP = HP(WP)$ в денежном выражении:

$$S_{HP} = K_{HP} \cdot \int_0^T \Delta V(t) dt, \quad (17)$$

где K_{HP} — норма инвестиций на создание и производство инновационного потенциала $HP = HP(WP)$.

Список источников

1. Степанов Е. В. Повышение роли интеллектуальной собственности в инновационной деятельности высокотехнологичных промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. наук. Самара, 2023. 210 с.
2. Боровкова В. А., Тиханович М. О. Разработка методик оценки эффективности реализации региональной стратегии импортозамещения // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2017. Т. 10, вып. 7. С. 722—737.
3. Васильева Л. В. Вопросы разработки методик оценки потенциала импортозамещения // Инновационное развитие российской экономики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. : в 5 т. (25—27 октября 2017 г.). М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. С. 338—342.
4. Сараев Л. А., Аксинин В. И. Экономико-математическая модель динамики инновационного потенциала производственного предприятия // Математическое и компьютерное моделирование и бизнес-анализ в условиях цифровизации экономики : сб. науч. ст. по итогам III Всерос. науч.-практ. семинара / редколлегия : Ю. А. Кузнецов, О. В. Капитанова. Нижний Новгород, 2023. С. 5—20.
5. Сараев Л. А., Аксинин В. И. Экономико-математические модели трансформации производственного предприятия, учитывающие динамику его инновационного потенциала // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 1. С. 157—171. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-1-157-171.
6. Анисимова В. Ю., Тюкавкин Н. М. Основные направления реализации стратегии импортозамещения в промышленности Самарской области // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14, № 1. С. 128—138. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-1-128-138.

References

1. Stepanov E.V. Povyshenie roli intellektual'noy sobstvennosti v innovatsionnoy deyatelnosti vysokotekhnologichnykh promyshlennykh predpriyatiy [Increasing the Role of Intellectual Property in the Innovation Activity of High-Tech Industrial Enterprises]: Cand. ekon. sci. diss. Abstr. Samara, 2023, 210 p.
2. Borovkova V.A., Tikhonovich M.O. Razrabotka metodiki otsenki effektivnosti re-alizatsii regional'noy strategii importozameshcheniya [Development of a Methodology for Assessing the Effectiveness of Regional Import Substitution Strategy Realization], *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial Analytics: Problems and Solutions], 2017, vol. 10, Issue 7, pp. 722-737.
3. Vasil'eva L.V. Voprosy razrabotki metodiki otsenki potentsiala importozameshcheniya [Issues of developing a methodology for assessing the potential of import substitution], *Innovatsionnoe razvitie rossiyskoy ekonomiki : materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 5 t. (25—27 october 2017 g.)* [Innovative Development of the Russian Economy]: materialy X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 5 t. (25—27 october 2017 g.), Moscow, Rossiyskiy ekonomicheskiy universitet imeni G.V. Plekhanova, 2017, pp. 338-342.
4. Saraev L.A., Aksinin V.I. Ekonomiko-matematicheskaya model' dinamiki innovatsionnogo potentsiala proizvodstvennogo predpriyatiya [Economic and Mathematical Model of the Dynamics of Innovation Potential of a Production Enterprise], *Matematicheskoe i komp'yuternoe modelirovanie i biznes-analiz v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki*, sb. nauch. st. po itogam III Vseros. nauch.-prakt. seminar [Mathematical and Computer Modeling and Business Analysis in the Conditions of Digitalization of the Economy], Nizhniy Novgorod, 2023, pp. 5-20.
5. Saraev L.A., Aksinin V.I. Ekonomiko-matematicheskie modeli transformatsii proizvodstvennogo predpriyatiya, uchityvayushchie dinamiku ego innovatsionnogo potentsiala [Economic and Mathematical Models of Transformation of the Production Enterprise, Taking into Account the Dynamics of Its Innovation Potential], *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 2023, vol. 14, no. 1, pp. 157-171. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-1-157-171.
6. Anisimova V.Yu., Tyukavkin N.M. Osnovnye napravleniya realizatsii strategii importozameshcheniya v promyshlennosti Samarskoy oblasti [Main Directions of Realization of Import Substitution Strategy in the Industry of Samara Region], *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 2023, vol. 14, no. 1, pp. 128-138. DOI: 10.18287/2542-0461-2023-14-1-128-138.

Вывод

Предлагаемый методический подход к оценке инновационно-технологического потенциала в стоимостном выражении, используемый для импортоопережения на промышленных предприятиях, определяется исходя из объемов выпуска продукции, что соответствует объемам выручки. Методический подход также позволяет осуществить прогнозную оценку стоимости потенциала предприятия.

Информация об авторах

Тюкавкин Николай Михайлович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: tnm-samara@mail.ru

Анисимова Валерия Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: ipanisimova@yandex.ru

Степанов Евгений Владимирович — кандидат экономических наук, кафедра экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: stepanov@economy.samregion.ru

Information about the authors

Nikolay M. Tyukavkin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: tnm-samara@mail.ru

Valeria Yu. Anisimova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: ipanisimova@yandex.ru

Evgeniy V. Stepanov — Candidate of Economic Sciences, Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: stepanov@economy.samregion.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 25.04.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 25.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

АЛГОРИТМ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИОРИТЕТОВ ЦЕЛЕВОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ ПРИ ПЛАНИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ АНТИКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Оксана Николаевна Шарнопольская¹, Станислав Анатольевич Руссиян², Ольга Михайловна Логачёва³

^{1,2} Донецкий национальный технический университет

³ Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Автор, ответственный за переписку: Ольга Михайловна Логачёва, omboldovskaya@mail.ru

Аннотация. Разработан и обоснован алгоритм определения приоритетов целевого инвестирования территориально-промышленного комплекса Донецкой Народной Республики на основании решения оптимизационной задачи максимизации функции полезности по сбалансированному распределению целевых инвестиций между основными отраслями промышленности региона. Предложенный алгоритм позволит усовершенствовать методологию распределения государственно-частных инвестиций в сфере территориально-промышленного комплекса, обосновать целесообразность определения равновесного состояния в динамике взаимодействия отраслей. Авторское решение базируется на динамической модели межотраслевого баланса, функции полезности и оптимизационной задаче по ее максимизации на множестве допустимых альтернатив (уровней приоритетов целевого инвестирования) для одного из двух обоснованных сценариев развития экономики: стратегии восстановления или стратегии развития. Универсальность алгоритма заключается в выборе сценария развития в зависимости от цели принятия управленческих решений, которая соответствует стратегии социально-экономического развития объекта и государственной политике по этому направлению через перераспределение инвестиционных потоков территориально-промышленного комплекса.

Ключевые слова: алгоритм, планирование, динамическая модель межотраслевого баланса, антикризисное развитие, территориально-промышленный комплекс, отрасль, приоритет целевого инвестирования

Для цитирования: Шарнопольская О. Н., Руссиян С. А., Логачёва О. М. Алгоритм определения приоритетов целевого инвестирования при планировании стратегии антикризисного развития территориально-промышленного комплекса // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 47—55. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-47-55.

Information systems and processes

Original article

ALGORITHM FOR DETERMINING PRIORITIES OF TARGETED INVESTMENT IN PLANNING THE STRATEGY OF ANTI-CRISIS DEVELOPMENT OF THE TERRITORIAL-INDUSTRIAL COMPLEX

Oksana N. Sharnopolskaya¹, Stanislav A. Russiyan², Olga M. Logacheva³

^{1,2} Donetsk National Technical University

³ Siberian State University of Geosystems and Technologies

Corresponding author: Olga M. Logacheva, omboldovskaya@mail.ru

Abstract. The algorithm of determination of priorities of target investment of territorial-industrial complex of Donetsk People's Republic on the basis of solution of optimization problem of maximization of utility function on balanced distribution of target investments between the main branches of industry of the region is developed and substantiated. The proposed algorithm will allow to improve the methodology of distribution of public-private investments in the sphere of territorial-industrial complex, to substantiate the expediency of determining the equilibrium state in the dynamics of interaction of industries. The author's solution is based on the dynamic model of inter-sectoral balance, utility function and optimization problem on its maximization on the set of admissible alternatives (priority levels of target investment) for one of two reasonable scenarios of economic development: recovery strategy or development strategy. The universality of the algorithm lies in the choice of the development scenario depending on the goal of managerial decision-making, which corresponds to the strategy of socio-economic development of the object and the state policy in this direction through the redistribution of investment flows of the territorial-industrial complex.

Keywords: algorithm, planning, dynamic model of intersectoral balance, anti-crisis development, territorial-industrial complex, industry, priority of targeted investment

For citation: Sharnopolskaya O.N., Russiyan S.A., Logacheva O.M. Algorithm for Determining Priorities of Targeted Investment in Planning the Strategy of Anti-crisis Development of the Territorial-industrial Complex. *Territory Development*. 2024;(2):47—55. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-47-55.

Основной причиной экономического кризиса является диспропорциональность экономического развития, что может быть предопределено стратегическим планированием экономики с помощью динамических экономико-математических моделей и переходом управления экономикой на новый технологический уровень.

Моделирование развития территориально-промышленного комплекса (ТПК) Донецкой Народной Республики (ДНР) позволило установить прямые и косвенные связи взаимодействия и взаимовлияния базовых отраслей промышленности [1; 2]. Однако после договора о присоединении к России новых территорий возникла необходимость в разработке инструмента, способствующего представлению региона как единой системы с многообразием связей. Это будет являться катализатором условий взаимообеспечения финансовыми, трудовыми, инновационными, инфраструктурными, информационными и другими ресурсами. Инструментом научного стратегического планирования в условиях глобального и хронического кризиса может стать динамическая модель экономики, привязанная к реальным условиям функционирования и развития территориально-промышленного комплекса ДНР.

Использование экономико-математического аппарата в статистических целях и при планировании развития народного хозяйства прошло определенную эволюцию, которая обусловлена действием объективных законов экономического развития с многообразием факторов, влияющих на экономическую динамику, опытом развития методологии статистики, макроструктурного анализа и прогнозирования, а также зависит от демографических, технологических, финансовых сдвигов и изменения пропорций в мировой торговле. Переход от статических экономико-математических балансовых моделей, решающих статистические и аналитические задачи (В. К. Дмитриев [3], Л. Н. Литошенко, Е. Б. Ершов [4], В. В. Леонтьев [5]), к динамическим моделям межотраслевого баланса (Н. И. Ведута [6]) позволил значительно расширить диапазон по упорядочиванию и повышению эффективности управления в условиях глобального хронического кризиса с использованием межотраслевого инструментария. Развивая идеи В. В. Леонтьева, который положил начало новому направлению анализа и прогнозирования экономики через межотраслевой баланс, Н. И. Ведута [6] представил кибернетический подход к составлению динамической модели межотраслевого баланса как системы экономико-математических алгоритмов, позволяющих конструировать преобразование экономики в направлении позитивного развития. Динамическая оптимизационная модель межотраслевого, межсекторного баланса (МОСБ) может стать основой для построения киберсистемы, способствовать повышению эффективности управленческих решений, в которой экономика рассматривается как сознательно оптимизируемая система, основанная на смешанной собственности за счет средств

производства с единым критерием оптимальности, характеризуемым как объективное стремление общества к максимальному росту качества жизни (максимизации роста полезности).

В дальнейшем целый ряд трудов [4; 7; 8] положил начало практическому применению методологии «затраты — выпуск» для исследования рыночной экономики. В настоящее время формируется семейство моделей, которые можно использовать в различных областях экономики. Разработка межотраслевых моделей для целей краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования экономики Российской Федерации ведется в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН (RIM, CONTO, L-FORM, WED и др.), Центре макроэкономического и краткосрочного прогнозирования (модельные инструменты межотраслевого баланса (МОБ)) и в других институтах.

Для понимания экономической реальности в стратегической перспективе, осмысленного принятия управленческих решений по антикризисному развитию необходимо рассматривать народнохозяйственный комплекс как единое целое, а его отдельные элементы — как части, соотносимые друг с другом, составленные в определенных пропорциях, необходимых для обеспечения непрерывного функционирования всей экономической системы [9]. Данные вопросы эффективно могут быть решены с помощью методологии МОБ, «представляющей мощное средство количественного анализа взаимосвязей в реальной экономике и динамических моделей межотраслевого баланса, которые строятся исходя из представлений об экономике как о едином народнохозяйственном механизме, раскрывающем содержание распределительных и трансформационных процессов» [10].

Динамические модели МОБ позволяют увеличить эффективность достижения основных целей создания свободной экономической зоны на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей (Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 266-ФЗ «О свободной экономической зоне на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»), обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие соответствующих регионов, привлечь инвестиции в развитие действующих и создание новых производств.

Цель данного исследования состоит в разработке и обосновании алгоритма определения приоритетов инвестирования территориально-промышленного комплекса на основе экономико-математической модели межотраслевого баланса для стратегического планирования антикризисного развития экономики ДНР.

Вклад авторов в решение проблемы применения МОБ к определению приоритета инвестирования (МОБИ) демонстрирует разработанный алгоритм определения приоритетного инвестирования отраслей промышленности в условиях неопределенной внешней среды (рис. 1).

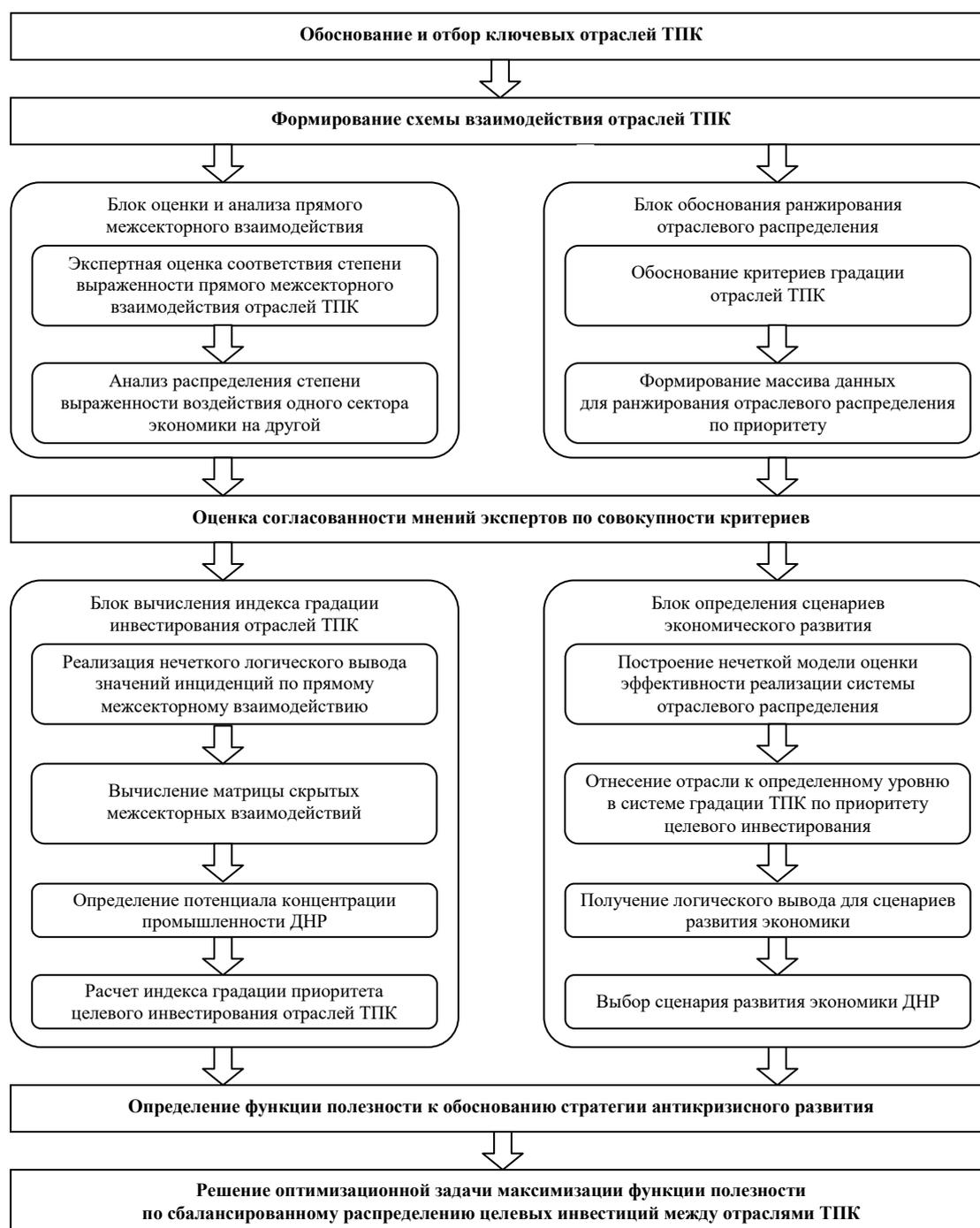

Рис. 1. Алгоритм определения приоритетного инвестирования отраслей территориально-промышленного комплекса в условиях неопределенной внешней среды ДНР

Algorithm for determining priority investment in sectors of the territorial-industrial complex in an uncertain external environment DPR

Предложенный авторами алгоритм позволит усовершенствовать методологию распределения государственно-частных инвестиций в сфере территориально-промышленного комплекса, обосновать целесообразность определения равновесного состояния в динамике взаимодействия отраслей данного комплекса для сбалансированного распределения капитальных инвестиций между ведущими отраслями в структуре реализации промышленной продукции ДНР.

Использование алгоритма МОБИ предполагает разделение общего финансирования отраслей промышленности на две составляющие: 1) фор-

мирование капитала для регулярных потребностей, направленных на текущее обеспечение функционирования отрасли, выплаты заработной платы и т. д. (текущее финансирование); 2) целевые инвестиции, направленные на новый уровень высокотехнологических производств и структурных изменений в экономике [11].

В исследованиях авторами была предложена модель развития региона на основе территориально-промышленного комплекса, где доминирующую роль играют четыре ключевые отрасли: электроэнергетическая, угольная, машиностроительная и металлургическая [1 ; 2 ; 11—15].

По итогам социально-экономического развития ДНР за 2022 г. в структуре реализации промышленной продукции наибольший рост показало металлургическое производство (54,2 %), а машиностроительный комплекс и поставка электроэнергии, газа и пара увеличились на 7,6 и 5,2 %

соответственно. При этом в 2022 г. на угольных предприятиях ДНР добыча угля сократилась на 29,9 % [16 ; 17].

Представим схему прямого и скрытого взаимодействия основных отраслей территориально-промышленного комплекса (рис. 2).

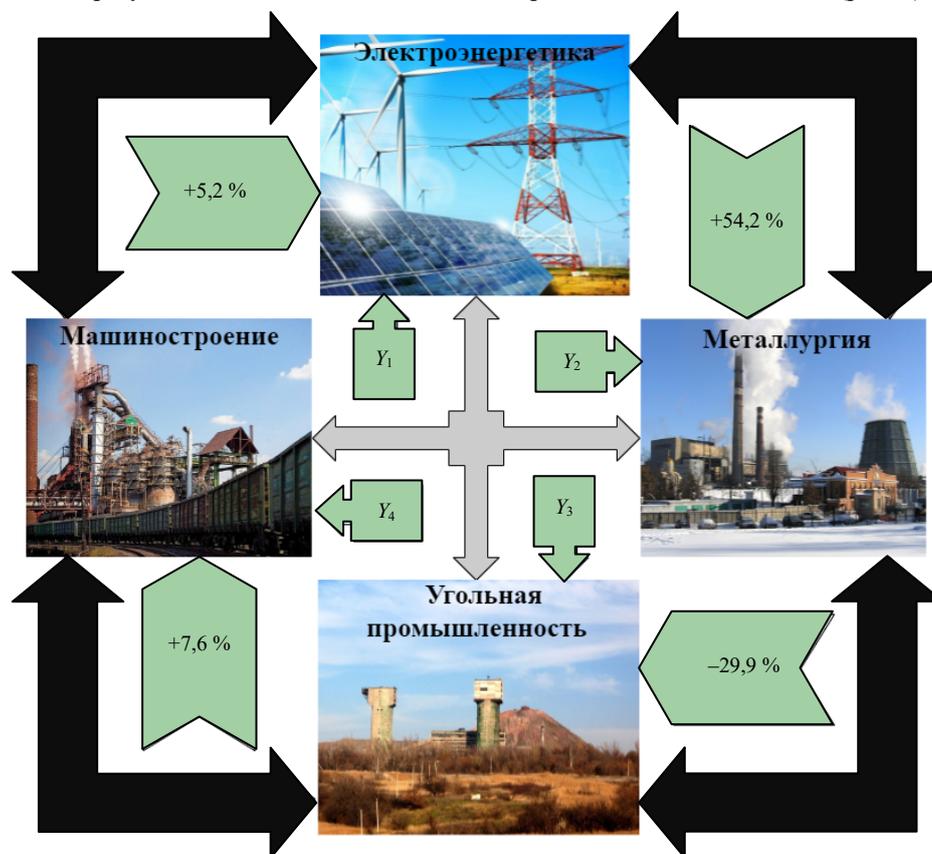

Рис. 2. Схема взаимодействия отраслей территориально-промышленного комплекса ДНР:

— прямое взаимодействие; — скрытое взаимодействие
 Scheme of interaction between sectors of the territorial-industrial complex of the DPR:
 — direct interaction; — hidden interaction

Отметим, что увеличение либо уменьшение степени взаимодействия той или иной взаимосвязи между отраслями ТПК зависит от выбранной стратегии государственной социально-экономической политики. Это может быть как отрасль стратегического антикризисного развития, направленная на новый уровень производства и структурные изменения в экономике, так и отрасль, обеспечивающая решение тактических задач по обеспечению национальной безопасности и социальной стабильности, восстановлению экономического потенциала и пр. [1]

В работах [1 ; 2] выполнен анализ промышленного потенциала экономического развития региона; разработана функциональная схема взаимодействия отраслей, обеспечивающих национальную безопасность региона; выделены критерии, необходимые для определения направления приоритетного целевого инвестирования по обеспечению решения задач социально-экономического антикризисного развития; приведено обоснование индекса конкурентоспособности ключевых отраслей промышленности ДНР. В публикациях [13—15] разработана и обоснована методика

определения приоритетного целевого инвестирования отраслей промышленности территориально-промышленного комплекса региона по нечетким условиям с использованием теории нечетких множеств для разработки различных сценариев и выбора наиболее эффективной отраслевой градации для максимально быстрого роста экономики региона.

В статье [12] обоснована специфика определения степени воздействия секторов территориально-производственного комплекса в условиях неопределенной внешней среды экспертным методом. Для обоснования значимости и достоверности ответов экспертов вычислены показатели степени их согласованности (коэффициент конкордации) и критерий Пирсона, согласно которому проверялась статистическая значимость коэффициента конкордации. В работе также получили развитие научно-методологические подходы, предложенные учеными в области реализации стратегического антикризисного управления экономическими системами и определении оценки степени выраженности прямого воздействия между секторами ТПК.

В публикации [11] разработан экономико-математический аппарат, обосновывающий методику определения приоритетного целевого инвестирования отраслей промышленности территориально-промышленного комплекса региона на основе анализа прямого и скрытого взаимодействия секторов экономики, а также оценки индекса межотраслевой приоритетности инвестирования. На основании экономико-математической модели предложена последовательность операций по определению межотраслевого баланса (равновесного состояния) в динамике взаимодей-

ствия отраслей территориально-промышленного комплекса со сбалансированным распределением целевого инвестирования между отраслями региона для максимально быстрого роста экономики ДНР.

Исследования [11 ; 12] также позволили обосновать числовые характеристики матриц прямого (M) и скрытого (N) влияния одного сектора экономики на другой между четырьмя отраслями ТПК (электроэнергетическая (Y_1), металлургическая (Y_2), угольная (Y_3), машиностроительная (Y_4)), нормированными по шкале [0; 1] (рис. 3).

M	N			
	Y_1	Y_2	Y_3	Y_4
Y_1	0,0 1,0	0,0 1,0	0,0 1,0	0,0 1,0
Y_2	0,42 0,12	0,0 1,0	0,69 0,2	0,0 0,83
Y_3	0,0 0,95	0,61 0,45	0,0 1,0	0,9 0,08
Y_4	0,35 0,60	0,17 0,43	0,0 0,85	0,0 1,0

Рис. 3. Матрицы прямого (M) и скрытого (N) взаимодействия отраслей территориально-промышленного комплекса (составлено авторами по: [11 ; 12])

Matrices of direct (M) and hidden (N) interaction between sectors of the territorial-industrial complex (compiled by the authors according to: [11 ; 12])

Некоторые исследователи считают, что реализовать ранжирование отраслей промышленности по приоритету целевого инвестирования можно с помощью индекса, базисом формирования которого является попарное сравнение отраслей по уровню конкурентоспособности [1 ; 11]. При

этом за основу определения потенциала концентрации промышленности ДНР принята методика М. В. Винокуровой [1 ; 11]. Она заключается в расчете коэффициентов локализации, душевого производства и спецификации (1):

$$\begin{cases} K_{Л} = \frac{ОРП_z}{П_z} : \frac{ОРП_p}{П_p}; & K_{Д} = \frac{ОРП_z}{H_z} : \frac{ОРП_p}{H_p}; & K_{С} = \frac{ОРП_z}{ОРП_p} : \frac{ВРП}{ВВП}; \\ I_{k/j} = \left(\alpha_1 \frac{K_{Лk}}{K_{Лj}} + \alpha_2 \frac{K_{Дk}}{K_{Дj}} + \alpha_3 \frac{K_{Сk}}{K_{Сj}} \right) \cdot \frac{(\beta_1 \cdot M_{kj} + \beta_2 \cdot N_{kj})}{(\beta_1 \cdot M_{jk} + \beta_2 \cdot N_{jk})}, \end{cases} \quad (1)$$

где $ОРП_z$ — объем реализованной промышленной продукции конкретной отрасли промышленности по городу;

$П_z$ — общий объем реализованной промышленной продукции по городу;

$ОРП_p$ — объем реализованной промышленной продукции конкретной отрасли промышленности по региону;

$П_p$ — общий объем реализованной промышленной продукции по региону;

H_z — население города;

H_p — население региона;

$K_{Лk}, K_{Лj}, K_{Дk}, K_{Дj}, K_{Сk}, K_{Сj}$ — коэффициенты локализации, душевого производства и спецификации k -й и j -й отрасли;

α_i, β_i — весовые коэффициенты ($\alpha_1 + \alpha_2 + \alpha_3 = 1, \beta_1 + \beta_2 + \beta_3 = 1, \alpha_i \geq 0, \beta_i \geq 0$);

$M_{kj}, M_{jk}, N_{kj}, N_{jk}$ — коэффициенты матрицы прямого (M) и скрытого (N) взаимодействия рассматриваемых отраслей ТПК.

Сравнение числового значения индекса $I_{k/j}$ с единицей позволяет определить преимущество целевого инвестирования между отраслями промышленности. В случае $I_{k/j} > 1$ приоритет инвестирования будет у k -й отрасли над j -й; если $I_{k/j} < 1$, то это указывает на преимущество инвестирования j -й отрасли над k -й. В свою очередь,

при $I_{k/j} = 1$ отрасли имеют одинаковую значимость по приоритету целевого инвестирования.

Модель оптимального распределения целевого инвестирования отраслей промышленности определена с помощью функции полезности $F(U)$ [18], которая устанавливает предпочтения стратегии антикризисного развития территориально-про-

мышленного комплекса ДНР на множестве допустимых альтернатив:

$$U = \{U_{Y_1}, U_{Y_2}, U_{Y_3}, U_{Y_4}\}, \quad (2)$$

где U_{Y_i} — уровень приоритета целевого инвестирования (доля, которая выделяется на каждую отрасль i ($i = \overline{1,4}$) из основных отраслей от целевого инвестирования ТПК).

Обоснование приоритетов целевого инвестирования отраслей промышленности, обеспечивающих устойчивое антикризисное социально-экономическое развитие, можно разделить на две большие группы:

— стратегические, нацеленные на новый уровень производства и структурные изменения в экономике;

— тактические, решающие текущие задачи по обеспечению населения жильем, продовольственными товарами, услугами, в том числе социальной сферы, вопросы экологии и развития коммунального хозяйства.

В рамках стратегического планирования, исходя из целей и задач государственной социально-экономической политики, целесообразно выделить отрасль стратегического антикризисного развития — отрасль «ядро», а также отрасль «локомотив» для решения тактических задач развития экономики региона [13].

Согласно математической модели (1) и (2), ранжирование отраслей промышленности по приоритету целевого инвестирования для двух сценариев антикризисного развития экономики ДНР позволяет разработать следующие стратегии [14; 15]:

— стратегию восстановления (сценарий 1):

$$U_{Y_1} \succ U_{Y_4} \succ U_{Y_3} \succ U_{Y_2};$$

— стратегию развития (сценарий 2):

$$U_{Y_4} \succ U_{Y_2} \succ U_{Y_1} \succ U_{Y_3}.$$

Следовательно, для решения задач стратегии 1 (восстановление) отраслью «локомотив» будет электроэнергетика. В свою очередь, для решения задач стратегии 2 (развитие) отраслью «ядро» станет машиностроение.

Задача, сопряженная с реализацией стратегического планирования по определению приоритетного направления целевого инвестирования отраслей территориально-промышленного комплекса, а также получения позитивного синергетического эффекта от реализации схемы межсекторного взаимодействия и стратегии социально-экономического развития региона, может быть сформулирована как максимизация функции полезности F для одного из двух сценариев (стратегия восстановления или стратегия развития):

$$F(U_{Y_1}, U_{Y_2}, U_{Y_3}, U_{Y_4}) \rightarrow \max. \quad (3)$$

Приведем алгоритм определения межотраслевого баланса в динамике взаимодействия отраслей ТПК, который позволяет рассчитать равномерное распределение инвестиций между основными отраслями промышленности ДНР (рис. 4).

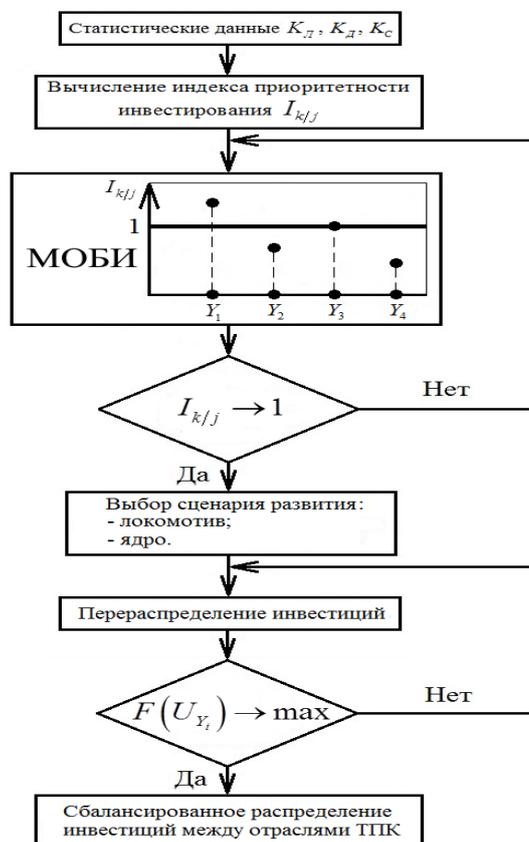

Рис. 4. Алгоритм определения сбалансированного распределения целевых инвестиций
Algorithm for determining a balanced distribution of target investments

Особенности анализируемых межотраслевых взаимодействий связаны с неполнотой информации, неопределенной внешней средой и отсутствием полного комплекса официальных статистических данных по результатам деятельности отраслей в динамике. При этом разработанная в исследовании методология позволяет обосновать алгоритм определения приоритетного целевого инвестирования отраслей территориально-промышленного комплекса (см. рис. 1) для стратегического планирования устойчивого антикризисного социально-экономического развития экономики ДНР.

В заключение представим следующие выводы. Разработанная авторами методология позволяет обосновать алгоритм определения приоритетного целевого инвестирования отраслей промышленности на основе анализа взаимодействия секторов экономики ДНР, оценки индекса межотраслевой приоритетности целевого инвестирования и решения оптимизационной задачи выбора основных отраслей территориально-промышленного комплекса. Оптимизационная задача решена через максимизацию функции полезности на множестве допустимых альтернатив (уровней приоритетов целевого инвестирования) для одного из двух обоснованных сценариев антикризисного разви-

тия экономики: стратегии восстановления или стратегии развития.

Авторское решение при использовании динамической модели межотраслевого баланса заключается в сбалансированном распределении целевых инвестиций между отраслями ТПК, т. е. достижении системой равновесного состояния в распределении целевых инвестиций при условии максимизации функции полезности.

Универсальность алгоритма заключается в выборе сценария развития в зависимости от цели принятия управленческих решений, которая соответствует стратегии социально-экономического развития объекта и государственной политике по этому направлению через перераспределение инвестиционных потоков территориально-промышленного комплекса.

Направление дальнейших исследований можно определить через расширение территориально-промышленного комплекса за счет введения в его состав химической, пищевой и сельскохозяйственной отрасли, а также экономико-математический анализ функций полезности, являющихся базисом для принятия управленческих решений относительно межотраслевой приоритетности перераспределения целевого инвестирования в условиях неопределенности и риска.

Список источников

1. Шарнопольская О. Н., Руссиян С. А. Определение приоритетного направления межотраслевого антикризисного развития // Менеджер : научный журнал. 2018. № 2 (84). С. 57—64.
2. Шарнопольская О. Н., Маренич М. К., Руссиян С. А. Межотраслевая кооперация как способ формирования стабильного экономического потенциала региона в условиях искусственно созданного кризиса // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения : материалы Междунар. науч.-практ. форума (Москва, 5—6 июня 2019 г.). М., 2019. С. 474—476.
3. Дмитриев В. К. Экономические очерки. М. : ГУ ВШЭ, 2001. 578 с.
4. Ершов Е. Б. Оптимальное масштабирование в межотраслевом моделировании // Инструментальные средства обработки и реализации моделей прогнозирования. М. : Институт народнохозяйственного прогнозирования АН СССР, 1991.
5. Леонтьев В. Спад и подъем советской экономической науки // Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
6. Ведута Н. И. Цифровизация экономического планирования. Кибернетический подход. М. : Гаудеамус, 2021. 640 с.
7. Гранберг А. Г. Моделирование социалистической экономики. М. : Экономика, 1998. 487 с.
8. Ершов Э. Б., Рутковская Е. А. Взаимосвязи капитальных вложений и вводов основных фондов в динамической модели межотраслевого баланса // Экономика и математические методы. 1978. Т. 14, вып. 1. С. 53—64.
9. Субхангулов Р. А. Модели межотраслевого баланса как инструмент макроэкономического прогнозирования. URL: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2017/12/prognoz_yaremenko_subkhan.pdf (дата обращения: 21.03.2024).
10. Лукин Е. В. О роли межотраслевого баланса в государственном регулировании экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10, № 3. С. 41—58. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.2
11. Руссиян С. А., Шарнопольская О. Н. Разработка экономико-математического аппарата и методики определения приоритетного инвестирования отраслей территориально-промышленного комплекса // Новое в экономической кибернетике : сб. науч. тр. Донецк : ДонНУ, 2021. Вып. 2. С. 37—50.
12. Руссиян С. А., Шарнопольская О. Н. Обоснование специфики определения степени воздействия секторов территориально-промышленного комплекса в условиях неопределенности внешней среды // Вести Автомобильно-дорожного института = Bulletin of the Automobile and Highway Institute. 2021. № 3 (38). С. 106—115.
13. Шарнопольская О. Н., Руссиян С. А. Разработка математической модели и обоснование методики приоритетного инвестирования отраслей промышленности в условиях неопределенной внешней среды // Вести Автомобильно-дорожного института = Bulletin of the Automobile and Highway Institute. 2020. № 4 (35). С. 134—147.
14. Шарнопольская О. Н., Руссиян С. А. Определение приоритетов экономического антикризисного развития территориально-промышленного комплекса на основе математических моделей межотраслевого баланса // Стратегия устойчивого развития в антикризисном управлении экономическими системами : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Донецк, 8 апреля 2021 г.). Донецк, 2021. С. 286—292.
15. Стратегия интеграционного антикризисного развития социально-экономических систем: научно-прикладной аспект : монография / О. Н. Шарнопольская, Е. Г. Курган, Е. А. Шумаева и др. Донецк : ДонНТУ, 2021. 215 с.

16. Министерство экономического развития ДНР. URL: <https://dnr-news.ru/economy/2023/03/02/251134.html> (дата обращения: 21.03.2024).
17. Украина.ру. URL: <https://ukraina.ru/20230119/1042759533.html> (дата обращения: 21.03.2024).
18. Христиановский В. В., Щербина В. П. Функция полезности: теория и анализ : учеб. пособие / Донецкий национальный университет. Харьков : ИНЖЭК, 2006. 120 с.

References

1. Sharnopol'skaya O.N., Russiyan S.A. Opredelenie prioritetnogo napravleniya mezhot-raslevogo antikrizisnogo razvitiya [Determination of the Priority Direction of Intersectoral Anticrisis Development], *Menedzher : Nauchnyy Zhurnal [Manager : Scientific Journal]*, 2018, no. 2 (84), pp. 57-64.
2. Sharnopol'skaya O.N., Marenich M.K., Russiyan S.A. Mezhotraslevaya kooperatsiya kak sposob formirovaniya stabil'nogo ekonomicheskogo potentsiala regiona v usloviyakh iskusstvenno sozdannogo krizisa [Interindustry Cooperation as a Way to Form a Stable Economic Potential of the Region in the Conditions of Artificially Created Crisis], *Rossiya v XXI veke: global'nye vyzovy, riski i resheniya : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma (Moskva, 5-6 June 2019 g.) [Russia in the XXI Century: Global Challenges, risks and Solutions]: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma (Moskva, 5-6 June 2019 g.)*. Moscow, 2019, pp. 474-476.
3. Dmitriev V.K. Ekonomicheskie ocherki [Economic Essays]. Moscow, 2001, 578 p.
4. Ershov E.B. Optimal'noe masshtabirovanie v mezhotraslevom modelirovanii [Optimal Scaling in Interindustry Modeling], *Instrumental'nye sredstva obrabotki i realizatsii modeley prognozirovaniya [Instrumental Means of Processing and Realization of Forecasting Models]*. Moscow : Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya AN SSSR. Publ., 1991.
5. Leont'ev V. Spad i pod'em sovetskoy ekonomicheskoy nauki [Decline and Rise of Soviet Economic Science], *Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika [Economic Essays. Theories, Studies, Facts and Policy]*. Moscow : Politizdat Publ., 1990, 415 p.
6. Veduta N.I. Tsifrovizatsiya ekonomicheskogo planirovaniya. Kiberneticheskiy podkhod [Digitalization of Economic Planning. Cybernetic approach]. Moscow : Gaudeamus Publ., 2021, 640 p.
7. Granberg A.G. Modelirovanie sotsialisticheskoy ekonomiki [Modeling of Socialist Economy]. Moscow : Ekonomika Publ., 1998, 487 p.
8. Ershov E.B., Rutkovskaya E.A. Vzaimosvyazi kapital'nykh vlozheniy i vvodov osnovnykh fondov v dinamicheskoy modeli mezhotraslevogo balansa [Interrelations of Capital Investments and Inputs of Fixed Assets in the Dynamic Model of Interindustry Balance], *Ekonomika i matematicheskie metody [Economics and Mathematical Methods]*, 1978, vol. 14, issue 1, pp. 53-64.
9. Subkhangulov R.A. Modeli mezhotraslevogo balansa kak instrument makroekonomicheskogo prognozirovaniya [Models of Interindustry Balance as a Tool of Macroeconomic Forecasting]. Available at: https://ecfor.ru/wp-content/uploads/2017/12/prognoz_yaremenko_subkhan.pdf (accessed: 21.03.2024).
10. Lukin E.V. O roli mezhotraslevogo balansa v gosudarstvennom regulirovanii ekonomiki [On the Role of the Intersectoral Balance in the State Regulation of the Economy], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 41-58. DOI: 10.15838/esc/2017.3.51.2
11. Russiyan S.A., Sharnopol'skaya O.N. Razrabotka ekonomiko-matematicheskogo apparata i metodiki opredeleniya prioritetnogo investirovaniya otrasley territorial'no-promyshlennogo kompleksa [Development of Economic-Mathematical Apparatus and Methodology for Determining the Priority Investment of Territorial-industrial Complex Industries], *Novoe v ekonomicheskoy kibernetike [New in Economic Cybernetics] : sb. nauch. tr. Donetsk : DonNU Publ., 2021, issue 2, pp. 37-50.*
12. Russiyan S.A., Sharnopol'skaya O.N. Obosnovanie spetsifiki opredeleniya stepeni vozdeystviya sektorov territorial'no-promyshlennogo kompleksa v usloviyakh neopredelennosti vneshney sredy [Justification of the Specifics of Determining the Degree of Impact of Sectors of Territorial-industrial Complex in the Conditions of Uncertainty of the External Environment], *Vesti Avtomobil'no-dorozhnogo instituta [Bulletin of the Automobile and Highway Institute]*, 2021, no. 3 (38), pp. 106-115.
13. Sharnopol'skaya O.N., Russiyan S.A. Razrabotka matematicheskoy modeli i obosnovanie metodiki prioritetnogo investirovaniya otrasley promyshlennosti v usloviyakh neopredelennoy vneshney sredy [Development of Mathematical Model and Justification of the Methodology of Priority Investment of Industries in the Conditions of Uncertain External Environment], *Vesti Avtomobil'no-dorozhnogo instituta [Bulletin of the Automobile and Highway Institute]*, 2020, no. 4 (35), pp. 134-147.
14. Sharnopol'skaya O.N., Russiyan S.A. Opredelenie prioritetov ekonomicheskogo antikrizisnogo razvitiya territorial'no-promyshlennogo kompleksa na osnove matematicheskikh modeley mezhotraslevogo balansa [Determination of Priorities of Economic Anti-crisis Development of Territorial-industrial Complex on the Basis of Mathematical Models of Inter-branch Balance], *Strategiya ustoychivogo razvitiya v antikrizisnom upravlenii ekonomicheskimi sistemami : materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Donetsk, 8 April 2021 g.) [Strategy of Sustainable Development in Anticrisis Management of Economic Systems]: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Doneck, 8 April 2021 g.)*. Donetsk, 2021, pp. 286-292.
15. Sharnopol'skaya O.N., Kurgan E.G., Shumaeva E.A. i dr. Strategiya integratsionnogo antikrizisnogo razvitiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: nauchno-prikladnyy aspekt [Strategy of Integration Anti-crisis Development of Socio-Economic Systems: Scientific and Applied Aspect] : monografiya. Donetsk : DonNTU Publ., 2021, 215 p.
16. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya DNR [Ministry of Economic Development of the DNR]. Available at: <https://dnr-news.ru/economy/2023/03/02/251134.html> (accessed: 21.03.2024).
17. Ukraina.ru. [Ukraina.ru]. Available at: <https://ukraina.ru/20230119/1042759533.html> (accessed: 21.03.2024).
18. Khristianovskiy V.V., Shcherbina V.P. Funktsiya poleznosti: teoriya i analiz [Utility Function: Theory and Analysis] : ucheb. posobie. Khar'kov, 2006, 120 p.

Информация об авторах

Шарнопольская Оксана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и хозяйственного права, Донецкий национальный технический университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: o.sharnopolskaya@mail.ru

Руссиян Станислав Анатольевич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики имени В. В. Пака, Донецкий национальный технический университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: st_russ@mail.ru

Логачёва Ольга Михайловна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Information about the authors

Oksana N. Sharnopolskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management and Economic Law, Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: o.sharnopolskaya@mail.ru

Stanislav A. Russiyan — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics named after V. V. Paka, Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: st_russ@mail.ru

Olga M. Logacheva — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 24.05.2024.

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 24.05.2024.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT AND MANAGEMENT

Развитие территорий. 2024. № 2. С. 56—68.
Territory Development. 2024;(2):56—68.

Проблемы развития экономики и управления

Научная статья
УДК 336.148
DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-56-68

ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Александр Михайлович Выжитович¹, Ася Александровна Мартынова², Ивина Эдуардовна Нетисова³

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация

^{2,3} Контрольно-счетная палата города Новосибирска, Новосибирск, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Александр Михайлович Выжитович, vam_70@mail.ru

Аннотация. В данной статье приведен анализ результатов внешнего муниципального финансового контроля в сфере реализации концессионных соглашений в городе Новосибирске. Рассмотрены роли концессии с позиции получения выгод или общественной пользы; дана оценка достижимости концессионных целей на практике; выявлены фактические интересы в основе концессии у ее участников, проанализирована взаимовыгодность концессии для всех участников в неожиданных формах; раскрыт достоверный интерес концедента; представлены подходы к идентификации концессионных рисков; предложены рекомендации по исправлению нарушений и недостатков по муниципальным концессионным соглашениям.

Ключевые слова: концессионное соглашение, концессионный риск, концедент, концессионер, муниципальный финансовый контроль

Благодарности: статья подготовлена в рамках приоритетного направления 5.6.1.5 плана НИР ИЭОПП СО РАН на 2024 год, проект 0260-2021-0002 «Интеграция и взаимодействие мезоэкономических систем и рынков в России и ее восточных регионах: методология, анализ, прогнозирование».

Для цитирования: Выжитович А. М., Мартынова А. А., Нетисова И. Э. Практические аспекты внешнего муниципального финансового контроля концессионных соглашений // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 56—68. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-56-68.

Problems of economic development and management

Original article

PRACTICAL ASPECTS OF EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL OF CONCESSION AGREEMENTS

Alexander M. Vyzhitovich¹, Asya A. Martynova², Ivina E. Netisova³

¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation

¹ Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

^{2,3} Chamber of Control and Accounts of the city of Novosibirsk, Novosibirsk, Russian Federation

Corresponding author: Alexander M. Vyzhitovich, vam_70@mail.ru

Abstract. This article analyzes the results of external municipal financial control in the sphere of concession agreements implementation in the city of Novosibirsk. The article considers the roles of concession from the position of obtaining benefits or public utility; assesses the achievability of concession goals in practice; reveals actual interests in the basis of concession among its participants, analyzes the mutual benefit of concession for all participants in unexpected forms; reveals the credible interest of the conceiver; presents approaches to the identification of concession risks; offers recommendations for the correction of violations and shortcomings in municipal concession agreements.

Keywords: concession agreement, concession risk, grantor, concessionaire, municipal financial control

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of priority direction 5.6.1.5 of the research plan of the IEIE SB RAS for 2024, project 0260-2021-0002 “Integration and interaction of mesoeconomic systems and markets in Russia and its eastern regions: methodology, analysis, forecasting.”

For citation: Vyzhitovich A.M., Martynova A.A., Netisova I.E. Practical Aspects of External Municipal Financial Control of Concession Agreements. *Territory Development*. 2024;(2):56—68. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-56-68.

Концессия как форма вовлечения частного сектора экономики в управление государственной и муниципальной собственностью обоснованно прочно встроилась в инструментарий инвестиционной политики.

Фундамент концессии как экономического явления, без которого ее существование было бы невозможно, — это взаимовыгодные условия при реализации концессионных целей (табл. 1).

Таблица 1

Цели концессионных соглашений
Objectives of concession agreements

Цель	Содержание цели
Экономическая	Создание нового или реконструкция существующего государственного либо муниципального недвижимого имущества (далее — имущество казны)
Финансовая	Привлечение частных инвестиций к решению государственных или муниципальных экономических задач
Утилитарная	Повышение эффективности использования имущества казны
Бюджетная	Улучшение технико-экономических характеристик имущества казны без вложения бюджетных средств или с уменьшением бюджетной нагрузки за счет финансового участия концедента
Общественная	Принесение общественной пользы, удовлетворение потребностей горожан, поскольку созданное или реконструированное концессионером имущество казны априори используется для удовлетворения запросов общества

Классификация целей концессионных соглашений основана на анализе полученного опыта внешнего финансового контроля реализации концессий (см. табл. 1). Так, например, обособление бюджетной цели от экономической связано с необходимостью оценки при осуществлении контрольного мероприятия исполнения концедентом положений ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации в рамках реализации концессионного соглашения, а именно: при осуществлении по условиям соглашения бюджетных вложений в концессию оценки их экономичности и результативности.

Все вместе перечисленные цели формируют понятие эффективности концессии, эффективности ее реализации как получение максимума возможных благ от имеющихся ресурсов. И в этом, относительно понятия эффективности реализации концессии, практика внешнего финансового контроля воплощения муниципальных концессионных проектов подтверждает экономическую теорию. Ресурсами для муниципальных концессий является имущество муниципальной казны, поэтому сторона концедента оправданно ожидает получения максимума возможных благ от предоставленных концессионеру ресурсов, включая пополнение бюджета города, улучшение имущественной базы, экономию бюджетных средств, удовлетворение потребностей горожан в тех или иных услугах. Но и концессионер, инвестируя в предоставленное имущество казны, ставит целью для себя получение максимума возможных благ от полученных ресурсов, прежде всего прибыли (пополнение собственного бюджета).

Исходя из практики анализа целей муниципальной концессии, общественная цель — это ожидание общественной пользы от реализации

концессионного соглашения. Под общественной пользой понимаются благоприятные последствия для людей, улучшение среды (условий) их жизни и деятельности. В свою очередь, ожидание общественной пользы определяется социальным заказом, в результате имеем заявленную общественную потребность.

За последние годы вышло несколько публикаций, связанных с исследованиями концессионных соглашений. Так, анализу опыта реализации концессий, прогнозу их развития, проблематике обеспечения общественной и финансовой эффективности концессионных проектов посвящены работы Н. А. Исаевой и Д. Г. Пономарёвой [1], И. А. Провоторова, И. М. Фрадина и А. В. Вторникова [2], О. С. Голощаповой и В. А. Корюкиной [3], Д. А. Егошиной и Д. А. Шелестовой [4], А. И. Чернышева [5], И. А. Провоторова и О. А. Дяченко [6], В. В. Баранова [7]. Они исследовали ключевые теоретические аспекты концессионных соглашений, отечественный и зарубежный опыт реализации концессий, разработали классификацию стран по степени и количеству заключенных концессионных соглашений, по типу договоров, а также прогноз развития рынка концессий и возможные пути привлечения частных инвестиций; обосновали определяющее значение концессионных проектов для развития инфраструктурных отраслей, необходимость управления общественной эффективностью данных проектов; представили комплексы мер по обеспечению эффективного применения концессии как способа привлечения инвестиционных ресурсов в экономику.

Вместе с тем метод балльной оценки эффективности реализации концессий, подходы к управле-

нию рисками, сфера контроля концессионных соглашений подробно не рассматривались.

Теоретические, методологические и практические аспекты внешнего и внутреннего финансового контроля концессионных соглашений изучались Н. М. Гусевой [8], Н. Н. Симко [9]. Они представили вопросы применения стандартов учета, анализ основных нарушений в финансово-бюджетной сфере. Однако оценка эффективности реализации концессий, характерных рисков, рекомендаций по управлению рисками данного сотрудничества государственного и частного сектора в задачи исследования этих ученых не входила.

Вопросы управления рисками и выявленных нарушений по концессиям исследовались О. С. Голощаповой и В. А. Корюкиной [3], Е. В. Рожковым [10], Л. А. Макаровой и Е. Л. Невзгодиной [11], С. Е. Звягинцевым [12]. Ученые рассмотрели систему специальных показателей, позволяющих оценить бюджетную и социально-экономическую эффективность ГЧП-проекта, в том числе суммарный объем принимаемых публичным партнером обязательств в случае возникновения рисков при реализации проекта, а также суммарный объем принимаемых публично-правовым образованием обязательств в случае возникновения рисков при реализации государственного и муниципального контрактов; сделали критические выводы относительно результатов по концессионным соглашениям для Перми и Пермского края, которые не показывают прямую экономическую выгоду для бюджета (в качестве примера рассмотрели концессионное соглашение по трамвайной инфраструктуре и подвижному составу города Перми); представили требование к распределению рисков; исследовали элементы концессии, включая вопросы их содержания, заключения, изменения и расторжения концессионного соглашения в сфере теплоснабжения. Кроме того, показали риски по концессионным соглашениям с позиции существенных нарушений требуемых обязанностей концессионера и концедента. Возможности управления этими рисками исследователи обозначили, но не конкретизировали.

Таким образом, обзор научной литературы показывает, что недостаточно раскрыты вопросы по рискам концессий, причинам их появления и минимизации, а также по оценке эффективности на муниципальном уровне. В условиях развития механизмов государственно-частного (муниципально-частного) партнерства возникает необходимость в актуализации видов концессионных рисков, что особенно важно с учетом ограниченности информации об опыте осуществления внешнего муниципального финансового контроля инвестиционных проектов в рамках муниципально-частного партнерства.

В исследовании основное внимание было направлено на раскрытие таких вопросов, как определение роли концессии с позиции получения выгод или общественной пользы, оценка достижимости концессионных целей на практике,

выявление фактических интересов, лежащих в основе концессии у ее участников, реальность взаимовыгодности концессии для всех участников и на выяснение того, какие неожиданные формы она порой принимает, на подтверждение равенства сторон в концессионном соглашении, раскрытие достоверного интереса концедента, идентификацию концессионных рисков. Эти и сопутствующие проблемные вопросы рассмотрены далее на примерах из четырехлетнего опыта внешнего муниципального финансового контроля в Новосибирске.

В 2020—2023 гг. Контрольно-счетной палатой Новосибирска (далее — КСП Новосибирска) проводился аудит эффективности реализации концессионных соглашений, заключенных мэрией Новосибирска от имени города. Объектом соглашений было имущество муниципальной казны, переданное для реализации концессионных проектов с условными наименованиями в рамках настоящей статьи: банная, образовательная, две коммунальные (газовая и снегоплавильная) и спортивная концессии.

Инвестиционный объем, охваченный комплексом контрольных мероприятий, составил 1,7 млрд руб. Проверены промежуточные результаты исполнения условий концессионных соглашений, объектами которых стали:

- частная образовательная организация дошкольного и школьного образования (цель — реконструкция существующего здания школы и строительство пристройки к нему);
- спортивный комплекс с бассейном (цель — новое строительство);
- центр ледовых видов спорта (цель — реконструкция разрушающегося общественного здания под ледовое тренировочное пространство с сопутствующей спортивной инфраструктурой);
- четыре здания общественных бань с постройками, технологически связанными с ними, объединенные в комплексы по две бани (цель — реконструкция зданий бань с высокой степенью износа, улучшение их технического оснащения);
- 15 участков газопровода на территории города (цель — обеспечение сохранности и содержания 14 действующих участков газопровода и строительство одного нового);
- стационарная снегоплавильная станция (цель — новое строительство для утилизации снега).

Далее рассмотрим примеры из практики подробно.

Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее — Закон о концессионных соглашениях) определил порядок и условия государственно-частного (муниципально-частного) партнерства в рамках концессии. Кратко это означает: привлечение частных инвестиций в создание или улучшение технико-экономических характеристик имущества казны, за что частный инвестор получает право эксплуатации концессионного объекта в течение срока действия соглашения с извлечением прибыли.

Однако Закон о концессионных соглашениях определяет и ряд частных положений, когда отдельные условия концессии прописываются только в соглашении и не регулируются данным законом.

В ч. 7 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях определено, что продукция и доходы, полученные концессионером в результате осуществления деятельности, предусмотренной соглашением, являются собственностью концессионера, если соглашением не установлено иное.

Концессионными соглашениями, заключенными в отношении двух общественных банных комплексов, состоящих из двух бань каждый, иное установлено не было. На практике отсутствие конкретизации данного условия в зависимости от предстоящих по соглашению событий привело к получению концессионером неосновательного обогащения и истребованию его возмещения концеденту в судебном порядке.

В соглашениях банной концессии было определено, что концессионер приступает к оказанию населению банных услуг по завершении реконструкции, с момента ввода зданий в эксплуатацию, и до ввода объектов в эксплуатацию концессионную плату в бюджет города не вносит. Концессионер же приступил к платному банному обслуживанию населения сразу после заключения соглашения, без проведения реконструкции в течение длительного периода извлекал прибыль в нарушение условий соглашения и одновременно не вносил концессионную плату. В результате неосновательного обогащения концессионера длилось от двух до четырех лет на разных объектах и было пресечено только после проверок КСП Новосибирска.

В дальнейшем, в ходе судебного разбирательства, инициированного стороной концедента после проверки КСП Новосибирска, на стадии апелляции концессионер приводил в качестве обоснования несправедливости истребования возмещения неосновательного обогащения именно указанное положение ч. 7 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях. Он особо отметил, что все заработанные им деньги, независимо от того, до или после ввода в эксплуатацию зданий бань они были получены, принадлежат концессионеру в полном объеме, а иное не было оговорено в концессионном соглашении. Стоит отметить, что решение Арбитражного суда Новосибирской области было вынесено в пользу концедента, но отсутствие конкретизации иного условия в концессионном соглашении привело к вольной трактовке концессионером условий соглашения и причинению ущерба местному бюджету.

Более того, осуществление деятельности по предоставлению банных услуг населению осуществлялось концессионером в зданиях с документально подтвержденной ограниченной работоспособностью, в некоторых случаях представляющих риск для жизни и здоровья посетителей. Концессионер обосновывал свои действия тем, что не может оставить население частного сек-

тора без банных услуг. При отсутствии надлежащего контроля со стороны концедента концессионером было искажено понимание общественной пользы от его несанкционированной деятельности, что могло привести к трагическим последствиям для жизни и здоровья граждан.

Рассмотрим еще один пример из охваченной контрольными мероприятиями концессионной практики.

В ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации декларируется равенство признания и защиты частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Из положения о равенстве признания и защиты, по нашему мнению, рождается и равенство интересов. Гражданское законодательство также основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (ч. 1 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)), а значит равенства их интересов. Согласно ч. 2 ст. 1 ГК РФ, физические и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, однако при этом они должны действовать добросовестно (ч. 3 ст. 1 ГК РФ) и не извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения (ч. 4 ст. 1 ГК РФ).

Концессионер снегоплавильной станции понял равенство по-своему, а концедент безоговорочно принял все условия концедента ради того, чтобы в городе оперативно появился необходимый объект коммунального хозяйства. Ведь это для Новосибирска важно: долгая зима и создаваемые ею снежные трудности необходимо решать очень быстро. Речь пойдет о финансовом участии концедента, точнее, о его неожиданной форме.

В ч. 12 и 13 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях определено, что концессионер несет расходы на исполнение обязательств по концессионному соглашению, если соглашением не установлено иное, а концедент вправе принимать финансовое участие в создании и (или) реконструкции концессионного объекта.

Концессионным соглашением предусмотрено: создание снегоплавильной станции путем строительства за счет концессионера; после ввода объекта в эксплуатацию осуществление концессионером заданной соглашением деятельности; передача станции городу по окончании срока действия соглашения. Земельный участок под строительство — муниципальный, он предоставлен концессионеру в аренду.

Срок создания объекта был определен беспрецедентно малым — в течение трех месяцев с даты заключения соглашения снегоплавильная станция должна была начать работу. С задержкой на две недели объект был введен в эксплуатацию и приступил к плавлению снежной массы с дворов и дорог. В указанные две недели задержки технически объект был готов, но оформлялись документы. В те самые две недели, в нарушение условий соглашения о начале работы станции с даты ввода ее в эксплуатацию, концессионер приступил к деятельности за плату, неосновательно обо-

гащаясь. Ведь что бы ни случилось, по его мнению, все доходы от работы станции принадлежат концессионеру.

Обратимся к вопросу о реализации концедентом своего права контролировать исполнение условий соглашения концессионером: концессионер пользовался муниципальным земельным участком без оформления договора аренды в течение более чем два года, разумеется, в нарушение условий соглашения, а заодно положений ГК РФ и ЗК РФ.

Итак, снегоплавильная станция введена в эксплуатацию, работает. А что же с деньгами: каковы инвестиционные вложения и чьи они на самом деле? Объемы утилизируемого снега достаточны? Есть ли городу помощь в борьбе со снежными завалами и заносами? Какова эффективность снегоплавильной концессии для города?

В соглашении определен предельный объем вложений концессионера в создание снегоплавильной станции — несколько сотен миллионов рублей и не больше. Это то, что он отдаст городу.

В период использования объекта соглашения концессионер обязан вносить в бюджет города концессионную плату, совокупно за весь период концессии выйдет чуть менее полутора десятков миллионов рублей. Это равняется тому, что отдаст городу концессионер. Будет еще несколько миллионов рублей арендных платежей за земельный участок.

У концессионера, конечно же, на протяжении всего срока действия концессионного соглашения будут производственные и накладные расходы. Так, ему нужно будет страховать объект, уплачивать налоги, покупать газ для плавления снега, платить заработную плату персоналу, обслуживать снегоплавильную установку и т. д. Но по факту основной объем затрат концессионера стал для него восстановленными расходами благодаря формулировке условий концессионного соглашения о финансовом участии.

Кроме того, в соглашении о снегоплавильной концессии предусмотрена не только плата концессионера концеденту, но и плата концедента концессионеру. В целом это соответствует характеристике финансового участия концедента, установленной в п. 2 ч. 1 ст. 10.1 Закона о концессионных соглашениях: концедент производит оплату в пользу концессионера в виде ежегодного возмещения части расходов на создание станции (инвестиционный платеж) и ежеквартального возмещения части расходов на использование станции (эксплуатационный платеж) в течение периода реализации соглашения. Ключевое словосочетание — часть расходов.

При этом в ч. 2 ст. 10.1 Закона о концессионных соглашениях определено, что предельный размер финансового участия концедента должен быть меньше общего размера расходов на создание и (или) реконструкцию объекта концессионного соглашения, а также на его использование.

В нарушение указанного положения закона концедент, действовавший в рамках соглашения

от имени города, принял на себя более 100 % расходов концессионера. Возмещение концессионеру затрат по созданию станции составит к концу срока реализации соглашения почти 120 % (около 50 млн руб.). Это обусловлено принятым в составе концессионного соглашения условием о применении к ежегодному инвестиционному платежу (а фактически это ежегодное возмещение равными частями инвестиций концессионера в создание станции) индексации на прогнозный уровень инфляции в размере 5 % в год.

Стоимость снегоплавильной концессии для города за истекший период реализации соглашения уже превысила инвестиционные и эксплуатационные затраты концессионера на 38 %. Совокупная же стоимость соглашения для местного бюджета к моменту завершения его реализации составит немногим менее 1 млрд руб. Ожидаемый доход бюджета города от реализации соглашения составит в 37,6 раза меньшую сумму по сравнению с бюджетными затратами. Кроме того, концессионная плата вносилась нерегулярно и в неполных суммах, задолженность перед бюджетом нарастает.

Эксплуатационные расходы концессионера будут полностью возмещены за счет бюджетных средств от ожидаемого объема таких затрат. Инвестиционные затраты будут возмещены концессионеру с превышением объема его вложений. Это противоречит принципу эффективности использования бюджетных средств, регламентированному ст. 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации: заданный концессионным соглашением результат достигается для бюджета города не с использованием наименьшего объема средств, а с превышением расходов бюджета города над вложениями концессионера.

В расчете платы концедента, утвержденном в составе соглашения, оговорено, что окупаемость соглашения для концессионера произойдет в предпоследнем году эксплуатации станции. Окупаемость же бюджетных затрат концессионным соглашением не предусмотрена. Расчеты стоимости реализации снегоплавильной концессии для бюджета города и финансово-экономическое обоснование не составлялись, т. е. данная концессия не моделировалась и финансово не оценивалась стороной концедента на стадии, предвзявшей заключение соглашения.

Дополнительно отметим, что условие о финансовом участии концедента в создании и эксплуатации снегоплавильной станции включено в концессионное соглашение в нарушение ч. 13 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях, поскольку такое условие устанавливается, если оно являлось условием конкурса. Рассматриваемое же соглашение заключено без проведения конкурсных процедур.

И еще отметим, что соглашением предусмотрено право концессионера осуществлять плавление снега по коммерческим тарифам для сторонних организаций. Концессионер пользуется данным правом и извлекает прибыль.

Теперь о снеге: соглашением регламентировано обязательство концессионера по обеспечению утилизации снега с городских территорий в объеме нескольких сотен тысяч кубометров ежегодно за сезон. Однако при проведении контрольного мероприятия было установлено, что более половины снегоплавильных сезонов станция отработала с неполной нагрузкой, когда существенное количество ее мощностей не было востребовано.

По итогам балльной оценки эффективности реализации концессионного соглашения получено отрицательное значение (табл. 2). Реализация соглашения в истекшем периоде оценена как не-

эффективная. Балльная оценка эффективности в каждом случае уникальна, опирается в том числе на цели самого концессионного соглашения, согласовывается с профильными департаментами мэрии. В данном случае рассмотрено достижение критериев эффективности каждой из сторон соглашения. Поскольку концедент (мэрия) сама не плавит снег, а концессионер (коммерческая организация) не осуществляет бюджетные расходы, то их деятельность не может быть оценена по данным критериям, и, соответственно, в суммарную оценку эти значения не попадают.

Таблица 2

Балльная оценка эффективности реализации снегоплавильной концессии
Score assessment of the effectiveness of the implementation of the snow-melting concession

№ п/п	Критерий	Оценка достижения критерия сторонами соглашения		Итого по критерию
		концедент	концессионер	
1	Отсутствие нарушений условий соглашения	-1	-1	-2
2	Отсутствие нарушений в процессе обеспечения реализации соглашения	-1	-1	-2
3	Полнота нагрузки снегоплавильной станции по утилизации снега	—	-1	-1
4	Экономность бюджетных расходов	-1	—	-1
5	Финансово-экономическая обоснованность бюджетных расходов	-1	—	-1
6	Отсутствие задолженности по расчетам	1	-1	0
Сумма баллов				-7

Примечание. В исследовании применена двухбалльная оценка: 1 балл (эффективное достижение заданного результата) и минус 1 балл (неэффективность, недостижение заданного результата надлежащим образом). Оценка эффективности выполнена по совокупности полученных баллов: положительное значение характеризует исполнение соглашения как эффективное, отрицательное значение — как неэффективное.

Note. The study uses a two-point evaluation: 1 point (effective achievement of the specified result) and minus 1 point (inefficiency, failure to achieve the specified result properly). Efficiency assessment is made on the basis of the aggregate of the received points: a positive value characterizes the performance of the agreement as effective, a negative value — as ineffective.

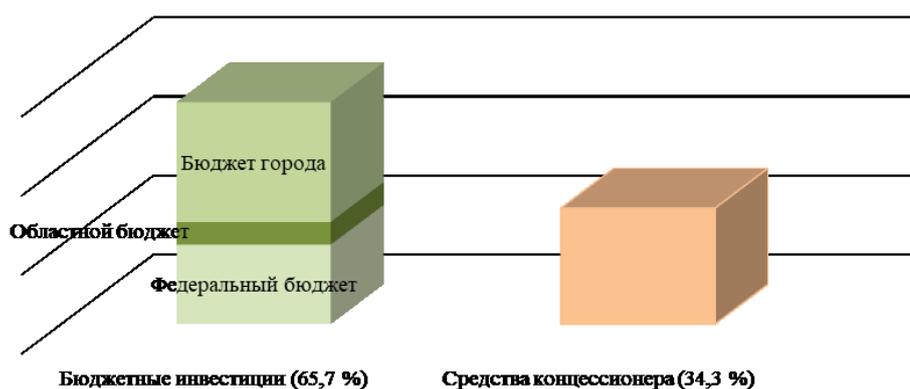
Используя взгляд не со стороны, но изнутри, в данном примере мы показываем, как может быть не реализована сама суть концессии в рамках концессионного соглашения, когда выгода является по большому счету односторонней — она для концессионера, а затраты в реальности полностью ложатся на концедента, становясь существенной нагрузкой для бюджета. Как видим, создан концессионный объект, который работает в неполную силу и при этом его создание и существование фактически оплачиваются за счет бюджета.

Результаты проверки снегоплавильной концессии получили широкий резонанс. Стороной концедента оперативно были приняты меры по устранению той части выявленных нарушений, что еще могла быть устранена, усилен контроль за реализацией концессионных соглашений. Однако единственно возможным решением для прекращения невыгодной для города концессии является расторжение концедентом соглашения в одностороннем порядке. При этом оно возможно, поскольку имеет юридические основания в виде допущенных концессионером нарушений основных условий соглашения, но повлечет за собой

необходимость единовременной выплаты концедентом концессионеру всех сумм инвестиционного и эксплуатационного платежей, рассчитанных на оставшиеся годы. То есть, исходя из условий соглашения, концедент мог бы ускорить выход из невыгодного соглашения, но почти миллиардных собственных расходов за станцию ему не избежать. Так в чем здесь концессия, и где же равенство сторон соглашения, их интересов, их выгоды?

Рассмотрим еще один пример финансового участия концедента. Объектом концессии является создание спортивного комплекса с бассейном. По соглашению концессионер строит объект на условиях софинансирования: участие концедента — 68 %; инвестиции концессионера — 32 %. Фактическая доля вложений концедента составила 66 %, концессионера — 34 % (рисунок).

В данном примере концессионер принял на себя пусть немногим, но больше инвестиционных расходов, уменьшив тем самым финансовую нагрузку на местный бюджет. Однако и в этой концессионной истории не обошлось без проблем, корень которых заключается в форме и размере концессионной платы.

Доли финансового участия в создании спортивного комплекса с бассейном
Shares of financial participation in the creation of a sports complex with a swimming pool

Соглашением определено, что взимание концессионной платы начинается с даты государственной регистрации акта приема-передачи объекта. Процесс государственной регистрации затянулся в силу ряда причин более чем на два года. И все это время, начиная с даты ввода спорткомплекса в эксплуатацию, концессионер в нарушение условий соглашения использовал концессионный объект, оказывая услуги населению за плату, несанкционированно извлекая прибыль и при этом, с юридической точки зрения, совершенно обоснованно не внося концессионную плату в бюджет города, поскольку государственная регистрация не была осуществлена. Два года неосновательного обогащения концессионера причинили убыток концеденту. И этот концессионер, как стало известно в ходе обсуждения итогов контрольного мероприятия, руководствовался в своих действиях положением ч. 7 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях, считая, что доходы от использования спорткомплекса являются его собственностью при любых обстоятельствах. Ведь в соглашении не прописано иное.

Кроме того, в примере концессионная плата не выражена в деньгах, а определена в натуральной форме в виде оказания услуг, что соответствует п. 2 ч. 2 ст. 7 Закона о концессионных соглашениях. В примере натуральный эквивалент концессионной платы представляет собой регламентированное количество бесплатных часов занятий воспитанников муниципальных спортивных школ. При этом в соглашении не был прописан механизм контроля за выполнением объемных показателей эквивалента концессионной платы. Отметим, что в отношении данной концессии, как и в примере со снегоплавильной концессией, концедентом были безоговорочно приняты все условия концессионера без проведения концедентом собственных расчетов, оценки стоимости инвестиций, финансово-экономического обоснования концессии.

В результате, что стало с эквивалентом концессионной платы: по причине отсутствия государственной регистрации права пользования объектом концессионная плата не вносилась в течение

более двух лет, часы занятий воспитанникам муниципальных спортивных школ не предоставлялись, концессионер оказывал на объекте исключительно платные услуги населению и неосновательно обогащался. В это же время муниципальные спортивные школы испытывали нехватку тренировочных пространств для юных пловцов. Задолженность концессионера превысила 6 тыс. часов.

Натуральный эквивалент концессионной платы может нести в себе потенциальные бюджетные риски, если он не монетизирован в соглашении. Отсутствие переложения на деньги не позволяет оценить экономическую эффективность концессии. В рассматриваемой концессионной истории даже общественная польза просится быть выраженной в деньгах, поскольку речь идет о бесплатных часах занятий для юных спортсменов, а значит об экономии многочисленных семейных бюджетов. Этот пример показывает неэффективность натурального эквивалента концессионной платы и даже его бессмысленность, поскольку стоимость определенного соглашением количества часов могла быть легко подсчитана и отражена в соглашении на случай нарушения концессионером условий соглашения о концессионной плате и в целях определяемости объемов взыскания.

Приведем второй пример неэффективности натурального эквивалента концессионной платы. Центр ледовых видов спорта создан в рамках концессионного соглашения путем реконструкции разрушавшегося общественного здания и его оснащения. Соглашением определена концессионная плата также в часах спортивных занятий для муниципальных детских спортивных организаций. Концессионером организован учет часов занятий (концессионной платы) на основании ежемесячных актов о приемке концедентом выполненных работ. Но в соглашении стоимость этих часов для концедента не была определена. Выгода концессии для города не определена, не смоделирована, т. е. конечный результат концессионного соглашения полноценно не анализировался, отчеты об оценке стоимости концессионной платы не составлялись, несмотря на то

что перечисленное является преимущественным правом концедента.

В результате показатель экономической эффективности двух спортивных концессий для бюджета города остался не определенным и установить выраженную в деньгах эффективность передачи объектов муниципального имущества в концессию для муниципальной казны стало невозможным. Поэтому установить стоимость реализации соглашений, экономическую выгоду для бюджета города за истекший период не получится.

В ходе проведения комплекса контрольных мероприятий неоднократно отмечалась порочная практика недобросовестных концессионеров вести платную деятельность на концессионных объектах до ввода их в эксплуатацию в нарушение условий соглашений.

Рассмотрим пример образовательной концессии. Соглашение заключено с частной организацией, имеющей лицензию на осуществление образовательной деятельности в сфере дошкольного и среднего общего образования. Одними из основных условий соглашения являлись реконструкция существующего здания и дополнительное новое строительство в течение трех лет с даты заключения соглашения, а начало образовательной деятельности должно было осуществляться после ввода объекта в эксплуатацию.

Данная концессия просуществовала девять лет и была расторгнута в судебном порядке по инициативе концедента в связи с тем, что реконструкция и строительство так и не были осуществлены, а концессионер с даты заключения соглашения и по дату его расторжения вел образовательную деятельность на объекте за плату, неосновательно обогащаясь. И даже выплачивая по решению суда суммы неосновательного обогащения концеденту за предшествовавшие годы, концессионер продолжал нарушать соглашение и вести платную образовательную деятельность, не приступая к строительным работам.

В банной концессии одному юридическому лицу были переданы два банных комплекса, состоящих из двух общественных бань каждый. Условием концессионного соглашения была реконструкция зданий бань и начало оказания банных услуг населению за плату, в том числе по сниженным тарифам для льготных категорий населения, после ввода объектов соглашений в эксплуатацию. Концессионер на протяжении от двух до четырех лет с даты заключения соглашений осуществлял деятельность по оказанию платных банных услуг на концессионных объектах без проведения реконструкции и ввода в эксплуатацию, извлекал прибыль, неосновательно обогащаясь и не вносил концессионную плату.

Сторона концедента осуществляла выездные проверки исполнения условий соглашений на объектах, однако они являлись плановыми, и концессионер предварительно уведомлялся о контрольном мероприятии. В актах проверок концедента было отражено, что банная деятельность на объектах не ведется, как не ведутся

и строительные работы. Формально контроль концедентом осуществлялся, но качество такого контроля оставляет вопросы. Лишь выездными проверками КСП Новосибирска, проведенными в форме «тайного покупателя», без уведомления концессионера о визите, было установлено и документально, путем проведения закупки с подтверждением платежным документом, зафиксированы факты несанкционированного осуществления деятельности на объектах. Неосновательное обогащение в рамках банной концессии нанесло ущерб бюджету города. По итогам проверок КСП Новосибирска концедентом направлены иски в Арбитражный суд Новосибирска. Судом приняты решения в пользу концедента, и большая часть суммы неосновательного обогащения возмещается концессионером в бюджет города согласно графику платежей.

Относительно банной концессии одно из судебных решений находится в стадии апелляции. Дело в том, что на определенной стадии реализации соглашений, после первой проверки КСП Новосибирска, концессионером все же были выполнены строительные работы и введены два здания из четырех в эксплуатацию. После чего перед концессионером встал вопрос о начале внесения концессионной платы. Здесь вышел на первый план нюанс, на который стороны не обратили внимания при заключении соглашения: что именно называется в соглашении объектом соглашения. Следуя прямому содержанию соглашения, объект каждого из двух концессионных соглашений банной концессии — это комплекс, состоящий из двух бань с технологически связанным с ним имуществом, т. е. один объект — две бани. При этом в соглашении не было оговорено, как платить концессионную плату — в части ли (например, равной 50 % установленной соглашением суммы), в доле ли (сообразно оценочной стоимости объекта недвижимости, отраженной в официальном отчете об оценке стоимости концессионной платы), в полной ли сумме независимо от количества введенных в эксплуатацию зданий на конкретную дату? В соглашении установлена твердая сумма концессионной платы без оговорок.

Как быть концессионеру, который ввел в эксплуатацию условную половину объекта? Строго говоря, исходя из формулировки соглашения, неважно, какой объем введен в эксплуатацию, важен факт ввода, и от этого факта считается начало обязанности концессионера по внесению концессионной платы за весь объект. Но для концессионера это влечет коммерческие потери. Поэтому концессионер обратился в апелляционную инстанцию за разделением объекта каждого соглашения на объекты, соответствующие объектам недвижимого имущества, т. е. сколько зданий, столько и концессионных объектов. Судебная инстанция запросила по данному вопросу отзыв КСП Новосибирска. В отзыве был поддержан концессионер. И вот почему: во-первых, описанная ситуация с составом объекта концессионного

соглашения уже повлекла задержку поступления в бюджет города концессионной платы и впредь концеденту лучше избегать в формулировках соглашений недосказанности, ведь разный по времени ввод в эксплуатацию двух отдельно стоящих зданий с разной степенью износа и техническими характеристиками реконструкции неминуем. Во-вторых, налицо риск неосновательного обогащения концедента, а это уже бюджетный риск, отвечать по которому придется бюджетными средствами. Пока не принято судебное решение, можно говорить именно о риске. Ведь если концедент будет взимать с концессионера плату, в том числе за здание, которое еще далеко от завершения реконструкции, что означает как неосновательное обогащение в этой части.

Таким образом, нюансов и ошибок в реализации концессионных соглашений немало. Это и непродуманность цели концессии, и отсутствие в ряде случаев расчетов и обоснований эффективности концессии, и недостаточность контроля на всех этапах со стороны концедента, и недопонимание сторонами сути, значения и последствий установления в соглашении натурального выражения концессионной платы, и подводные камни финансового участия концедента, доводящие последнего до состояния «не до жиру, быть бы живу», и недобросовестность концессионера, не считающего зазорным или рискованным для себя нарушать условия соглашения и обогащаться на муниципальном имуществе, а иногда это и свободная открытость формулировок законодательства, такая как «если иное не предусмотрено концессионным соглашением». Разве подобная формулировка в законе по смыслу не ставит концессионное соглашение со всеми его возможными юридическими несовершенствами в главенствующее положение над статьей федерального закона?

Итак, мы рассмотрели на примере снегоплавильной концессии, чем для концедента может обернуться иная формулировка финансового участия в концессионном соглашении. Но есть еще одно «и» в этом ряду перечислений. Это и концессионные риски для местного бюджета.

В банной концессии бюджетный риск сформировался, будучи обусловленным неправомерными действиями концессионера по осуществлению деятельности без проведения реконструкции банных комплексов и ввода их в эксплуатацию в совокупности с отсутствием надлежащего контроля за исполнением соглашения со стороны концедента. В этом примере бюджетный риск выражен в потенциальном риске финансовой ответственности города в случае причинения ущерба жизни и здоровью граждан, получающих банные услуги в зданиях с документально зафиксированной ограниченной работоспособностью.

Кроме того, как в банной концессии, так и в снегоплавильной, и в спортивной (в случае со спортивным комплексом с бассейном) образо-

вательной концессиях, бюджетный риск реализовался в виде ущерба бюджету Новосибирска, причиненного неосновательным обогащением концессионера.

В случае снегоплавильной концессии осуществился риск чрезмерной бюджетной нагрузки за счет более чем стопроцентного покрытия бюджетными средствами расходов инвестора, когда фактически инвестором своего проекта стал сам же концедент. В основе данного риска лежит отсутствие анализа и финансово-экономического обоснования проекта на этапе до заключения концессионного соглашения. Концедент стал заложником снегоплавильной концессии, поскольку односторонний выход из нее крайне затратен и невыгоден для города, а существенные условия о финансовом участии концедента уже не могут быть изменены.

На примере снегоплавильной концессии показан воплотившийся в реальность риск недостаточной общественной пользы (чрезвычайно дорогая для города снегоплавильная станция работает далеко не в полную силу по причине большой протяженности дорог города Новосибирска) и вытекающей из этого дороговизны подвоза снега.

Неочевидный на первый взгляд риск существует и в двух случаях спортивной концессии. Здесь установлен риск утраты концедентом концессионной платы, поскольку получение городом немонетизированного эквивалента концессионной платы полностью зависит от востребованности объекта муниципальными спортивными школами в сфере водных и ледовых видов спорта. Так, если снижается численность тренирующихся учащихся, то и размер концессионной платы, выраженный в тренировочных часах, снижается относительно установленного в соглашении размера платы. И город теряет свою выгоду от реализации такой концессии, чем нарушается то самое равенство, которое было представлено в начале статьи.

Как показала практика внешнего муниципального финансового контроля концессионных соглашений, прежде чем ввести в состав концессионного соглашения условие о натуральном виде концессионной платы без ее монетизированного эквивалента, стороне концедента необходимо в интересах городского бюджета города и горожан рассчитывать и анализировать последствия такой формы концессионной платы вплоть до последнего дня исполнения соглашения. Концеденту следует помнить и о том, что не может быть исключена вероятность недобросовестности концессионера при реализации соглашения, как и необходимости судебно-претензионной работы с концессионером, при проведении которой должна быть определяемой сумма исковых требований.

По данным деятельности аудиторской группы КСП Новосибирска, большинство концессионных соглашений реализуются неэффективно (табл. 3).

Балльная оценка эффективности реализации концессионных соглашений
Score assessment of the effectiveness of the implementation of concession agreements

Критерий оценки	Концессионные объекты			
	спорткомплекс с бассейном	центр ледовых видов спорта	объекты газоснабжения	бани
Полнота достижения целей заключения концессионных соглашений	0,5	1,0	1,0	0,0
Полнота выполнения условий концессионных соглашений	0,5	1,0	1,0	0,0
Целевое и эффективное распоряжение муниципальным имуществом, переданным концессионерам в рамках концессионных соглашений	0,5	1,0	1,0	0,0
Полнота осуществления ведомственного (муниципального) контроля исполнения условий концессионных соглашений	0,5	1,0	1,0	1,0
Устранение концессионером нарушений, выявленных при проведении контроля исполнения условий соглашений	0,0	1,0	1,0	0,0
Итого баллов	2,0	5,0	5,0	1,0
Балльная оценка от нормативной (5,0 балла), %	40,0	100,0	100,0	20,0

Примечание. В случае выполнения критерия присваивается 1 балл, частичного выполнения — 0,5 балла, невыполнения — 0 баллов. Оценка эффективности выполнена по совокупности полученных баллов: 100 % нормативного значения — реализация соглашения признается эффективной, менее 70 % — неэффективной. Экспертами при оценке выступили члены аудиторской группы КСП Новосибирска, отобранные в соответствии с аудиторским направлением по сфере концессии.

Note. In case of fulfillment of the criterion 1 point is assigned, partial fulfillment — 0.5 points, non-fulfillment — 0 points. Efficiency assessment was performed based on the total of the received points: 100 % of the normative value — the implementation of the agreement is recognized as efficient, less than 70 % — inefficient. The experts were members of the audit team of the Novosibirsk City Council selected in accordance with the audit area of the concession.

На основе рекомендаций КСП Новосибирска концедентом были разработаны планы устранения выявленных нарушений, досудебного и судебного урегулирования вопросов возмещения концессионерами ущерба, причиненного бюджету города, повышения эффективности реализации соглашений. Уже в процессе проведения комплекса контрольных мероприятий (от проверки к проверке) было отмечено существенное и действенное усиление контроля стороной концедента за исполнением концессионерами условий действующих концессий. И уже виден положительный результат упорядочивания концессионной деятельности (табл. 4).

Но достигаются ли концессионные цели действующими на сегодняшний день концессион-

ными соглашениями, охваченными комплексом контрольных мероприятий? В настоящее время экономическая, финансовая, бюджетная, утилитарная цели и общественная польза достигаются лишь четко продуманной и детально рассчитанной газовой концессией и спортивной ледовой концессией, что в данном случае также обусловлено качественной расчетной, аналитической базой соглашения. Снегоплавильной, банной, образовательной концессиями не достигнуты экономическая, финансовая, бюджетная цели в связи с многочисленными нарушениями концессионерами (в отдельных случаях и концедентом) условий соглашений, утилитарная цель и общественная польза частично достигаются за счет удовлетворения общественной потребности.

Таблица 4

Информация об устранении нарушений
Information about eliminating violations

Содержание нарушения	Образовательная концессия	Спортивная концессия	Банная концессия
Концессионером не согласована с уполномоченными органами проектная документация на реконструкцию			Устранено
Концессионером осуществляется деятельность на объекте до ввода в эксплуатацию, извлекается прибыль и не вносится концессионная плата	Устранено		Не устранено
Объект эксплуатируется концессионером без передачи его от концедента и без внесения концессионной платы		Устранено	
Пристройка с теплым переходом не построена, не введена в эксплуатацию в срок	Устранено		

Итак, практика внешнего финансового контроля муниципальной концессии показала, что концессия для концедента связана с существенными бюджетными рисками. Контроль со сторо-

ны концедента является инструментом достижения эффективности концессии. Нужно учитывать, что в концессии нет равенства, поскольку цели концедента и концессионера не совпадают. Для

города важна общественная польза, для концессионера в приоритете коммерческая прибыль. Желаемым общим результатом видится достижение равенства концессионных целей и интересов.

На основе опыта работы КСП Новосибирска предложены рекомендации для повышения эффективности внутреннего муниципального финансового контроля:

— проведение качественной предварительной оценки экономической выгоды от реализации концессионного соглашения как для концедента, так и для концессионера;

— обязательное предоставление концессионером информации о ежегодных инвестициях в целях осуществления контроля в части соблюдения концессионером этапов и сроков проведения строительства (реконструкции);

— проведение концедентом внезапных выездных проверок объектов, находящихся в ведении концессионера, в форме «тайного покупателя», т. е. без уведомления его о визите;

— проведение в целях прозрачности результатов контроля механизма контроля за выполнением показателей эквивалента концессионной платы в натуральном выражении.

Целесообразно в рамках риск-ориентированного подхода учитывать и минимизировать следующие риски концессионных соглашений:

— риск финансовой ответственности города в случае причинения ущерба жизни и здоровью граждан;

— риск неосновательного обогащения концессионера;

— бюджетный риск немонетизирования эквивалента концессионной платы в соглашении и вытекающий из него риск недостоверности бухгалтерской отчетности. Поскольку часы занятий не наделены денежным выражением, то отсутствует возможность осуществления бухгалтерского учета задолженности в случае возникновения таковой;

— риск чрезмерной бюджетной нагрузки за счет существенного покрытия бюджетными средствами расходов инвестора-концессионера;

— риск недостаточной общественной пользы;

— риск отклонения конечных результатов от первоначально запланированных при подписании и исполнении соглашения;

— риск ограничения полномочий концедента, регламентированных Законом о концессионных соглашениях, и риск невозможности полноценного осуществления им определенного условиями концессионных соглашений контроля за использованием концессионером имущества муниципальной казны.

Учет и заведомая оценка рисков реализации концессионных соглашений позволит избежать в процессе их исполнения ошибок и финансовых потерь, снизить затраты, повысить результативность концессионного менеджмента. Например, устранение риска отклонения конечных результатов от первоначально запланированных при подписании и исполнении соглашения может привести к устранению риска чрезмерных бюджетных расходов, так как риски часто взаимосвязаны. А устранение риска немонетизирования концессионной платы повлечет устранение риска ограничения полномочий концедента в части регулирования концессионной платы и контроля за ее предоставлением. В свою очередь, устранение риска ограничения полномочий концедента позволит избежать в дальнейшем риска недостаточной общественной пользы, поскольку концедент в рамках своих концессионных полномочий представляет и реализует в концессионном соглашении общественный запрос.

Кроме того, требуется улучшение качества межведомственного взаимодействия внутри органов исполнительной власти и организации претензионной работы.

Рекомендации, предложенные авторами, могут применяться в работе органов внутреннего и внешнего муниципального финансового контроля при выполнении контрольных и экспертно-аналитических мероприятий по вопросам эффективности реализации концессионных соглашений. Результаты данной работы могут быть использованы при оценке концессий других муниципальных образований.

Список источников

1. Исаева Н. А., Пономарёва Д. Г. Привлечение частных инвестиций в экономику России посредством концессионных соглашений // Вестник НГУЭУ. 2022. № 1. С. 224—237. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-1-224-237.
2. Провоторов И. А., Фрадин И. М., Вторников А. В. Проблематика обеспечения общественной эффективности концессионных проектов // ФЭС: Финансы. Экономика. Стратегия. 2019. Т. 16, № 12. С. 28—32.
3. Голощапова О. С., Корюкина В. А. Анализ оценки финансовой эффективности ГЧП на территории Российской Федерации // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2018. № 12. С. 50—60.
4. Егошина Д. А., Шелестова Д. А. Концессия как инструмент привлечения инвестиций в экономику // Экономика и финансы: в поисках новой модели инновационного развития: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. К 40-летию Волгоградского государственного университета. Волгоград, 2021. С. 23—27.
5. Чернышев А. И. Необходимость использования концессионных соглашений в деятельности органов местного самоуправления // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты: Сб. науч. ст. 5-й Междунар. науч.-практ. конф. Курск, 17–18 сентября 2015 года / отв. ред. А. А. Горюхов. 2015. С. 152—154.
6. Провоторов И. А., Дяченко О. А. Реализация проектов инфраструктурной концессии в регионе (на примере Воронежской области) // Экономика в инвестиционно-строительном комплексе и ЖКХ. 2018. № 1 (15). С. 91—97.

7. Баранов В. В. Концессионные соглашения как инструмент реализации государственно-частного партнерства в сфере управления инфраструктурными и социально значимыми проектами // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 9. С. 74—81.
8. Гусева Н. М. Внутренний контроль практики первого применения стандарта «Концессионные соглашения» // Бюджетный учет. 2020. № 4 (184). С. 39—45.
9. Симко Н. Н. Практика применения концессионных соглашений в России: нарушения в финансово-бюджетной сфере и методология финансового контроля // Chronos. 2022. Т. 7, № 2 (64). С. 47—51.
10. Рожков Е. В. Промежуточные результаты по концессионным соглашениям для Перми и Пермского края // Вестник университета. 2023. № 3. С. 71—79.
11. Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Концессионные соглашения в теплоснабжении // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2020. Т. 17, № 3. С. 53—62.
12. Звягинцев С. Е. Правовые аспекты распределения экономического риска в концессионных соглашениях и иных административных договорах // Административное право и процесс. 2018. № 1. С. 64—71.

References

1. Isaeva N.A., Ponomareva D.G. Privlechenie chastnykh investitsiy v ekonomiku Rossii posredstvom kontsessiionnykh soglasheniy [Attracting Private Investment in the Russian Economy Through Concession Agreements], *Vestnik NGUEU [Vestnik NSUEM]*, 2022, no. 1, pp. 224-237. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-1-224-237.
2. Provotorov I.A., Fradin I.M., Vtornikov A.V. Problematika obespecheniya obshstvennoy effektivnosti kontsessiionnykh proektov [Problematics of Ensuring Public Efficiency of Concession Projects], *FES: Finansy. Ekonomika. Strategiya [FES: Finansy. Economics. Strategy]*, 2019, vol. 16, no. 12, pp. 28-32.
3. Goloshchapova O.S., Koryukina V.A. Analiz otsenki finansovoy effektivnosti GChP na territorii Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the Assessment of Financial Efficiency of PPP in the Russian Federation], *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU [Scientific Notes of the Tambov Branch of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs]*, 2018, no. 12, pp. 50-60.
4. Egoshina D.A., Shelestova D.A. Kontsessiya kak instrument privlecheniya investitsiy v ekonomiku [Concession as a Tool to Attract Investment in the Economy], *Ekonomika i finansy: v poiskakh novoy modeli innovatsionnogo razvitiya : materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. K 40-letiyu Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta [Economics and Finance: in Search of a New Model of Innovative Development]: materialy IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. K 40-letiyu Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Volgograd, 2021, pp. 23-27.*
5. Chernyshev A.I. Neobkhodimost' ispol'zovaniya kontsessiionnykh soglasheniy v deyatelnosti organov mestnogo samoupravleniya [Necessity of Using Concession Agreements in the Activities of Local Self-Government], *Trendy razvitiya sovremennoy obshchestva: upravlencheskie, pravovye, ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty : Sb. nauch. st. 5-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, 17-18 september 2015 goda [Trends in the Development of Modern Society: Managerial, Legal, Economic and Social Aspects]: Sb. nauch. st. 5-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Kursk, 17-18 September 2015 goda]. Kursk, 2015, pp. 152-154.*
6. Provotorov I.A., Dyachenko O.A. Realizatsiya proektov infrastruktury kontsessii v regione (na primere Voronezhskoy oblasti) [Realization of Infrastructure Concession Projects in the Region (by the Example of the Voronezh Region)], *Ekonomika v investitsionno-stroitel'nom komplekse i ZhKKh [Economics in Investment and Construction Complex and Housing and Communal Services]*, 2018, no. 1 (15), pp. 91-97.
7. Baranov V.V. Kontsessiionnye soglasheniya kak instrument realizatsii gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sfere upravleniya infrastruktural'nymi i sotsial'no znachimymi proektami [Concession Agreements as a Tool for the Implementation of Public-Private Partnership in the Management of Infrastructure and Socially Important Projects], *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Property Relations in the Russian Federation]*, 2019, no. 9, pp. 74-81.
8. Guseva N.M. Vnutrenniy kontrol' praktiki pervogo primeneniya standarta «Kontsessiionnye soglasheniya» [Internal Control of the Practice of the First Application of the Standard "Concession Agreements"], *Byudzhetyy uchety [Budget Accounting]*, 2020, no. 4 (184), pp. 39-45.
9. Simko N.N. Praktika primeneniya kontsessiionnykh soglasheniy v Rossii: narusheniya v finansovo-byudzhetyy sfere i metodologiya finansovogo kontrolya [Practical Application of Concession Agreements in Russia: Violations in the Financial and Budgetary Sphere and Methodology of Financial Control], *Chronos [Chronos]*, 2022, vol. 7, no. 2 (64), pp. 47—51.
10. Rozhkov E.V. Promezhutochnye rezultaty po kontsessiionnym soglasheniyam dlya Permi i Permskogo kraya [Interim Results on Concession Agreements for Perm and Perm Krai], *Vestnik universiteta [Vestnik of the University]*, 2023, no. 3, pp. 71-79.
11. Makarova L.A., Nevzgodina E.L. Kontsessiionnye soglasheniya v teplosnabzhenii [Concession Agreements in Heat Supply], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo [Vestnik of Omsk University. Series: Law]*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 53-62.
12. Zvyagintsev S.E. Pravovye aspekty raspredeleniya ekonomicheskogo riska v kontsessiionnykh soglasheniyakh i inykh administrativnykh dogovorakh [Legal Aspects of Economic Risk Distribution in Concession Agreements and Other Administrative Contracts], *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Process]*, 2018, no. 1, pp. 64-71.

Информация об авторах

Выжитович Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vam_70@mail.ru

Мартынова Ася Александровна — инспектор Контрольно-счетной палаты города Новосибирска, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: amartynova@admnsk.ru

Нетисова Ивина Эдуардовна — аудитор Контрольно-счетной палаты города Новосибирска, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: inetisova@admnsk.ru

Information about the authors

Alexander M. Vyzhitovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation; Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vam_70@mail.ru

Asya A. Martynova — Inspector, Chamber of Control and Accounts of the city of Novosibirsk, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: amartynova@admnsk.ru

Ivina E. Netisova — Auditor, Chamber of Control and Accounts of the city of Novosibirsk, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: inetisova@admnsk.ru

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 25.04.2024.

ПАРАМЕТРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФУНКЦИОНАЛА ЦЕНТРА КАРЬЕРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Александр Вячеславович Назаров¹, Марина Дмитриевна Волкова²

^{1,2} Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Александр Вячеславович Назаров, nazarov_av@usue.ru

Аннотация. Влияние образовательных организаций на микросреду перемещается из области экспериментального добровольного материального блага в перспективную системную потребность. Эффективное взаимодействие с группами заинтересованных сторон возможно с привлечением центра карьеры образовательной организации. В статье представлена модель классификации деятельности центра карьеры образовательной организации с цифровыми параметрами, проанализировано распределение нагрузки по блокам деятельности. Показана существенная диспропорция доли документационного обмена среди блоков, а также определены точки роста по деятельности, связанные с внутренними бизнес-процессами и PR/GR-продвижением.

Ключевые слова: центр карьеры университета, параметризация, трудоустройство выпускников, третья миссия

Для цитирования: Назаров А. В., Волкова М. Д. Параметрическая модель функционала центра карьеры образовательной организации // Развитие территорий. 2024. № 2. С. 69—76. DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-69-76.

Problems of economic development and management

Original article

PARAMETRIC MODEL OF THE FUNCTIONS OF THE CAREER CENTER OF AN EDUCATION ORGANISATION

Alexander V. Nazarov¹, Marina D. Volkova²

^{1,2} Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Corresponding author: Alexander V. Nazarov, nazarov_av@usue.ru

Abstract. The influence of educational organizations on the microenvironment moves from the sphere of experimental voluntary material benefit to a prospective systemic need. Effective interaction with stakeholder groups is possible with the involvement of the career center of an educational organization. The article presents the model of classification of activity of the career center of educational organization with numerical parameters, the distribution of workload by blocks of activity is analyzed. It shows a significant disproportion of the share of documentation exchange among the blocks, as well as identifies the points of growth in activity related to internal business processes and PR/GR-promotion.

Keywords: university career center, parameterization, employment of graduates, third mission

For citation: Nazarov A.V., Volkova M.D. Parametric model of the functions of the career center of an education organization. *Territory Development*. 2024;(2):69—76. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2024-2-69-76.

Введение

Содействие трудоустройству выпускников для образовательных организаций высшего образования (ООВО) с 2020 г. стало одной из приоритетных тем в контексте взаимодействия учредителей образовательных организаций, государственных органов (могут совпадать с учредителем), сообществ и образовательных организаций. Согласно приказу Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2021 г. № 1094 «Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования», с 2022 г. доля трудоустроенных выпускников включается в список аккредитационных показателей ООВО и в иные документы по планам развития образовательной системы. Стратегии развития университетов также имеют

в своем составе стратегические направления либо программы, связанные с темой содействия трудоустройству [1] и формируют желаемую динамику показателей. «Третья миссия» отечественных ООВО — их влияние на микроокружение с помощью как сотрудников, так и выпускников — перемещается из области экспериментального добровольного материального блага в перспективную системную потребность, находит запросы на реализацию [2 ; 3]. В подобных условиях Министерство науки и высшего образования Российской Федерации генерирует запрос на включение в структуру или выделение в структуре единиц ООВО, ориентированных на содействие трудоустройству выпускников, — как прямым образом через согласование спроса и предложения направления по вакансиям, так и методами, требующими продолжительного времени осуществления: например, через формирование индивиду-

альных планов развития. При Минобрнауки России создан Экспертный центр карьеры и реализации профессиональных возможностей молодежи [4]. Центр выступает координатором программ и проектов развития ответственных подразделений ООВО, реализует проектно-аналитические сессии в разрезе федеральных округов и комплексные акселерационные программы для наращивания подразделениями востребованных компетенций и навыков по взаимодействию с различными заинтересованными сторонами (внутренними и внешними), связанными с темами трудоустройства. Часто такие подразделения именуется центрами карьеры, однако могут применяться и иные тематически связанные термины.

В то же время содействие трудоустройству выпускников предполагает целевое взаимодействие ООВО, государства, общества и бизнеса, обеспечивающее сохранение молодежного кадрового потенциала региона и, соответственно, влияющее на вопросы региональной кадровой безопасности, и требует поиска структурных решений. Механизм и административно-функциональное обеспечение взаимодействия возможны и с распределением между подразделениями сообразно сотрудничеству с профильными группами заинтересованных сторон, и в формате единого окна ответственного координирующего подразделения. В 2022 г. центр карьеры начал выполнять такие обязанности при многих вузах [4]. При этом особое внимание уделяется не только вопросу отслеживания эффективности трудоустройства по окончании обучения [5] или отдельным практикам содействия этому [6—8], но и функционированию и результатам деятельности центров карьеры [9—17], обеспечению их деятельности [18]. Эти вопросы сегодня активно освещаются в научной литературе и выдвигаются на обсуждение в рамках конференций, т. е. входят в поле академических исследований. Год от года за-

метно увеличивается количество новых исследовательских материалов, что может говорить и о востребованности темы, и об активности самих участников деятельности.

Цель исследования — попытка систематизации спектра деятельности центра карьеры и установление сквозных цифровых параметров для определенных видов деятельности, необходимых для повышения возможностей их планирования, организации, координации и контроля.

Моделирование и анализ функционала

Деятельность центра карьеры рассмотрим на примере ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет», который осуществляет подготовку специалистов преимущественно с экономико-управленческим образованием (до переименования в 2022 г. центр карьеры УрГЭУ имел название «Отдел взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала»). Анализ его практики и подходы к работе рассмотрены в рамках проекта стратегии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» с 2021 по 2030 г. [19 ; 20]

В статье приводятся результаты развития (апробации в актуальных бизнес-процессах) авторской модели классификации деятельности центра карьеры [21], полагающейся на подход к выражению нагрузки по определенным видам деятельности в системе цифровых параметров в сопровождении контрольных пунктов. Актуализированная модель имеет следующий вид (рис. 1). Каждый конкретный вид деятельности раскрывается по параметрам трудоемкости, распределения, итеративности и периодичности, совокупно формирующим представление о выделяемом процессе по измерениям затрат временных и человеческих ресурсов с учетом возобновляемости и проведением контрольных процедур.

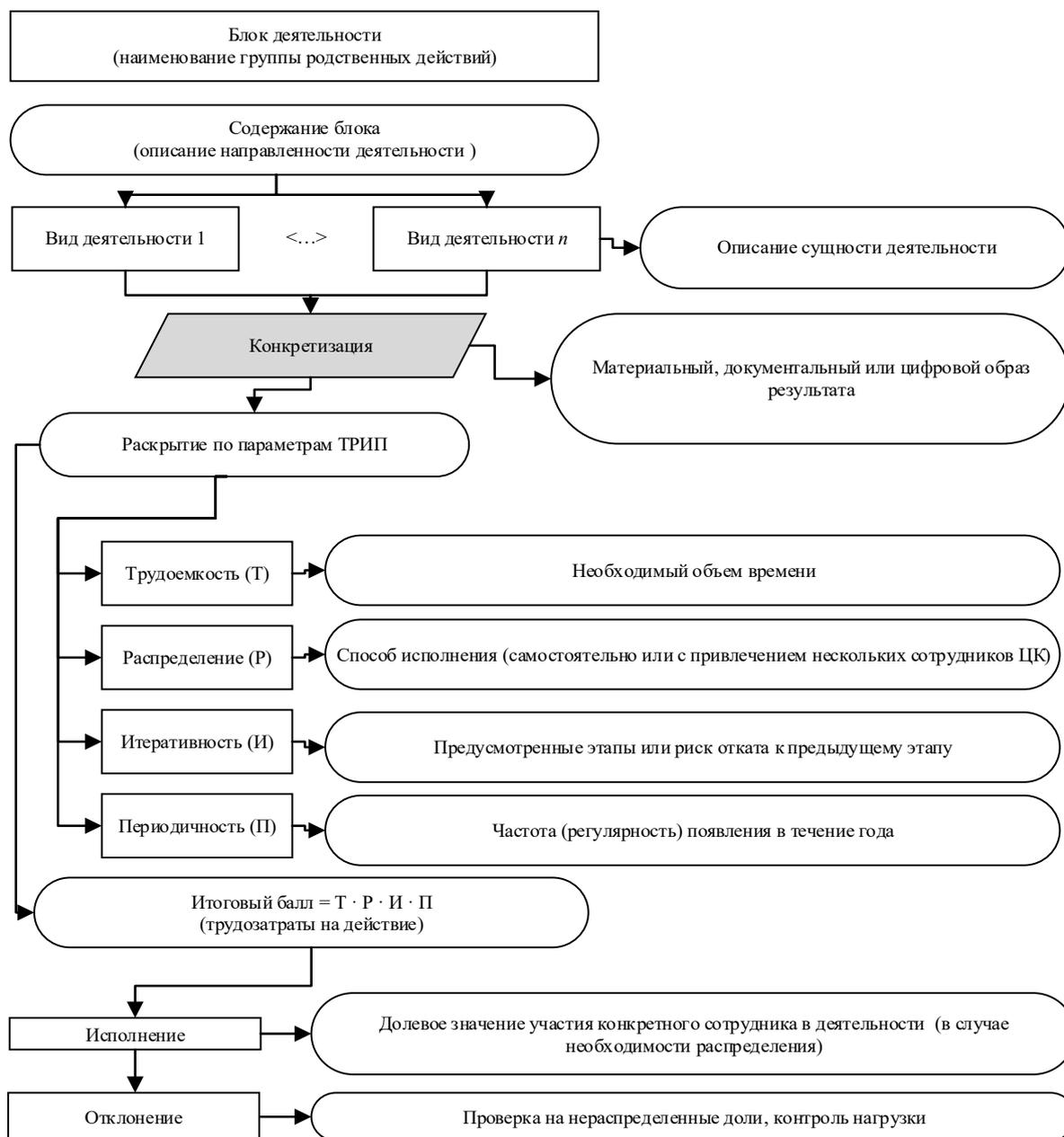

Рис. 1. Параметрическая модель нагрузки по деятельности центра карьеры (составлено автором)
 Parametric load model for career center activities (compiled by the author)

Установление весовых значений или детализация порогов внутри параметра в целях балансировки может стать предметом дискуссии и развития темы параметризации ввиду зависимости от практик и экспертного мнения конкретной ООВО

в случае апробации и накопления опыта. В отношении центра карьеры УрГЭУ такое установление весовых значений показывает свою полную применимость для параметрического подсчета баллов по процессу (табл. 1).

Таблица 1

Весовые значения параметров нагрузки
 Weight values of load parameters

Параметр	Качественное значение (выражение параметра)	Трансформация в цифровое значение
Трудоемкость	Высокая	1,8
	Средняя	1,5
	Низкая	1,2
Распределение	Необходимо	1,2
	Нет (или не предусмотрено)	1,1
	Возможно	1,0

Параметр	Качественное значение (выражение параметра)	Трансформация в цифровое значение
Итеративность	Высокая	1,5
	Средняя	1,3
	Низкая	1,1
Периодичность	Регулярно	1,5
	3—4 раза в год	1,4
	По факту	1,3
	2 раза в год	1,2
	1 раз в год или редко	1,1
Итого (диапазон)	Минимальное произведение баллов	1,45
	Максимальное произведение баллов	4,86

Примечание. Составлено автором.
Note. Compiled by the author.

Вне рассмотрения предельно возможной нагрузки (лимита трудовых обязанностей) в практике исследуемого центра карьеры зафиксирована реальная нагрузка, эквивалентная 261,2 балла, складывающаяся из цифрового выражения 106 видов деятельности, укомплектованных в 16 блоков. Принято решение о ребалансировке нагрузки (распределении обязанностей) в отношении сотрудников в соответствии с получаемой матрицей весовых значений процессов.

Приведем результаты анализа балльной нагрузки в разрезе блоков деятельности на основе парамет-

ров (рис. 2). Темным оттенком отмечены блоки профильной деятельности, светлым — те блоки, которые можно охарактеризовать скорее как обеспечивающие, в том числе обеспечивающие деятельность не только самого центра карьеры, но и других подразделений образовательной организации ввиду общности их задач или иных причин, а также практик ее деятельности. Распределение балльной нагрузки показало свою практическую устойчивость при отсутствии существенных воздействий (изменений) в системе.

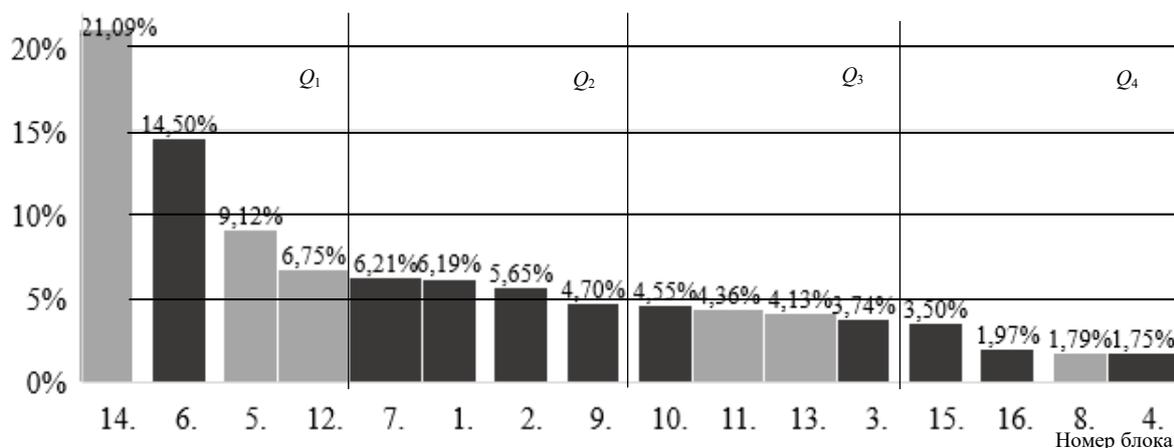

Рис. 2. Распределение текущей балльной нагрузки по блокам деятельности ЦК УрГЭУ (составлено автором)
Distribution of the current point load across activity blocks of the USUE Career Center (compiled by the author)

Представим распределение блоков по их характеру (табл. 2). Оно отражает подход конкретного центра карьеры. В другой ООВО компоновка

может отличаться. Тем не менее распределение с течением времени продемонстрировало административную устойчивость.

Таблица 2

Распределение блоков по характеру задач
Distribution of blocks by nature of tasks

Блок деятельности	Характер деятельности	
	профильная	обеспечивающая
1. Работа с предложениями работодателей по трудоустройству, их публикация	+	—
2. Работа со входящими резюме и помощь в составлении, обновлении резюме	+	—
3. Оповещение кадровых партнеров о мероприятиях и возможностях взаимодействия, формирование адресных подборок (в том числе для профессионального контакта)	+	—

Блок деятельности	Характер деятельности	
	профильная	обеспечивающая
4. Оповещение выпускников о карьерных мероприятиях, рекомендациях и адресных предложениях	+	—
5. Содействие кафедрам в обеспечении (в поиске мест) практической подготовки обучающихся	—	+
6. Организация и проведение карьерных и аналогичных им мероприятий	+	—
7. Подготовка и публикация сборника и информационного листка для выпускников о кадровых партнерах и рекомендациях по эффективному выходу на актуальный рынок труда	+	—
8. Сбор и актуализация сведений о стажировках профессорско-преподавательского состава в организациях и предприятиях для конкурсных процедур	—	+
9. Реализация программы кадрового резерва ООВО, развитие компетенций участников кадрового резерва	+	—
10. Поддержка молодых представителей состава научно-педагогических работников	+	—
11. Формирование запросов к другим структурным подразделениям ООВО или внешним контактам для получения необходимой информации по поступившему запросу	—	+
12. Поддержание сайта, социальных сетей, баз данных центра карьеры в актуальном состоянии	—	+
13. Обеспечение договорных основ взаимодействия ООВО и предприятий (организаций) в части практической подготовки обучающихся и содействия в профессиональном развитии, трудоустройстве выпускников	—	+
14. Подготовка аналитической информации и отчетной документации по деятельности	—	+
15. Индивидуальные консультации о карьерных проектах, практической подготовке, стажировках и карьерных возможностях, включая вопросы оформления документов	—	+
16. Иные виды деятельности, имеющие меньшую детализацию, обособленность и проявленность в текущей конфигурации	+	+

Примечание. Составлено автором.

Note. Compiled by the author.

Ожидаемой является неравномерность распределения нагрузки в свете указанных блоков. По удельному весу из шестнадцати блоков заметна диспропорция среди первых четырех, на которые совокупно приходится более половины всей нагрузки, причем к профильной деятельности можно отнести только организацию и поддержку мероприятий. В текущем своем содержании деятельность по обеспечению студенческих практик также носит преимущественно документационно-технический характер, однако в будущем на подготовительном этапе должна трансформироваться в инструмент поддержки выбранного студентом трека профессионального развития.

Стоит подчеркнуть, что на уровне регулирующего ведомства имеется полное понимание необходимости снижения нагрузки по формированию отчетных документов и справочных (аналитических) записок, предпринимаются конкретные шаги по интеграции параметров и нахождению информации не от центра карьеры, а из федеральных баз. Высвобожденный за счет этого ресурс времени может быть перенаправлен на профильную деятельность в различных ее видах и разработку новых компонентов и проектов по раскрытию талантов, развитию компетенций, построению и реализации карьерных и профессиональных траекторий, планов развития, учитывающих особенности ООВО и региона. Результатом всей этой деятельности должно быть достойное трудоустройство.

В части оптимизации затрат времени на профильную деятельность проведена работа по переводу приема вакансий централизованно на платформу «Факультетус», где работодатели самосто-

ятельно оформляют либо переносят из других систем вакансии (ранее вакансии при публикации на сайте центра карьеры проходили ручное редактирование и перенос информации), а также они могут анонсировать онлайн- и офлайн-мероприятия. Выбор о публикации готовых материалов в собственной цифровой карьерной среде ООВО остается за центром карьеры. Для работодателей, рассматривающих для себя статус партнера ООВО, подготовлен комплект документов и презентационные материалы по сотрудничеству, включая работу с платформой «Факультетус». При сокращении времени на обработку одной вакансии увеличился поток самих вакансий, изменился подход к их публикации — через сбор профильных подборок за конкретный период с публикацией в социальных сетях центра карьеры.

Сокращению непрофильной нагрузки и ускорению внутренних организационных процессов также поспособствует принятие внутриорганизационной парадигмы содействия подразделениям ООВО для сокращения алгоритмических этапов реализации карьерных проектов с обучением выделенных сотрудников кафедр взаимодействию с работодателями различных секторов как группой заинтересованных сторон.

По нашему мнению, большую долю и существенно более разветвленную структурную детализацию должен приобрести блок, связанный с консультированием студенческой аудитории, кадровых партнеров и иных заинтересованных сторон.

В практике дальнейшей работы с развитием роли центра карьеры консультационный блок и иные прямые взаимодействия с обучающимися

и кадровыми партнерами должны обрести более значимый удельный вес в распределении деятельности (с увеличением балльной потребности по временным затратам и частотности консультационных мероприятий) и нарастить структурную дифференциацию, подчеркивая обособленность отдельных видов и проектов консультационной деятельности.

По представленной структуре отсутствует обособленный блок деятельности, связанный с систематическим продвижением центра карьеры (его проектов) в направлениях общественных связей и связей с государственными органами, публикационной и медиа-активностью за пределами работы с вакансиями и иными предложениями от работодателей, что также является точкой роста. В настоящее время ведется работа по повышению субъектности центра карьеры в информационном поле. Центр карьеры имеет потенциал предоставления экспертного мнения по ряду вопросов, тем самым наращивая медийный вес и укрепляя бренд образовательной организации.

Заключение

Дальнейшие исследования, с одной стороны, могут быть направлены на развитие методики структурирования деятельности и цифровизации параметров деятельности, на моделирование бизнес-процессов и имплементации их в стратегические программы ООВО. Не исчерпала себя тема реализации «третьей миссии» в части доказательного подхода к определению результативности, чему также может способствовать моделирование, каталогизация и шкалирование содержания взаимодействия при содействии трудоустройству

как точке соприкосновения и развития взаимопонимания ООВО, участников рынка труда и его заинтересованных сторон. Параметризация деятельности и нагрузки (сама реконфигурация блоков с подсветкой приоритетных) способна оказать позитивное структурное влияние при координировании комплексных процессов взаимодействия (построении и реализации стратегических программ) с заинтересованными сторонами ООВО в условиях ограниченности ресурсов координирующего (управляющего) элемента и приведения результатов взаимодействия к определенному интегральному результату, начало развития чего имеется в авторском материале по другой линии исследований [22]. Соответственно, ряд блоков может получить более разветвленную структурную детализацию именно по причине «упаковывания» деятельности не от оперативных потребностей, а в связи с ориентацией на удовлетворение потребностей стратегических инициатив, совпадающих с реализацией и в контексте «третьей миссии», в том числе регионально значимых.

С другой стороны, при формировании мероприятий и проектов по блокам деятельности их содержание также должно ориентироваться на результаты мониторинга микросреды ООВО и применяться как воздействующий на микросреду инструмент, т. е. важен вопрос проработки мониторингового инструментария, который бы в том числе и определял значимость тех или иных блоков для пересчета их удельного веса в нагрузке. Сама структура подобного мониторинга и его интегральные показатели являются темой отдельного направления исследований.

Список источников

1. Проект Стратегии ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет с 2021 по 2030 г.» // Сайт УрГЭУ. URL: <https://science.usue.ru/images/docs/NIR/doc/razvitie21.pdf> (дата обращения: 16.09.2023).
2. Медушевский Н. А., Перфильева О. В. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2016. № 3 (5). С. 19—31.
3. Клемешев А. П., Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Стейкхолдерский подход в реализации «третьей миссии» университетов // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 114—135. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-7.
4. Экспертный центр карьеры и реализации профессиональных возможностей молодежи. URL: <http://expertcareercentre.ru/> (дата обращения: 16.09.2023).
5. Широкова Л. В., Запольский А. Д. Информационные системы мониторинга трудоустройства и карьеры выпускников вуза // Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития : сб. науч. ст. межрегионал. науч.-практ. конф. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2019. С. 204—208.
6. Непорада Н. П. Лучшие мировые практики карьерного сопровождения студентов и выпускников // Роль центров карьеры в реализации «третьей миссии» университетов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 28—29 октября 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Широкова. Курск : Университетская книга, 2020. С. 68—73.
7. Управление карьерными траекториями обучающихся в рамках проекта «Экосистема содействия карьере выпускника вуза „Career Tech” на базе Сибирского государственного индустриального университета» / Г. Г. Казанцева и др. // Управленческий учет. 2021. № 3—1. С. 161—176.
8. Доброногова Н. В. Построение карьеры для студентов и обучающихся: мотивы и этапы // Образование. Карьера. Общество. 2019. № 2 (61). С. 35—37.
9. Асалиев А. М., Дружинина Е. С. Современный опыт планирования карьеры выпускников и его использование при определении требований и постановке задач перед центрами трудоустройства и карьеры при высших учебных заведениях // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. Т. 18, № 5 (119). С. 122—128.
10. Джуманбетова А. А., Крюкова Е. С., Еланская В. И. Центр занятости и трудоустройства юридического факультета МГУ (Центр карьеры) как новая форма интеграции юридического образования и практики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsentr-zanyatosti-i-trudoustroystva-yuridicheskogo-fakulteta-mgu-tsentr-kariery-kak-novaya-forma-integratsii-yuridicheskogo> (дата обращения: 16.09.2023).

11. Дружинина Е. С. Предпосылки развития центров трудоустройства и карьеры в системе высшего образования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 5. С. 20—30.
12. Кислова И. А. Реализация проектов по развитию навыков построения карьеры: опыт Оренбургского государственного университета // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2022. С. 601—606.
13. Марсанова Н. Н. Возможности формирования и развития soft skills в рамках деятельности центров карьеры: опыт центра карьеры ТВГУ // Инновационные технологии в образовательной деятельности : материалы Междунар. науч.-метод. конф. Нижний Новгород, 2022. С. 105—108.
14. Морозов В. Б. Актуальные механизмы эффективного содействия трудоустройству кадров системы управления качеством // Известия Тульского государственного университета. Технические науки. 2020. № 10. С. 88—91.
15. Морозов В. М. О «третьей миссии» университета: новые возможности центров карьеры // Роль центров карьеры в реализации «третьей миссии» университетов : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Сочи, 28—29 октября 2020 г.) / отв. ред. Л. В. Широкова. Курск : Университетская книга, 2020. С. 64—68.
16. Сурнина Т. Н. Центр карьеры студентов как фактор обеспечения эффективности трудоустройства выпускников высшей школы. Луганск : Луганский государственный педагогический университет, 2022. С. 48.
17. Сысоева Е. А., Жукова В. С., Широкова Л. В. Аспекты реализации моделей взаимодействия центров карьеры вузов и предприятий промышленности в условиях трансформации рынка труда // Экономика промышленности = Russian Journal of Industrial Economics. 2023. Т. 16, № 2. С. 110—118.
18. Струзберг Г. В. Информационное сопровождение деятельности центров карьеры в образовательных организациях // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2022. С. 629—633.
19. Долженко С. Б., Патутина С. Ю., Назаров А. В. Оптимизация процессов содействия трудоустройству и взаимодействия с работодателями. Ч. 1 // Кадровик. 2020. № 5. С. 64—75.
20. Долженко С. Б., Патутина С. Ю., Назаров А. В. Оптимизация процессов содействия трудоустройству и взаимодействия с работодателями. Ч. 2 // Кадровик. 2020. № 6. С. 66—77.
21. Волкова М. Д. Параметризация деятельности центра карьеры вуза // Достойный труд — основа стабильного общества : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2022. С. 188—192.
22. Назаров А. В., Долженко Р. А. Подходы к определению значимости и результата согласованности интересов сторон в системе высшего образования // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 4 (105). С. 151—165.

References

1. Proekt Strategii FGBOU VO «Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskiy universitet s 2021 po 2030 g.» [Draft Strategy of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State University of Economics from 2021 to 2030"], Sayt UrGEU [UrSEU website]. Available at: <https://science.usue.ru/images/docs/NIR/doc/razvitie21.pdf> (accessed: 16.09.2023).
2. Medushevskiy N.A., Perfil'eva O.V. Interpretatsiya tret'ey roli universitetov na sovremennom etape [Interpretation of the third role of universities at the present stage], *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RSUHU. Series: Political Science. History. International Relations], 2016, no. 3 (5), pp. 19-31.
3. Klemeshev A.P., Kudryashova E.V., Sorokin S.E. Steykhholderskiy podkhod v realizatsii «tret'ey missii» universitetov [Stakeholder approach in the realization of the "third mission" of universities], *Baltiyskiy region* [Baltic region], 2019, vol. 11, no. 4, pp. 114-135. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-7.
4. Ekspertnyy tsentr kar'ery i realizatsii professional'nykh vozmozhnostey molodezhi [Expert Center for Career and Realization of Professional Opportunities of Youth]. Available at: <http://expertcareercentre.ru/> (accessed: 16.09.2023).
5. Shirokova L.V., Zapol'skiy A.D. Informatsionnye sistemy monitoringa trudoustroystva i kar'ery vypusnikov vuza [Information systems for monitoring the employment and career of university graduates], *Tsifrovaya ekonomika: problemy i perspektivy razvitiya* : sb. nauch. st. mezhregional. nauch.-prakt. konf. [Digital economy: problems and prospects of development] : sb. nauch. st. mezhregional. nauch.-prakt. konf. Kursk : Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2019, pp. 204-208.
6. Naporada N.P. Luchshie mirovye praktiki kar'ernogo soprovozhdeniya studentov i vypusnikov [Best world practices of career support for students and graduates], *Rol' tsentrov kar'ery v realizatsii «tret'ey missii» universitetov* : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sochi, 28-29 october 2020 g.) [Role of career centers in the implementation of the "third mission" of universities] : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sochi, 28—29 oktjabrja 2020 g.). Kursk : Universitetskaya kniga, 2020, pp. 68-73.
7. Kazantseva G.G. i dr. Upravlenie kar'ernymi traektoriyami obuchayushchikhsya v ramkakh proekta «Ekosistema sodeystviya kar'ere vypusnika vuza „Career Tech” na baze Sibirskogo gosudarstvennogo industrial'nogo universiteta» [Management of career trajectories of students within the framework of the project "Career Tech" ecosystem of assistance to the graduate career on the basis of the Siberian State Industrial University"], *Upravlencheskiy uchet* [Managerial Accounting], 2021, no. 3-1, pp. 161-176.
8. Dobronogova N.V. Postroenie kar'ery dlya studentov i obuchayushchikhsya: motivy i etapy [Career building for students and trainees: motives and stages], *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo* [Education. Career. Society], 2019, no. 2 (61), pp. 35-37.
9. Asaliev A.M., Druzhinina E.S. Sovremennyy opyt planirovaniya kar'ery vypusnikov i ego ispol'zovanie pri opredelenii trebovaniy i postanovke zadach pered tsestrami trudoustroystva i kar'ery pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh [Modern experience of graduate career planning and its use in determining requirements and setting tasks for employment and career centers at higher education institutions], *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2021, vol. 18, no. 5 (119), pp. 122-128. [
10. Dzhumanbetova A.A., Kryukova E.S., Elanskaya V.I. Tsentri zanyatosti i trudoustroystva yuridicheskogo fakul'teta MGU (Tsentri kar'ery) kak novaya forma integratsii yuridicheskogo obrazovaniya i praktiki [Center for Employment and Employment of the Faculty of Law of Moscow State University (Career Center) as a new form of integration of legal education and practice], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo* [Vestnik of Moscow University. Series 11. Law],

2015, no. 5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsestr-zanyatosti-i-trudoustroystva-yuridicheskogo-fakulteta-mgu-tsestr-kariery-kak-novaya-forma-integratsii-yuridicheskogo> (accessed: 16.09.2023).

11. Druzhinina E.S. Predposylki razvitiya tsestrv trudoustroystva i kar'ery v sisteme vysshego obrazovaniya [Prerequisites for the development of employment and career centers in the system of higher education], *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments], 2022, no. 5, pp. 20-30.

12. Kislova I.A. Realizatsiya proektov po razvitiyu navykov postroeniya kar'ery: opyt Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Implementation of projects for the development of career building skills: the experience of Orenburg State University], *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsestr obrazovaniya, nauki i kul'tury : materialy Vseros. nauch.-metod. konf.* [University complex as a regional center of education, science and culture]: materialy Vseros. nauch.-metod. konf. Orenburg : Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2022, pp. 601-606.

13. Marsanova N.N. Vozmozhnosti formirovaniya i razvitiya soft skills v ramkakh deyatelnosti tsestrv kar'ery: opyt tsestra kar'ery TVGU [Possibilities of formation and development of soft skills within the framework of career centers: experience of TVSU career center], *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovatel'noy deyatelnosti : materialy Mezhdunar. nauch.-metod. konf.* [Innovative technologies in educational activity] : materialy Mezhdunar. nauch.-metod. konf. Nizhniy Novgorod, 2022, pp. 105-108.

14. Morozov V.B. Aktual'nye mekhanizmy effektivnogo sodeystviya trudoustroystvu kadrov sistemy upravleniya kachestvom [Actual mechanisms of effective assistance to the employment of personnel of the quality management system], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Izvestiya Tula State University. Technical Sciences], 2020, no. 10, pp. 88-91.

15. Morozov V.M. O «tret'ey missii» universiteta: novye vozmozhnosti tsestrv kar'ery [About the "third mission" of the university: new opportunities of career centers], *Rol' tsestrv kar'ery v realizatsii «tret'ey missii» universitetov : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sochi, 28-29 October 2020 g.)* [Role of career centers in the implementation of the "third mission" of universities] : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sochi, 28-29 October 2020 g.). Kursk : Universitetskaya kniga, 2020, pp. 64-68.

16. Surmina T.N. Tsestr kar'ery studentov kak faktor obespecheniya effektivnosti trudoustroystva vypusknikov vysshey shkoly [Student Career Center as a factor in ensuring the effectiveness of employment of graduates of higher education]. Lugansk : Luganskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 2022, p. 48.

17. Sysoeva E.A., Zhukova V.S., Shirokova L.V. Aspekty realizatsii modeley vzaimodeystviya tsestrv kar'ery vuzov i predpriyatiy promyshlennosti v usloviyakh transformatsii rynka truda [Aspects of the implementation of models of interaction between career centers of universities and industrial enterprises in the conditions of labor market transformation], *Ekonomika promyshlennosti* [Russian Journal of Industrial Economics], 2023, vol. 16, no. 2, pp. 110-118.

18. Struzberg G.V. Informatsionnoe soprovozhdenie deyatelnosti tsestrv kar'ery v obrazovatel'nykh organizatsiyakh [Information support of career centers in educational organizations], *Universitetskiy kompleks kak regional'nyy tsestr obrazovaniya, nauki i kul'tury : materialy Vseros. nauch.-metod. konf. Orenburg : Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet* [University complex as a regional center of education, science and culture] : materialy Vseros. nauch.-metod. konf. Orenburg : Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2022, pp. 629-633.

19. Dolzhenko S.B., Patutina S.Yu., Nazarov A.V. Optimizatsiya protsessov sodeystviya trudoustroystvu i vzaimodeystviya s rabotodatelyami, part 1 [Optimization of processes of employment promotion and interaction with employers, part 1], *Kadrovik* [Kadrovik], 2020, no. 5, pp. 64-75.

20. Dolzhenko S.B., Patutina S.Yu., Nazarov A.V. Optimizatsiya protsessov sodeystviya trudoustroystvu i vzaimodeystviya s rabotodatelyami, part 2 [Optimization of the processes of employment assistance and interaction with employers, part 2], *Kadrovik* [Kadrovik], 2020, no. 6, pp. 66-77.

21. Volkova M.D. Parametrizatsiya deyatelnosti tsestra kar'ery vuza [Parametrization of the activity of the university career center], *Dostoinyy trud — osnova stabil'nogo obshchestva : materialy XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Worthy work - the basis of a stable society] : materialy XIV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ekaterinburg, 2022, pp. 188-192.

22. Nazarov A.V., Dolzhenko R.A. Podkhody k opredeleniyu znachimosti i rezul'tata soglasovannosti interesov storon v sisteme vysshego obrazovaniya [Approaches to determining the significance and the result of the harmonization of the parties' interests in the system of higher education], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Management in the East of Russia], 2023, no. 4 (105), pp. 151-165.

Информация об авторах

Назаров Александр Вячеславович — старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом, ведущий специалист центра карьеры, член рабочей группы СПК в области управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: nasarow.aw@yandex.ru

Волкова Марина Дмитриевна — ведущий специалист центра карьеры, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: m.d.volkova1@usue.ru

Information about the authors

Alexander V. Nazarov — Senior Lecturer, Department of Labor Economics and Personnel Management, Leading Specialist at the Career Center, Member of the SPK Working Group in the Field of Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: nasarow.aw@yandex.ru

Marina D. Volkova — Leading Specialist of the Career Center, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: m.d.volkova1@usue.ru

Статья поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 31.03.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 31.03.2024; accepted for publication 25.04.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимова Валерия Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: ipanisimova@yandex.ru

Волкова Марина Дмитриевна — ведущий специалист центра карьеры, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: m.d.volkova1@usue.ru

Выжитович Александр Михайлович — кандидат экономических наук, доцент, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: vam_70@mail.ru

Кисляков Алексей Николаевич — доктор экономических наук, кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры информационных технологий, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Логачёва Ольга Михайловна — кандидат физико-математических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Мартынова Ася Александровна — инспектор Контрольно-счетной палаты города Новосибирска, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: amartynova@admnsk.ru

Назаров Александр Вячеславович — старший преподаватель кафедры экономики труда и управления персоналом, ведущий специалист центра карьеры, член рабочей группы СПК в области управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Российская Федерация. E-mail: nasarow.aw@yandex.ru

Найданова Эржена Батожаргаловна — кандидат экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: erzhenabolotova@mail.ru

Нгуен Дык Кыонг — аспирант, Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация, преподаватель, Академия региональной политики, Хошимин, Вьетнам. E-mail: ngduong.vn@gmail.com

Нетисова Ивина Эдуардовна — аудитор Контрольно-счетной палаты города Новосибирска, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: inetisova@admnsk.ru

Руссиян Станислав Анатольевич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры высшей математики имени В. В. Пака, Донецкий национальный технический университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: st_russ@mail.ru

Семченков Андрей Сергеевич — доктор политических наук, доцент, профессор, кафедра истории, Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация. E-mail: andsem4@yandex.ru

Слепнева Людмила Романовна — доктор экономических наук, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: slluuro@mail.ru

Степанов Евгений Владимирович — кандидат экономических наук, кафедра экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: stepanovev@economy.samregion.ru

Тюкавкин Николай Михайлович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики инноваций, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Российская Федерация. E-mail: tnm-samara@mail.ru

Федякин Алексей Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, Российский университет транспорта, Москва, Российская Федерация. E-mail: avf2010@yandex.ru

Халтаева Светлана Романовна — доктор экономических наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: fregat102@mail.ru

Хантуева Инесса Олеговна — аспирант, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Российская Федерация. E-mail: inessa.olegovna91@mail.ru

Шарнопольская Оксана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и хозяйственного права, Донецкий национальный технический университет, Донецк, Российская Федерация. E-mail: o.sharnopolskaya@mail.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Valeria Yu. Anisimova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: ipanisimova@yandex.ru

Marina D. Volkova — Leading Specialist of the Career Center, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: m.d.volkova1@usue.ru

Alexander M. Vyzhitovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Management — branch of RANEP, Novosibirsk, Russian Federation; Institute of Economics and Industrial Engineering SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: vam_70@mail.ru

Alexey N. Kislyakov — Doctor of Economic Sciences, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Information Technologies, Vladimir Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Vladimir, Russian Federation. E-mail: ankislyakov@mail.ru

Olga M. Logacheva — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: omboldovskaya@mail.ru

Asya A. Martynova — Inspector, Chamber of Control and Accounts of the city of Novosibirsk, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: amartynova@admnsk.ru

Alexander V. Nazarov — Senior Lecturer, Department of Labor Economics and Personnel Management, Leading Specialist at the Career Center, Member of the SPK Working Group in the Field of Personnel Management, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: nasarov.aw@yandex.ru

Erzhena B. Naydanova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: erzhena_bolotova@mail.ru

Nguyen Duc Cuong — Ppostgraduate Student, State University of Management, Moscow, Russian Federation, Lecturer, Academy of Regional Policy, Ho Chi Minh City, Vietnam. E-mail: ngdcuong.vn@gmail.com

Ivina E. Netisova — Auditor, Chamber of Control and Accounts of the city of Novosibirsk, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: inetisova@admnsk.ru

Stanislav A. Russiyan — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Higher Mathematics named after V. V. Paka, Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: st_russ@mail.ru

Andrey S. Semchenkov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Department of History, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation. E-mail: andsem4@yandex.ru

Lyudmila R. Slepneva — Doctor of Economics Sciences, Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: sluro@mail.ru

Evgeniy V. Stepanov — Candidate of Economic Sciences, Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: stepanov@economy.samregion.ru

Nikolai M. Tyukavkin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Innovation Economics, Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russian Federation. E-mail: tnm-samara@mail.ru

Alexey V. Fedyakin — Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of History, Russian University of Transport, Moscow, Russian Federation. E-mail: avf2010@yandex.ru

Svetlana R. Khaltaeva — Doctor of Economics Sciences, Associate Professor, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: fregat102@mail.ru

Inessa O. Hantueva — Postgraduate Student, East Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation. E-mail: inessa.olegovna91@mail.ru

Oksana N. Sharnopolskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Management and Economic Law, Donetsk National Technical University, Donetsk, Russian Federation. E-mail: o.sharnopolskaya@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Общие положения

Редакция журнала «Развитие территорий» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим направлениям:

- Актуальные вопросы государственного и муниципального управления.
- Государство и гражданское общество, идеология и политика.
- Право и юридические науки.
- Экономические исследования.
- Проблемы развития экономики и управления.
- Информационные системы и процессы.
- Бизнес-информатика.
- Территория: факты, оценки, перспективы.
- Страницы истории.
- Научный поиск и предложения.

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: rasv_ter@siu.ranepa.ru.

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен представить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегий при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

Плата за публикацию статьи, равно как иные сборы, с авторов не взимается. Гонорар за статьи не выплачивается.

2. Порядок приема и отбора рукописей

Редакционная коллегия журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов.

При поступлении статьи в редакцию проводится ее проверка на соответствие тематике журнала и требованиям к оформлению. В случае несоответствия автору дается краткий ответ с отказом в публикации.

При соответствии статьи требованиям проводится ее проверка на отсутствие некорректных заимствований (плагиат).

В случае соответствия статьи всем перечисленным требованиям она направляется на научное рецензирование. Все статьи, принятые в редакцию, обязательно проходят процедуру двойного «слепого» рецензирования (автор и рецензент не известны друг другу). Рецензирование статей осуществляют не только члены редакционного совета и редакционной коллегии, но и приглашенные эксперты — признанные специалисты в той научной области, которой соответствует тематика статьи. Выбор рецензента осуществляется редакционной коллегией.

Рекомендации рецензентов являются основанием для принятия редакционной коллегией решения об опубликовании статьи.

Статьи, получившие отрицательную оценку рецензентов, отклоняются. Отклоненные статьи авторам не высылаются, с авторами не обсуждаются и повторно не рассматриваются.

Если редакционной коллегией принято решение «Рекомендовать к публикации с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков», то автору высылаются вопросы и/или предложения рецензента и устанавливается срок для устранения указанных недостатков либо аргументированного отклонения выдвинутых замечаний (в течение 10 рабочих дней). В случае возникновения серьезных противоре-

чий между автором и рецензентом редакционная коллегия имеет право направить статью на дополнительное рецензирование.

Срок хранения рецензий в редакции — 3 года.

Окончательное решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционно-экспертным советом журнала. Автор информируется о принятом решении.

Решение редакционной коллегии о допуске статьи или отказе в публикации направляется автору по электронной почте. В случае положительного решения в письме указываются сроки публикации.

Рукописи статей, рекомендованных к публикации, подвергаются редакционной обработке, которая включает литературное редактирование, корректуру, техническое редактирование. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. При необходимости замечания редактора согласуются с автором.

3. Требования к публикациям

Основные сведения об авторе. На русском и английском языках приводят: имя, отчество, фамилию автора (полностью). Наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна).

Также указываются электронный адрес автора (e-mail); открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии). Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме. Электронный адрес автора приводят без слова «e-mail», после электронного адреса точку не ставят. ORCID приводят в форме электронного адреса в сети Интернет. В конце ORCID точку не ставят. Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Содержание статьи: оригинальность текста, актуальность проблемы, четкая формулировка темы статьи, соответствие содержания статьи заявленной в названии теме, высокий научный уровень (признанные в науке методы исследования, корректность статистического анализа, обоснованность полученных данных, аргументированные выводы, логичность и полнота раскрытия темы), научный, научно-публицистический стиль изложения, терминологическая точность.

Структура статьи: введение (обоснование актуальности исследования, постановка проблемы, обзор литературы по тематике исследования); определение целей и задач; методы (описание научного инструментария исследования); результаты (представление основных фактических данных, обсуждение, интерпретация полученных данных, предложения по практическому применению и/или дальнейшему исследованию); заключение (выводы, подведение итогов статьи без повторения уже использовавшихся формулировок).

Аннотация: объем — от 100 до 150 слов, представляется на русском и английском языках. В аннотации необходимо отразить актуальность темы исследования, постановку проблемы, основные результаты и выводы. Аннотация должна отражать логику изложения материала в статье, лаконично и точно излагать основные идеи и выводы исследования.

Ключевые слова: объем — от 6 до 12 слов, должны отражать специфику темы статьи, объекта или результатов исследования на русском и английском языках.

4. Правила оформления научной статьи

Общие требования. Рукопись статьи оформляется в редакторе Microsoft Office Word и прикрепляется в формате *.doc, *.docx. Поля сверху, снизу, слева и справа — 2 см. Выравнивание по ширине. Абзацный отступ — 0,5 см. Межстрочный интервал полуторный. Переносы включены.

Шрифт представляемой в редакцию статьи — Times New Roman. Размер шрифта — 14 пт. В верхнем левом углу листа должен стоять УДК. Ниже по центру полужирным шрифтом прописными буквами печатается название статьи (на русском и английском языках). Далее фамилия автора, инициалы, строкой ниже — полное название организации, e-mail. Ниже через строку помещается аннотация и ключевые слова. Далее этот блок повторяется на английском языке. Еще через строку помещают основной текст статьи. (См. пример структуры статьи.)

Список источников. Размещается непосредственно после основного текста статьи. В список включают библиографические записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников. При этом сначала следуют источники на русском языке, после них — на иностранном языке. В список литературы не включаются нормативные правовые акты (законы, указы, постановления, стандарты и др.). Идентифицирующие сведения (наименование, номер, дата и др.) о такого рода документах приводятся в тексте при их первом упоминании. Список приводят в двух вариантах: на русском языке, оформленном в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка», и в романском алфавите, оформленном в соответствии с требованиями международной библиографической и реферативной базы Scopus. Фамилии авторов статей на английском языке представляются в международной системе транслитерации Британского Института Стандартов (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI). Английские источники оста-

ются без изменений, русскоязычные источники транслитерируются с помощью программы Translit (www.translit.ru, меню Варианты, пункт BSI) (см. пример пристатейного списка).

Дополнительные сведения. На последней странице на русском и английском языках приводятся: фамилия, полные имя и отчество (при наличии последнего), ученая степень и звание (при наличии), официальное название организации, должность, полный адрес организации (с указанием почтового индекса), служебный e-mail, номер служебного и контактного (мобильный, по возможности) телефонов.

5. Оформление отдельных элементов текста

Аббревиатуры. В тексте без расшифровки допустимо использовать только общепринятые аббревиатуры. К ним относятся пять общепринятых сокращений: *т. е.*, *и т. д.*, *и т. п.*, *и др.*, *и пр.*, а также *в.*, *вв.*, *г.*, *гг.* (при датах), *г.*, *д.*, *обл.*, *с.* (при географических названиях), *гл.*, *ч.*, *п.*, *подп.*, *разд.*, *рис.*, *с.*, *см.*, *ср.*, *табл.* (при ссылках и сопоставлении), *руб.* (рубль), *долл.* (доллар) и некоторые другие.

Не допускается использовать сокращения: *т. о.* — таким образом, *т. н.* — так называемый и *т. к.* — так как.

Помимо общепринятых аббревиатур в работах могут применяться авторские сокращения. При этом после их первого упоминания в тексте необходимо в скобках указать аббревиатуру, например средства вычислительной техники (СВТ).

Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуючную подпись. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносится в подрисуючную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуючная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт, головка таблицы выделяется жирным шрифтом.

Размеры рисунков и таблиц — не более 80 × 80 мм (на одну колонку), 170 × 170 мм (на две колонки) в начале или конце полосы. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте *после ссылки на них.*

Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 70 мм.

Буква «ё» употребляется только в целях смысловозначения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При косвенном цитировании (парафраз, или пересказ, — передача своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа «По данным британских ученых...», «В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

Ссылки. На весь заимствованный материал (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.) даются ссылки на источники.

В журнале приняты затекстовые библиографические ссылки. Они входят в пристатейный список источников. Библиографические записи источников в пристатейном списке нумеруются, оформляются по ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка» с обязательным указанием *общего количества страниц.*

Связь между текстом и цитируемым источником устанавливается посредством отсылки, которую оформляют в виде заключенных в квадратные скобки порядкового номера источника и через запятую номера страницы. Если приводят прямую цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *конкретную страницу* цитаты. Если приводят косвенную цитату, то в отсылке указывают порядковый номер и *постраничную пагинацию*, в пределах которой изложен упоминаемый материал. Если в тексте речь идет в целом об издании, в отсылке указывают только порядковый номер источника. Если текст цитируется не по первоисточнику, то отсылку следует начинать словами «Цит. по:». Например: [Цит. по: 9, с. 24—25] (см. примеры оформления затекстовых ссылок).

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК

В тексте отсылки оформляются следующим образом:

При прямом цитировании

Как отмечал Н. А. Бердяев, «идею прогресса нельзя смешивать, как это достаточно уже разъяснено, с идеей эволюции» [10, с. 222].

При парафразе, или пересказе

Так, Н. А. Бердяев раскрывает метафизическую сущность прогресса, отмечая связь идеи о прогрессе с мессианской идеей религиозных верований [10, с. 222—223].

При ссылке целиком на весь источник

В контексте рассматриваемой проблемы нельзя обойти вниманием известную работу Н. А. Бердяева [10].

При цитировании не по первоисточнику

Ж. Р. Колесникова, осмысляя свою эпоху, писал о процессе «истощения творческих сил человека в результате отрыва его от духовного центра жизни и исключительное обращение к периферии жизни...» [Цит. по: 23, с. 75].

Описание источника в затекстовой ссылке:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 269 с.

23. Колесникова Ж. Р. Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и русская религиозная философия начала XX века : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 163 с.

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конеv Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.

2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.

3. Браcлавец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.

4. Harris T. L., Whalen P. T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitija zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk, BGU, 2018, pp. 294—297.

2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser], Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.

3. Braslavец L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.

4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84.
Territory Development. 2021;(4):79—84.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

²Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

²ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Международное гуманитарное сотрудничество как фактор развития приграничных территорий // Развитие территорий. 2021. № 4 (26). С. 79—84. DOI: 10.32324/2412-8945-2021-4-79-84.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL HUMANITARIAN COOPERATION AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF FRONTIER ZONE

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

²Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation

¹kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

²ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I. S., Petrov I. P. International humanitarian cooperation as a factor of development of frontier zone. *Territory Development*. 2021;(4):79—84. (In Russ.). DOI: 10.32324/2412-8945-2021-4-79-84.

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — Master's Student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPА, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2000; одобрена после рецензирования 00.00.2000; принята к публикации 00.00.2000.

The article was submitted 00.00.2000; approved after reviewing 00.00.2000; accepted for publication 00.00.2000.

